Новый Журнал

127

THE NEW REVIEW

THE NEW REVIEW
НОВЫЙ ЖУРНАЛ

Основатели — М. Алданов и М. Цетлин — 1942

С 1946 по 1959 редактор М. Карпович

С 1959 по 1966 редакция: Р. Гуль, Ю. Деникс, Н. Тимашев

С 1966 по 1975 редактор Роман Гуль

Тридцать шестой год издания

Кн. 127 НЬЮ ЙОРК 1977

РЕДАКЦИЯ:
Г. Андреев (Хомяков), Р. Гуль (главный редактор)
Секретарь редакции: Зоя Юрьева

NEW REVIEW, June 1977
Quarterly No. 127
2700 Broadway, New York, N.Y. 10025
Subscription Price $20 — for one year
Publisher: New Review Inc.
Second Class Mail postage paid
at New York, N.Y.

ОГЛАВЛЕНИЕ

М. Булгаков — Ревизор, киносценарий 5
А. Плотницкий — Стихи 46
А. Коротюков — Поминки по Днепру 48
А. Величковский — Стихи 58
Дм. Кленовский — Стихи 59
В. Енютин — Тени детства 60
А. Волохонский — Стихи 69
Г. Андреев — Минометчики 71
А. Головина — Стихи 94
О. Анстей — Златоустая Анна всея Руси 95
И. Елагин — Стихи 106
И. Синявин — Ленинградские художники за свободу творчества 109
Л. Владимирова — Стихи 128
М. Волин — Стихи 130
В. Перелешин — Стихи 131
Г. Круг — Трисолнечный свет православия 132
И. Чиннов — Стихи 150

ВОСПОМИНАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ:

С. Левицкий — Памяти великого философа (С. Л. Франк) 151
С. Танеев — Из воспоминаний 165
Д. Шпиллер — Быт советских людей 180
С. Головань — Условия для осведомительной деятельности в Швейцарии 201

ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА:

Б. Ижболдин — Школа экономического синтеза 214

В. Пирожкова — Диссиденты и коммунизм 222

В. Пирожкова — "Народный фронт" в эмиграции из СССР 235

И. Синявин — Потуги сатанизма 262

Е. Валин — В какой мере "русский коммунизм" — не русский .. 273

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ:

Г. Майдачевский — Ответ Н. Ульянову. *В. Каган* — Письмо Короленко. *Ю. Иваск* — О смерти кн. Святополк-Мирского. *В. Рудинский* — Пушкин о Булгарине 284

БИБЛИОГРАФИЯ:

Р. Гуль — Прот. А. Киселев. Облик ген. Власова. *В. Зубов* — А. Авторханов. Загадка смерти Сталина. *С. Войцеховский* — *Дж. Тревин, Ч. Гибс.* "Дом специального назначения". *С. Женук* — Р. Муди. Жизнь после жизни. *В. Сечкарев* — С. Карлинский. Сексуальный лабиринт Гоголя. *Книги для отзыва* 293

Printed in U.S.A., by Computoprint Corporation
335 Clifton Ave., Clifton, N.J. 07011

"РЕВИЗОР" — КИНОСЦЕНАРИЙ М. БУЛГАКОВА

Михаил Булгаков впервые стал писать для кино в 1932 году, подписав контракт с "Межрабкомфильмом" о перемене диалога в фильме "Восстание рыбаков": новый диалог он готовил между 9ым и 19 мая того года. Два года спустя он сам сочинил два киносценария в сотрудничестве с режиссерами: "Мертвые души" (для "Мосфильма") и "Ревизор" (для "Украинфильма": ВУФКУ). Его друг, Сергей Ермолинский, вспоминал, как "в квартире шумели кинорежиссеры. Оба они — и киевский и московский — жаждали активного сотворчества. Ему было трудно привыкнуть к столь шумному методу работы". Дальше Ермолинский пишет, что "обе работы были бы доведены до конца, если бы не 'инстанции', изменившие, как это часто бывало, первоначальные наметки репертуарного плана".

Фильмы, значит, никогда не поступали в производство, но тексты обоих сценариев сохраняются. Текста "Ревизора" было по-видимому четыре варианта, а последний был опубликован в ограниченном издании для участников одной сценарно-производственной конференции в 1935 году. По этому же изданию печатается настоящий текст.

"Киевский" режиссер был Коростин, и так как он работал вместе с Булгаковым, невозможно определить точно, кто что писал. Ясно, однако, что Булгаковское знание Гоголя, и его фантазия, играли важнейшую роль в сочинении этого сценария. Интереснее всего перемены, сделанные Булгаковым в Гоголевской пьесе. Некоторые из них несомненно обусловлены другой художественной средой: зрителям показываются события, возможные в фильме, а не на сцене (или, по крайней мере, не без большого труда). Мы видим, например, как судья Ляпкин-Тяпкин идет к жене Добчинского; как Хлестаков, сопровождаемый городничим и другими служащими, осматривает тюрьму,

Copyright by The New Review, N.Y. 1977.

школу, богоугодное заведение — которые все похожи друг на друга, с теми же самыми коридорами и с жильцами, которые все повторяют одинаковые стандартные фразы. Мы видим жизнь Хлестакова в Петербурге, которую он сам себе представляет, и мечты городничего о его будущей жизни в столице. Но фантазия Булгакова проявляется скорее в других подробностях: в тросточке Хлестакова, которая превращается в волшебный жезл, которым ему удается украсть пирожки у торговки, когда он голоден; в полицейском-каланче, который бегает по городу, отдавая удивленному Хлестакову честь; в страсти жены городничего, которую Хлестаков тащит к себе в спальню, пока городничий не решается на какие-либо попытки мешать им. Наиболее удачной, пожалуй, является фигура "настоящего" ревизора, который впервые представляется нам в тройке, едущей через страницы письма, полученного городничим, и который в течение всего действия приближается к городу, чтобы принимать участие, после Гоголевской немой сцены, в оригинальном конце этого фильма.

Булгаковские киносценарии, так и его либретто, не являются очень важной частью его труда. Тем не менее, в них можно найти следы его гения, и интересно смотреть, как он его применяет к непривычному для него роду работы.

А. К. Райт

Queen's University,
Kingston, Canada

"НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ" ИЛИ "РЕВИЗОР" (ПО ГОГОЛЮ)

КИНОСЦЕНАРИЙ М. А. БУЛГАКОВА И КОРОСТИНА, 1935 г.

(Публикация А. К. РАЙТ)

НДП. Уездный город находящийся не то, чтоб далеко от Пензы, но и не совсем близко к Саратову, где-то у невидимой черты границы этих двух славных губерний. Весной в 1831 году медленно пробуждался от сна к своим делам безрадостным, пробуждался скорее по привычке.

Испокон веков по ним хоть часы проверяй, проходило, зевая, купечество к своим лабазам и торговым рядам. Опасливо

осматривали замки неестественной величины, и когда их отпирали, замки издавали давно утерянную мелодию — "коль славен..." ... на все лады...

НДП. И так начиналось каждое утро.

Первыми сколько-нибудь замечательными людьми в уездном городе оказываются помещики Петры Ивановичи Бобчинский и Добчинский.Оба низенькие, коротенькие, очень любопытные, оба с небольшими брюшками.

Дома их до уморительности одинаковы, очевидно построенные одним мастером, стоят рядышком на живописной улице. Домики, как две капли воды, похожи на своих хозяев и кажется вот они сейчас замахают ставнями и начнут наперебой друг перед другом хвастать городскими новостями.

Петры Ивановичи вышли каждый на свое крылечко, увидели друг друга, обрадовались, вежливо раскланялись и оба враз сказали:

— Здравствуйте, Петр Иванович... — и прежде чем отправиться в город по новости, как ходят по грибы, Петры Ивановичи сразу же и заспорили. Добчинскому очень хотелось итти в левую сторону города, но именно в эту же сторону намеревался побежать и Бобчинский, который сразу начал наскакивать на своего приятеля и засыпать его убедительными словами:

— Нет, нет, нет, Петр Иванович, сегодня левая сторона города моя, а правая ваша и новостей сегодня в правой стороне города, ей-ей, больше чем в левой, вы уж пожалуйста не спорьте, Петр Иванович... — и приятели разбежались — Добчинский направо и Бобчинский налево. Когда их проворные, маленькие фигурки скрылись из вида, прямо через улицу, как бы для контраста, торопилась огромная фигура судьи, в ногах которого путались два лающих пса, сдерживаемые массивными цепями. Смотритель богоугодных заведений — Земляника, фигурой поменьше судьи и меньше спутанный дикорастущими волосами, заслышав собачий лай, высунулся в окно своего дома и равнодушно извещал свою жену о том, что

— Опять судья Ляпкин-Тяпкин со своими кобелями идет к юбкам жены помещика Добчинского...

Добчинский, спрятавшись за выступ стены, следил за своим смертельным ворогом и когда судья юркнул в калитку, Петр

Иванович, терзаемый ревнивым чувством, побежал к своему дому, наткнулся на псов, привязанных судьей у калитки. Собаки, завидев Петра Ивановича, начали лаять и бросаться на него с такой силой, что сорвись железное кольцо и от Петра Ивановича не останется и звания. Добчинский боялся судейских собак, как огня палящего. Он поворотил от родной кровли и грустно пошел "по новости".

День Бобчинского тоже начался с неудач. Бойкость его пропала. Он остановился у пожарной каланчи, оглядывая беспросветно скучную улицу, точно вымершую. И когда мимо него проходил единственный живой человек — почтальон, Бобчинский скорее по привычке, без всякой страсти заглянул в сумку почтаря, но в следующую минуту цель уже была найдена. Любопытство озарило лицо Петра Ивановича изнутри. Он увязался за почтарем, ловко заглянул сбоку, потом забежал с другой стороны и увидел письмо, адресованное городничему — Сквозник-Дмухановскому.

Хитренный служитель почты на уговоры не сдавался и только, когда у него в ладони звякнули медные деньги, переданные Петром Ивановичем — эта маленькая лепта, первая взятка в фильме — почтарь отдал письмо и Петра Ивановича подхватило по улицам, словно у него образовались крылья.

НДП. Городничий Антон Антонович Сквозник-Дмухановский.

Городничий, уже постаревший на службе и очень неглупый, по своему, человек, черты лица грубые и жесткие, как у всякого, начавшего тяжелую службу с нижнего чина, сидел еще неодетый, заспанный, видно только что встал, и несмотря на это, сильно расстроенный. В руках у него большая книга в кожаном переплете, с огромными, серебрянными застежками. Это может быть "Свод законов российской империи" или может быть Библия, но при ближайшем рассмотрении она оборачивается сонником — толкователем снов.

Антон Антонович пробегал страницу за страницей, наконец нашел то, что было нужно и начал читать про себя.

НДП. Паче страшно видеть во сне крыс, к явной неприятности по должности.

Городничий жуликовато прищурился, как бы говоря"Хотел бы я знать, какая такая неприятность может угрожать мне, Сквозник-

Дмухановскому". Бобчинский влетел в покой сильного мира сего и сразу преобразился, серьезность, насколько она была присуща Петру Ивановичу, отобразилась на его лице, когда он вручал городничему письмо с печатями: Городничий медленно распечатал письмо.

Любопытство — этот один из человеческих пороков, коим Петр Иванович Бобчинский страдал в излишестве, сразу забрало его. Глаза Петра Ивановича заблестели как у игрока, увидевшего большую ставку.

Городничий читал письмо про себя.

НДП. Любезный друг, кум и благодетель, спешу уведомить тебя, что приехал чиновник из Петербурга с предписанием осмотреть всю губернию и особенно наш уезд.

Бобчинский, как по раскрытой книге читал на лице городничего о том, что "есть очень важные новости".

НДП. ... Я советую тебе взять предосторожность и удержаться на время от прибыточной стрижки, ибо он может приехать во всякий час, если уж только не приехал и не живет где-нибудь инкогнито, (слово "инкогнито" подчеркнуто два раза).

Антон Антонович глазам своим не верил. Вытер лоб и углубился в чтение во второй раз.

И вот по мере того, как он читал во второй раз, на письме зародилась движущаяся точка, сначала совсем маленькая, еле приметная, а потом все увеличивающаяся и увеличивающаяся она наконец, обозначилась тройкой лошадей, а вот и тарантас уже виден и седоки сидят в тарантасе. Точка и впрямь обернулась тройкой и еще пуще понеслась по белому полю письма строчек, словно по накатанной дороге. Бубенцы ее усиливались, бег ускорялся, она, подгоняемая гиканьем лихого молодца кучера, с песней, со свистом проносилась мимо запятых, точек, и вдруг с размаха поворотила и все увеличиваясь в своей стремительности, прогромыхала вниз, по последним строчкам Чмыховского письма, вырвалась на россейскую дорогу, коими исхлестана наша страна, и понеслась...

НДП. Ревизор есть чиновник, облеченный всей полнотой царской власти. Он может раздуть муху в слона. Но он также легко способен слона обернуть мухой.

На тройке с жандармом едет личность, одетая в партикулярное

платье, но судя по тому, с каким мастерством личность тычет кулаком по шее кучера и по присутствию сбоку жандарма — можно без ошибки сказать, что это инкогнито — большой чиновник или военный чин. Кучер хлестал лошадей, тройка пласталась, оставляя за собой длиннейший шлейф из пыли.

Городничий Антон Антонович Сквозник-Дмухановский растерялся:

— Я как будто предчувствовал. Сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы, черные неестественной величины, пришли, понюхали и пошли прочь.

Вот когда Бобчинскому фортуна повернулась приветливым ликом. Он со взбрыкиванием выскочил с крыльца городничего и так проворно побежал, что будочник, стоявший на часах у дома городничего, даже сплюнул, так ему не понравилось проворство Петра Ивановича.

И вслед за Бобчинским, мимо будочника промчался, грохоча сапогами полицейский Держиморда.

Бобчинский на наших глазах обежал два дома и не заставши никого, побежал дальше.

А Держиморда вертелся у дома помещика Добчинского, стараясь шпаженкой отбиться от судейских псов.

Всклокоченная голова судьи выглянула в окно, полицейский подбежал, что-то шепнул и скрылся.

Застегивая верхнее платье, судья открыл калитку и влекомый своими псами, побежал к городничему.

А на углу, там где продаются пирожки, бежавший Бобчинский столкнулся с Добчинским.

За дальностью расстояния не слышно, что говорит Бобчинский, но судя по его жестам, которые рождались, вскидывались, друг друга перегоняли, можно было догадаться ради чего на этом свете живет Петр Иванович Бобчинский, а судя по огорченному лицу Петра Ивановича Добчинского можно было судить как он, Добчинский завидует ему, Бобчинскому.

Мимо них пробежал, запыхавшийся полицейский Держиморда, глазом наметил бабу, торгующую пирожками. Баба сидела, держа между ног ведро, покрытое промасленным одеялом, без которого пирожки могут остынуть, и зазывала покупателей.

Держиморда добежал до торговки, смаху сунул свою жадную

лапу под одеяло, отчего баба взвизгнула, ухватив охальную руку полицейского, точно ее собирались обесчестить.
Но строгость голодных глаз Держиморды отрезвила торговку, а щедрая рука полицейского вынула из под одеяла пирожков, сколько могла, а могла она, надо признаться, много.
НДП. Перепуганные известием о ревизоре чиновники сбежались к городничему.
Городничий стоял, словно соляной столб у себя в гостиной, а вокруг него шло коловращение чиновников.
— Инкогнито проклятое,
вскипел городничий и коловращение разом остановилось. В эту минуту городничий ненавидел их всех. В каждом видел своего личного врага и находил удовольствие в том, чтобы попугать чиновников, что придавало ему самому больше храбрости.
— Вдруг заглянет...
стращал городничий чиновников:
— А... Вы здесь, голубчики...
городничий сам входил в раж, представляя собой кару господнюю. Он уже верил, что он-то и есть тот самый ревизор из Петербурга.
— А кто здесь судья...
а Артемий Филиппович Земляника, услужливо и не без удовольствия предавал своего ближнего и сообщал:
— Ляпкин-Тяпкин...
городничий входил в раж.
— А подать сюда Ляпкина-Тяпкина.
Судья не на шутку струхнул, но громовой голос городничего продолжал:
— А кто попечитель богоугодных заведений...
теперь уже судья в пику попечителю сообщал его фамилию:
— Артемий Филипыч Земляника.
— А подать сюда Землянику...
настаивал новоявленный ревизор.
— Вот что худо. На счет же внутреннего распоряжения и того, что называет в письме Андрей Иванович грешками, я ничего не могу сказать. Это уж так самим Богом устроено.
Амос Федорович Ляпкин-Тяпкин насторожился.
— Что же вы полагаете, Антон Антонович, грешками. Я говорю

всем открыто, что беру взятки, но чем взятки. Борзыми щенками... городничий посмотрел на судью, ему не хотелось спорить.

— Ну щенками, или чем другим, все взятки.

Но с этого момента в гостиной городничего намечался явный скандал. Уж теперь судья разошелся:

— Ну нет, Антон Антоныч, а вот например, если у кого-нибудь шуба стоит пятьсот рублей, да супруге шаль...

городничий старался потушить спор, но сам распалялся:

— Зато вы в Бога не веруете, а я по крайней мере в вере тверд. О, я знаю вас, вы если начнете говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются... Все эти рассуждения городничего льстили судье.

— Да ведь сам собой дошел, собственным умом.

Городничий запальчиво ответил ему:

— Ну в ином случае много ума хуже, чем бы его совсем не было.

И насколько в гостиной городничего, в связи с приездом ревизора, атмосфера была напряженной, настолько в трактире местной гостиницы чувствовалось благорастворение.

Старенькая попорченная шарманка играла тихую приятную мелодию, под звуки которой Петры Ивановичи завтракали, иногда перемежая рыбные блюда приятельскими поцелуями, которые между ними были в совершенном обычае.

Музыка неожиданно прервалась и в трактире появился молодой человек, недурной наружности, в цилиндре, одетый от лучшего петербургского портного и с тростью в руке.

Молодой человек, мучимый какой-то страстью ходил по трактиру, лицо его менялось каждую секунду.

Он с мутными глазами налетел на Петров Иванычей, вскинул на нос позолоченную лорнетку, заглянул им в тарелки, где лежала рыба, проглотил слюну и вышел из трактира.

Петры Ивановичи смотрели на него, как зачарованные. Они с него глаз не спускали. Бобчинский нагнулся к Добчинскому, что-то ему шепнул, тот мигнул пальцем и к ним подошел трактирщик Влас, который сообщил, что

— Чиновник, едущий из Петербурга по фамилиии Иван Александрович Хлестаков другую неделю живет, из трактира не едет, забирает все на счет и ни копейки не хочет платить.

По мере того, как Влас говорил, Петры Ивановичи оба начали вставать со своих стульев, что-то осенило их обоих, они бросились на Власа и начали целовать его в обе щеки, в благодарность за то, что существует его гостиница на этом белом свете.

Музыка в трактире снова заиграла и под веселые мотивы Петр Иванович Бобчинский, на радостях, выкидывал замысловатые "антраша" и вместе с Добчинским выскочил на улицу.

И насколько радостное возбуждение царило в трактире, настолько в гостиной городничего было все сдержанно и как бы в предчувствии бури.

Городничий взявши почтмейстера под ручку, отвел в сторону.

— Купечество да гражданство меня смущает, а я вот ей Богу, если и взял с иного, то право без всякой ненависти. Я даже думаю не было ли на меня какого-нибудь доноса.

А по улице неслись Бобчинский и Добчинский горя желанием поведать всему свету последнюю новость о ревизоре. Они с переменным успехом старались обогнать друг друга, то впереди мчался Бобчинский, то Добчинский, собрав последние силы, обходил своего приятеля.

В гостиной городничий просил почтмейстера.

— Послушайте Иван Кузьмич. Нельзя ли всякое письмо входящее и исходящее, знаете, этак, немножко распечатать и прочитать.

Почтмейстер вынул пачку распечатанных чужих писем.

— Знаю, знаю этому не учите. Я делаю это не то чтобы из предосторожности, а больше из любопытства. Смерть люблю узнать, что есть нового на белом свете.

Шум подобный надвигающейся буре, долетел до гостиной городничего. Двери точно ветром распахнуло.

Ворвались два коротких человека и так перебивали друг друга, что ничего нельзя было понять. Сыпалась тарабарщина из непонятных слов и возгласов.Оклик городничего отрезвил:

Петры Ивановичи начали рассказ. А Иван Александрович Хлестаков, тот о котором рассказывали Петры Ивановичи, шел по улице уездного города, терзаемый голодом.

До его слуха долетал уже знакомый нам голос торговки. — А вот горячие пирожки...

Хлестаков, как зачарованный шел на призыв бабы и даже тросточка застыла в каком-то напряженном положении.
Иван Александрович нерешительно задержался возле торговки и с видом знатного путешественника обозревал окрестности. Трость Хлестакова, его гордость являла собой дополнение к неотразимому виду "Петербургского льва". Короткая, блестящая палочка, отнюдь не предназначенная для опоры, в руках Хлестакова превращалась в волшебный жезл.
Иван Александрович стоял у самого ведра, спиной к торговке и через плечо заглядывал.
Тросточка за спиной Хлестакова пришла в виртуозное вращение. Баба глазела на быстро мелькающий конец трости и вдруг глаза ее наполнились чрезвычайным удивлением.
Волшебная трость Ивана Александровича, откинув край промасленного одеяла, быстро исчезла в ведре и сейчас же показалась обратно, унизанная двумя дымящимися пирожками.
Глаза торговки выпучились, как будто хотели выстрелить, раздался бабий визг.
Иван Александрович почувствовал, как его что-то рвануло назад, но он напряг последнее усилие и вырвав трость, помчался по улице, а в спину ему неслось:
— Прошалыга ты, а не барин...
— А вот он-то и есть тот чиновник, о котором изволили получить нотицию.
Настаивал Бобчинский в гостиной городничего и громко, так чтобы его слышали все, выкрикнул самое страшное слово:
— Ин-ког-ни-то.
Добчинский добавил:
— Ревизор.
Городничий в страхе отмахивался от них, а Бобчинский продолжал упорно настаивать, наскакивая на городничего:
— Он, он, ей Богу он, такой наблюдательный, все осмотрел...
Вот когда городничий услышал "наблюдательный", здесь он смутился.
— Где же он там живет?
Добчинский, стараясь обогнать своего приятеля, успел сообщить:
— В пятом номере под лестницей.

— А давно он здесь?
Приятели разом:
— Две недели.
Городничий обмер и про себя вспомнил все художества за эти две недели.
— В эти две недели высечена унтерофицерская жена. Арестантам не выдавали провизии. На улицах кабак.
Бобчинский возбужденный и развязный ходил по комнате. Он сейчас в апогее своего величия. Он как будто вырос и даже трудно постороннему человеку определить, кто сейчас по социальной лестнице из всех присутствующих мог бы сравниться с ним. Разве только Петр Иванович Добчинский, но и здесь Бобчинский опередил его.
Подойдя к окну, Бобчинский сначала застыл, потом всеми частями своего короткого тела выразительно протанцевал танец призыва и все чиновники, забывая табель о рангах, бросились к окну, налетая друг на друга.
В окне они увидели, как...
на противоположной стороне дома городничего стоял человек, одетый петербургским франтом. Это был Иван Александрович Хлестаков.
Он на минуту задержался в своем голодном шествии по улицам уездного города около дома городничего: покрутил головкой, понюхал воздух и медленно направился дальше.
Ему даже невдомек, что произошло в доме, на который он изволил только мельком взглянуть.
Чиновники страшно переполошились. Городничий наспех одевался и в сопровождении пяти полицейских выбежал из дома.
Сообразив, куда мог итти Хлестаков, городничий со свитой двинулся за ним. Рядом шли дрожки, в которые уже успели сесть Петры Иванычи и все это шло осторожно по следам Хлестакова.
И когда Иван Александрович только еще подумал завернуть в сторону моста, городничий подмигнул кому-то из свиты, каланча, покрытая полицейской шапкой качнулась, подошла к Антону Антоновичу и получала приказание:
— Беги скорей и встань на мосту для благоустройства.
Игнорируя заборы и всяческие препятствия, полицейский-калан-

ча шагал прямо через них, кратчайшим путем пробираясь к цели.
Когда Хлестаков подходил к мосту, совершенно неожиданно перед его глазами, как бы из под земли выросло нечто, чего не заметить нельзя. Иван Александрович растерялся, но каланча-полицейский приложил руку к шапке, что означало отдавание чести и улыбнулся преданной, располагающей улыбкой. Иван Александрович в свою очередь пытался выжать на своем лице ответную улыбку. Прошел мимо полицейского и стараясь не оглядываться быстро повернул за угол.
И когда Хлестаков перепуганный полицейским быстро побежал по улице, из-за угла выглянул озабоченный городничий, подозвал трех полицейских и зашипел:
— Разметать наскоро старый забор, что возле сапожника и поставить соломенные вехи, чтобы было похоже на планировку.
Полицейские скрылись.
В богоугодном заведении, под наблюдением Земляники, шел, что называется "дым коромыслом".
Больных в грязных колпаках и рваных халатах загнали в один угол, вмиг из дымной кузницы сделали подобие больницы и ждали прихода ревизора.
А на фоне неба стали вырастать строительные соломенные вешки, стучали заступы, трещало дерево и вдруг длинный большой забор начал шататься и падать, чуть не похоронив под собой Ивана Александровича Хлестакова, который во-время успел отскочить в сторону.
А за забором обнаружилась куча мусора на сорок телег, на вершине которой, точно памятник, стоял каланча-полицейский, отдавая честь и располагающе улыбаясь.
Городничий, увидев безобразие, схватился за голову.
— Что за скверный город, только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник, или просто забор, черт их знает откуда нанесут всякой дряни.
Улицу, на которой стоит трактир, трудно узнать. Ее метут и через поднятую завесу пыли видно силуэтом, как проносятся пожарные трубы, бегают угорелые полицейские. Иван Александрович еле добежал до своей гостиницы и скрылся в ней.
Номер пятый под лестницей, где остановился Хлестаков, самый маленький номер в гостинице. Это один из тех номеров, кои

похожи скорее на вытрезвительную камеру в полицейском участке, чем на пристанище для молодого чиновника из Петербурга.

Скудный свет падал в номер через маленькое отверстие, похожее на тюремное окно.

Прямо в сапогах и верхнем одеянии, на кровати лежал Осип, слуга Хлестакова, находящийся в той стадии голода, когда не то, чтобы ему грозила смерть от истощения, но и нельзя сказать уверенно, чтобы она ему совсем не угрожала.

— Черт побери, есть как хочется.

Осип лежал с открытыми глазами.

— Вот не доедем. Да и только, домой.

Осип с обидой двинул подушку кулаком и повернулся лицом к стене.

— Профинтил дорожкой денежки, голубчик...

А в это время перепуганный тем, что за ним ходят полицейские, Хлестаков, на цыпочках, тихонько проскользнул к себе в номер, осторожно закрыл дверь, съежился и ждал, что не раздадутся ли шаги полицейских по коридору.

— Теперь сидит и хвост подвернул и не горячится... — продолжал Осип.

Иван Александрович Хлестаков прислушался к тому, что говорил Осип, который уже стонал.

— Ах боже ты мой, хоть бы какие-нибудь щи...

Хлестаков посмотрел на Осипа, лежащего на его кровати, на огромные сапоги, которые первые почувствовали на себе пристальный взгляд Хлестакова, как-то заерзали на постели и только после этого Осип повернулся от стены.

Глаза барина и слуги скрестились, как шпаги и Осип не торопясь начал сползать с постели.

— Опять валялся на кровати.

Осип, поднимаясь с постели, вдруг упрямо стал отрицать факт лежания на постели.

— Да зачем же бы мне валяться. Не видал я разве кроватей, что ли.

Иван Александрович возмутился. Его принимали за дурака.

— Врешь, валялся, видишь вся всклокоченная.

Осип шел напролом, против совершеннейшей очевидности.
— Не знаю я разве что такое кровать. У меня есть ноги, я и постою.
Хлестаков, сраженный уверенным тоном Осипа, даже сам собственно не знал, может быть Осип действительно не лежал на постели.
Послышался громкий голос Хлестакова:
— Эй Осип, ступай туда...
Осип отрицательно мотнул головой и в знак того, что он действительно никуда не пойдет, сел на стул.

— Хозяин сказал, что больше не даст обедать. Еще говорит и к городничему пойду.

Вот тут Иван Александрович не на шутку испугался.
— Мы де этаких шаромыжников и подлецов видали. Я, говорит, шутить не буду, на съезжую и в тюрьму.

А на дворе съезжей стояла шеренга полицейских. Антонович командующим ходил по фронту и репетировал готовность своего учреждения.
— Приезжий чиновник спрашивает — службой довольны?
Полицейские все рявкнули так, что прохожие бабы шарахнулись в сторону:
— Всем довольны ваше благородие.
А городничий продолжал:
— А если спросит, отчего не выстроена церковь, на которую назад тому пять лет была ассигнована сумма.
Полицейские хором, как заученный урок рявкнули:
— Строилась, да сгорела, ваше высокоблагородие.
Городничий был доволен ответом.

— А то пожалуй кто-нибудь позабывшись скажет, что она и не начиналась.

Городничий сел на дрожки с Добчинским и помчался по улице. Номерной слуга, за которым шел Осип, подлетел к хозяину гостиницы Власу и начал нашептывать ему на ухо, что-то время от времени кивая в сторону стоящего Осипа, сейчас искусно прикинувшегося "казанской сиротой" и такой тихоней, что и воды не замутит.
Влас, глядя на Осипа мрачнее, откатился от стойки и в

сопровождении слуги начал спускаться в преисподнюю-кухню гостиницы, самое страшное место.

Повар, сущий Вельзевул, огромный, лоснящийся стоял среди пара, дыма и огненных языков, даже хозяин гостиницы Влас и тот побаивался его и обращался с ним вежливо.

— Тарас Иваныч, сочини бесплатный обед для пятого нумера, что третью неделю живет и денег не платит.

Повар сразу оживился, засучил рукава и начал фантазировать:

НДП. Куриный суп: берется два стакана мутной воды.

Повар зачерпнул из лохани, где моют грязную посуду мутную воду.

НДП. Четыре свежих куриных пера,

поваренок, подручный, выбежал на двор, ловко поймал курицу и приволок ее к шефу. Повар выдернул из хвоста четыре пера и сунул их в кастрюлю.

В мутную воду, где плавали куриные перья, щедрая рука повара сыпала неограниченно перцу и соли.

В номер пятый забежал Осип и довольный кричал:

— Несут обед.

Хлестаков прыгал от радости, как мальчик.

Вошел слуга. Накрыл на стол. А хозяин гостиницы Влас, повар и поваренок на цыпочках подошли к открытой двери пятого номера и заглядывали.

Ивану Александровичу наливали куриный суп. Он быстро и жадно начал глотать первую ложку, затем вторую, проглотив третью остановился — недоумение, испуг, попеременно отражались на лице Хлестакова.

Иван Александрович кричал слуге:

— Что же это за суп. Я не хочу этого супа. Дайте мне другого.

И когда слуга хотел взять суп, Хлестаков грудью начал его защищать.

— Ну — ну, оставь дурак.

И снова принялся за суп.

— Боже мой, какой суп. Я думаю еще ни один человек в мире не едал такого супа.

Хлестаков передал миску Осипу, а сам начал резать жаркое.

Повар и Влас "помирали" от смеха за дверью.

В трактир вошел, оглядываясь, городничий, за ним Добчинский.
НДП. Весть о приезде городничего вмиг облетела гостиницу.
К номеру пятому, под лестницей,осторожно подошли городничий и Добчинский. Остановились, не решаясь войти.
Хлестаков в номере причукнул и не дышал. Там было тихо.
Антон Антонович по старой полицейской привычке, этой второй натуре, прежде чем войти, решил сначала обозреть поле будущей деятельности.
Городничий припал к замочной скважине и первое, что он увидел, это огромную крысу, обманутую тишиной и вылезшую на свет божий из своей норы. Крыса увидела совершенно трясущегося Хлестакова, метнула своим длинным хвостом и исчезла под полом.

Антон Антонович отпрянул от скважины, он даже побледнел и, незаметно крестясь, шептал:
— Сон в руку.
Иван Александрович ждал каждую минуту появления городничего.
Ручка входной двери завертелась. Хлестаков съежился.
Входит городничий. С улицы, да еще и со страху, городничий ничего и никого не видел.
Он кашлянул.

Хлестаков отмалчивался.
Городничий с протянутыми руками двинулся вперед, неожиданно наткнулся на Хлестакова.
Оба вскрикивают, смотрят друг на друга выпучив глаза.
Городничий вытягивается перед Хлестаковым.
— Желаю здравствовать.
Хлестаков от испуга начал икать. Кланяется городничему.
Городничий обошел номер, заглянул, куда можно с деловым видом.
— Обязанность моя, как городничего здешнего города заботиться о том, чтобы приезжающим и всем благородным людям никаких препятствий...
Антон Антонович сбился от такой длинной тирады, что-то хотел продолжить, но не решился, окончательно спутался и вытянувшись, ждал своей участи.

Иван Александрович сначала заикаясь, а к концу речи начал говорить громко:

— Я не виноват, я право заплачу, мне пришлют из деревни...

Около номера пятого столпились все обыватели гостиницы. Ждали редкого развлечения. Все щелки были захвачены. Любопытные не могущие дотянуться до окна, подсаживали друг друга, чтобы хоть только на одно мгновение увидеть, что делается в номере.

Хлестаков старался всяко оправдаться перед городничим. Он вспомнил суп.

— Суп. Он черт знает чего плеснул туда. С чего же, я... вот новости...

на последней фразе голос Ивана Александровича окреп, прозвучала нотка уверенности и в лице появилась строгость.

В свою очередь, Антон Антонович оканчательно оробел. Он не знал с какого бока подойти к этому плюгавенькому, маленькому человечку.

— Извините я право не виноват. Позвольте мне предложить переехать со мной на другую квартиру.

Антон Антонович замер от своего решительного хода.

Иван Александрович не на шутку испугался и начал пятиться от городничего шепча:

— То есть...

Иван Александрович уперся в стенку, дальше отступать некуда. Он прокричал следующее слово:

— В тюрьму...

По истошному крику Хлестакова нельзя было понять, что он спрашивает городничего или сам ему угрожает тюрьмой. И как это бывает при сильном испуге, Хлестаков начал кричать:

— Да какое вы имеете право... Да вот я... Я служу в Петербурге...

Городничий не ждал такого оборота. При последних словах Хлестакова, колени Антона Антоновича подогнулись и задрожали.

Вот этот-то самый испуг Антона Антоновича и увидал Осип, внимательно следивший за всем происходящим и начал Хлестакову подавать всевозможные знаки, внушая ему, чтобы он

наседал на городничего еще пуще, не сдавался и что, дескать, все будет очень хорошо.

В коридоре зрители, с затаенным дыханием следили за разворачивающимися событиями.

А Хлестаков, подбадриваемый знаками Осипа, храбрился.

— Да вот вы хоть тут со всей командой, не пойду... Я прямо к министру...

взвизгнул он для большей убедительности.

А Осип продолжал знаки одобрения — дескать, вали, наседай, закручивай и дальше.

Вся атмосфера в номере была в пользу Ивана Александровича и он действительно разошелся. Он начал стучать кулаками по столу.

— Что вы, что вы...

И сам испугался своей храбрости, замер и смотрел испуганными глазами на Осипа.

Городничий трясся всем своим телом. Он выдавал себя, выбалтывал все и сам шел в руки Хлестакову.

— Помилуйте, не погубите, жена, дети малые... Если и были взятки, то самую малость...

Зрители в коридоре злорадствовали:

— Наконец-то нашлась управа и на нашего Антошу...

Хозяин же гостиницы Влас, растерялся. Он ничего не мог понять. Он видел, что в номере происходит что-то несообразное его понятиям о Хлестакове.

Городничий униженно оправдывался.

— Что же до унтер-офицерской вдовы, которую я будто бы высек, то это клевета, ей Богу клевета.

Хлестаков стремительно, перебивая городничего:

— Унтер-офицерская жена совсем другое дело... А меня вы не смеете высечь, до этого вам далеко...

И пройдя к городничему вплотную, Хлестаков встал в позу трагического актера, каких он часто видел в Петербурге, и на пафосе, с придыханием изъяснялся городничему:

— Я заплачу, я потому и сижу здесь, что у меня нет...

и красноречивым жестом показал, что у него нет денег.

Городничий, как только Хлестаков заговорил о деньгах, пришел в себя.

НДП. — О, тонкая штука. Эх куда метнул. Какого тумана напустил.

И второпях городничий оторвал мешавшую пуговицу, вытащил деньги и поднес их прямо в бумажнике. Хлестаков, боясь, что городничий может раздумать, быстро сунул деньги в боковой карман, и с деньгами в кармане, Хлестаков сразу стал неузнаваем. Уверенность в себе, в своих силах и приподнятость состояния — вот что было сейчас на лице Ивана Александровича Хлестакова.

Зрители в коридоре ахнули. Опять городничий, Антошка, взял верх.

А Влас, угорелой кошкой метнулся на кухню и грозно орал на повара:

— Тараска, катай министерский обед для ревизора из пятого нумера.

И началось. В громадной кастрюле исчезали бараны, гуси, куры, кусками летело масло, яйца.

Вырастали крепости из теста, на которых затейливо лепились шапки крема.

Анна Андреевна — жена городничего и Мария Антоновна — дочь его, разодетые в лучшие парадные туалеты, высунулись в окно и махали платками, бегущему к ним Добчинскому, который добежав до окна не мог произнести ни одного слова.

Раздраженная Анна Андреевна готова была спрыгнуть с окна.

— Ну что, ну рассказывайте. Ну да кто он такой. Генерал.

Добчинский, наконец, собрался с силами, мотал головой.

— Нет, не генерал, а не уступит генералу.

Издали показалась бричка с городничим и Хлестаковым. Марья Антоновна скрылась и через минуту появилась у окна с подзорной трубой.

Проезд Ивана Александровича Хлестакова по улицам уездного города был настоящим триумфальным шествием. Выскакивала гарниза и брала на-каруал.

Чиновники и писцы со страхом и любопытством подглядывали в окна. У торговых рядов купцы гнули свои спины.

Бричка приближалась к дому городничего.

Анна Андреевна вырвала у дочери подзорную трубу, вскинула ее

к глазу и безуспешно старалась поймать в увеличительное стеклышко петербургскую штучку.
Бричка, не останавливаясь проехала дальше.
Марья Антоновна чуть не плакала от того, что не успела рассмотреть ревизора невооруженным глазом.
На пути следования брички показалось здание, окруженное со всех сторон высоким тыном. Увидев его, Иван Александрович перестал улыбаться и про себя твердил:
НПД. Пронеси господи...

Но бричка окончательно свернула в сторону мрачного здания, с железными решетками на окнах и не успел Хлестаков опомниться, как окованные железом ворота раскрылись, затем за его спиной снова закрылись, прошумели железные задвижки, жалобно прогрохотали цепи.
НДП. Тюрьма.

Иван Александрович Хлестаков, со страхом вступал во вверенную Антону Антоновичу тюрьму, где сразу все не понравилось Ивану Александровичу. И воздух подозрительный и подозрительная свита и в довершение всего неожиданно перед Хлестаковым выросли два молодца тюремщика и преграждая путь, кланялись хлебом-солью, другой — серебряной чаркой, наполненной до краев и всевозможными закусками. Хлестаков оторопел, но все кругом кланялось и заискивающе улыбалось.
Не успел Иван Александрович прикоснуться к чарке, а из ближайшей камеры, как из могилы, раздалось протяжное:
— Здравия желаем Ваше высокоблагородие.
И эхом прокатилось по длинному коридору как зазубренный урок повторившийся всюду...
— Всем довольны, ваше высокоблагородие.
Иван Александрович, элегантно раскланивался с невидимыми доброжелателями и осушив чарку, жадно стал уничтожать закуску.
НДП. Уездное училище.
Коридор, по которому шел Иван Александрович, ничем не отличался от тюремного и только на место служителей тюрьмы в свите Ивана Александровича появились чиновники в парадных мундирах. Снова как в тюрьме, выросли два человека с хлебом-

солью, чаркой и закуской. Чиновники просительно кланялись и улыбались.

Хлестаков уже освоился со своим положением, робость исчезла и появилась начальственная осанка. Не успел он взяться за чарку, как из ближайшего класса рявкнули молодые глотки:

— Здравия желаем ваше высокоблагородие.

А из других классов неслось:

— Всем довольны...

НДП. Богоугодное заведение.

И тот же коридор и та же свита, только чарку подносили люди в белых халатах.

Иван Александрович принимал чарку так, как Наполеон принимал ключи от побежденных им городов.

И голоса, истерзанные болезнями и всякими недугами вопили из разных палат:

— Здравия желаем...

— Всем довольны...

НДП. Молва о Хлестакове мигом разнеслась во все концы глухого уезда и достигла ревизора из Петербурга, едущего инкогнито.

Ревизор, инкогнито, одетый в партикулярное платье, сидел в бричке,словно пораженный громом. А за его спиной заливались удаляющиеся бубенцы, они уносили молву о Хлестакове дальше.

Ревизор, инкогнито, очнулся, соскочил с брички, заметался по дороге. Гаркнул на жандарма. Жандарм, сопровождавший его, бросился к футляру, достал оттуда фуражку с большой кокардой. Ревизор надел ее, сразу преобразился в грозное рассейское начальство, прыгнул в бричку, съездил кулаком по шее ямщика, лошади рванули и тройка понеслась.

После бутылки толстобрюшки и губернской мадеры, Иван Александрович Хлестаков, сопровождаемый чиновниками, нетвердой походкой входил в гостиную Антона Сквозник-Дмухановского.

— Завтрак был очень хорош. Я люблю поесть. Ведь на то и живешь, чтобы срывать цветы удовольствия.

В это время, торжественно распахнулись двери и во всем своем великолепии предстала Анна Андреевна и Марья Антоновна, умышленно остановившись в дверях, как в раме, в которой все

замысловатости туалета и сами они выглядят значительно эффектнее.

Иван Александрович, увидя дам, сразу преобразился и этаким петушком, быстренько на цыпочках подлетел к ним и застыл в умилении. Городничий за спиной Хлестакова коротко рекомендовал:

— Жена и дочь.

И в противовес грубоватому голосу городничего, голос Ивана Александровича был самым приятным. Под сильным хмельком он отвесил Анне Андреевне такой поклон, что даже благородный какой-нибудь испанский гидальго просто позавидовал бы такому изяществу и тонкости обращения.

— Как я счастлив сударыня...

Анна Андреевна как-то сразу поддалась чувству изящного со стороны ревизора.

— Нам еще более приятно видеть такую особу...

— Помилуйте, сударыня...

Анна Андреевна, как королева оперлась на протянутую руку Хлестакова и Иван Александрович галантно проводил ее к дивану, мимо стоящей шеренги чиновников.

Сердце Анны Андреевны наполнилось восторгом и не желая оставаться в долгу перед гостем, приглашала ревизора сесть.

Но разве просто сказанные слова могут что-нибудь разъяснить. И первое слово Анна Андреевна сказала протяжно, певуче:

— Про — шу.

А дальше голос Анны Андреевны как-то сам обозначился и уже слова:

— Покорнейше садиться

Анна Андреевна неожиданно, как-будто пропела.

Хлестаков был во вдохновении. Он метнул взгляд на чиновников и как бы говорил "видали — влюблена, от одного моего взгляда влюблена".

И все услышали ответную приятную руладу:

— Как я счастлив, что наконец сижу возле вас.

Ивану Александровичу хотелось поразить всех окружающих и особенно Анну Андреевну. И вот здесь-то его тросточка и сыграла самую важную роль. Увидев в отдалении вазу с фруктами, Хлестаков, не вставая, нацелился, пронзил яблоко и

прямо на трости, самым элегантным движением передал яблоко Анне Андреевне — нет, не яблоко, а серце, пронзенное стрелой.
Анна Андреевна метнула взглядом на чиновников, который чуть ли не говорил — "видали пентюхи, сморчки деревенские, один мой взгляд и ревизор у моих ног".
Осип, слуга Хлестакова, выпив не одну кружку хмельного, сидел в людской в доме городничего и также, как Иван Александрович был окружен любопытными. Грудастые девки глядели ему в рот и ждали от него столичных сказок. Осип чувствовал на себе внимание.
В людскую вбежал слуга городничего Мишка и при всех передал Осипу, жалованный Антон Антоновичем стакан водки, на дне которого лежал "рупь" серебром. Водку Осип выпил и наслаждаясь звоном серебряной монеты разглагольствовал.
— Конечно, если пойдет на правду, так житье в Петербурге лучше всего, деньги бы только были. А жизнь тонкая и политичная и киятры... Собаки тебе танцуют...
А наверху в гостиной городничего, Иван Александрович тоже говорил о Петербурге. Ему он нравился больше, чем Осипу. Он воспламенялся и с жаром говорил:
— Эх Петербург, что за жизнь право. Вы может быть думаете, что я только переписываю?
Иван Александрович осмотрел внимательным взором стоящих в шерегу чиновников, желая проверить, может быть они точно думают, что он только и делает, что переписывает.
Но чиновники стояли в должном почтении и на вытяжку и тут Иван Александрович каждому из них на ушко, в виде презента передавал о своем положении в Петербурге.
На ухо городничему он шептал:
— Начальник отделения со мной на дружеской ноге.
А все чиновники старались уловить, что изволили сказать ревизор на ухо городничему.
А Иван Александрович уже на ухо Землянике шептал:
— И сторож летит еще на лестнице со щеткой. Позвольте, Иван Александрович, говорит, я вам сапоги почищу.
И уж всем и скорее Анне Андреевне и Марье Антоновне говорил:
— И только выйду...
и широким движением руки Иван Александрович нарисовал

лестницу подобной которой нельзя отыскать в природе. Лестница развернулась, словно скатерть самобранная. Тридцать тысяч ливрейных лакеев с булавами стояли на ней по бокам. Высшая столичная знать стремилась вверх по лестнице и вдруг, все замерло, все склонилось долу, и только слышалось на все лады:

— Иван Александрович... Иван Александрович идет... идет Иван Александрович...

Играя тросточкой и поблескивая звездами на груди, по лестнице восходил Иван Александрович, не замечая окружающих.

Мишка, слуга городничего, с замиранием сердца, подслушивал у гостиной городничего.

А в людской Осип, желая поднять свой авторитет и придать себе важность в глазах слушающих, иронизировал по поводу своего барина:

— Добро бы было в самом деле, что-нибудь путное, а то ведь е — ли — стра — тиш — ка...

но Осип спохватился и решил держать язык за зубами.

В людскую вбежал Мишка-слуга, глаза его горели. Он все слышал, что расписывал Хлестаков и с наслаждением передавал на всю людскую.

— Говорит, его за главнокомандующего приняли. Дом, говорит, у него собственный в Петербурге, самый лучший и всем известный.

И Иван Александрович нашел своих слушателей. Почтение, с каким внимали чиновники, толкало его на дальнейшее сочинительство.

Анна Андреевна спрашивала о самом для нее важном.

— Я думаю, с каким там вкусом и великолепием даются балы.

— Я всякий день на балах. Там у меня уж и вист составится: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я.

А в людской у Осипа вино развязало язык. Он продолжал разглагольствовать и как бы отвечал на реплику Хлестакова:

— Эх, если бы узнал это старый барин, он не посмотрел бы, а поднявши рубашенку, таких бы засыпал тебе, что дня четыре бы почесывался.

В людскую вбежал Мишка и передавал о чем наверху гость хвастал.
— Один, говорит, арбуз стоит семьдесят рублей.
Осип дико заржал от этой нелепости, а Мишка кричал:
— Суп, говорит, прямо из Парижа приезжает.
Осип перестал смеяться...
— Епартаментами, говорит, всеми один управляет.
Вот здесь Осип насторожился и укоризненно покачал головой, дескать — ай — ай —ай, вот так заврался, малый.
Иван Александрович всех поражал. Чиновники уже встали со своих стульев. Стояли на вытяжку.
Лука Лукича била лихорадка, именуемая болезнью высокого начальства.
Хлестаков же, закусив удила, нес:
— Меня сам государственный совет боится. Меня завтра же произведут сейчас же в фельдмаршалы.
Иван Александрович неожиданно поскользнулся и со всего размаха шлепнулся об пол так, что чиновники ахнули, как брызги разлетелись, потом бросились и стали поднимать Хлестакова.
Городничий трясся всем телом, силился выговорить:
— А... Ва... — Ва... Ва...
Хлестаков пытается найти равновесие, хватаясь за ушибленные места, смотрит на городничего и мотает головой.
Городничий не может миновать рифа:
— Ва... Ва... Ва...
Наконец вышло:
— Ваше... ство... превосходительство не прикажете ли отдохнуть, вот и комната.
Хлестаков, поддерживаемый городничим, направляется к двери, за ним Анна Андреевна и Марья Антоновна.
У дверей, ведущих в опочивальню, Хлестаков сделал всем прощальный поклон и дверь за ним шумно захлопнулась.
Городничий облегченно вздохнул.
— Слава богу, все кончилось благополучно.
Но тут-то и обнаружилось, что не все кончилось и не все благополучно.
Ужас обуял городничего, когда он увидел тщетную попытку

Анны Андреевны оторваться от двери, за которой скрылся Хлестаков. Подол ее платья накрепко зажатый дверью не отпускал ее. Иван Александрович заметил прищемленный дамский хвост из кружев и шелка. Глаза его вмиг загорелись и страстишка толкала на дальнейшие поступки.

Если бы он увидел целую юбку или всю Анну Андреевну, он может быть и не рискнул бы на такое отважное действие. Но маленькая деталь женского туалета затмила его настолько, что он запустил свою руку в кружевную пену юбок и начал настойчиво тянуть Анну Андреевну на себя.

Со всех сторон за происходящим следили чиновники-гости с замирающими сердцами, как выпутается из столь затруднительного положения Антон Антонович.

Городничий сразу сообразил, куда метнул вельможа.

Но вместо того, чтобы спасать жену, Антон Антонович вспомнил об отцовской обязанности, бросился к дочери, повернул ее спиной ко всему происходящему, подтолкнул к какой-то двери, торопливо перекрестил и наглухо закрыл ее.

Подглядывавшие чиновники хихикали.

Антон Антонович бросился к жене, но было поздно. Хлестаков как паук засасывал Анну Андреевну и городничий успел увидеть только руку своей жены, которая судорожно трепыхалась в воздухе, что могло означать в одном случае моление о помощи, а в другом случае совсем наоборот.

Задвижка в опочивальне Хлестакова прошумела и все стихло.

Гости, недвусмысленно улыбаясь, стали расходиться.

Первое, что родилось в сознании Антона Антоновича — это протест.

Он двинулся к двери. Ухватился за ручку.

А где-то в передней Бобчинский шушукался с Добчинским шепотом.

— В жизни не был в присутствии такой важной персоны, чуть не умер от страху, как вы думаете, Петр Иванович, кто он такой в рассуждении чина.

Добчинский также шепотом отвечал:

— Я думаю чуть ли не генерал...

Бобчинский тихо, но по привычке спорить с Добчинским открыл свои мысли:

— А я так думаю, что генерал-то ему и в подметки не станет. А когда генерал, то уж разве сам генералиссимус.

Городничий все еще стоял у двери, она по-прежнему висела на петлях и никаких следов бури не было видно.

Антон Антонович отказался от первоначального намерения ворваться в опочивальню к вельможе и восстановить поруганную честь мужа. Он отошел от двери и по мере удаления от места бесчестия к нему вернулась уверенность и даже надежда на будущие блага...

Отчего грудь его выпрямилась и честолюбивая мечта становилась явью, на груди появились звезды, кресты, медали и наконец — о, счастливейшая мечта — кавалерия через плечо.

Анна Андреевна вела себя в опочивальне Ивана Александровича совершенно двояким способом. С одной стороны кокетство требовало от нее учинять всякие препятствия мужским действиям, а влечение сердца толкало ее к нему поближе.

И когда влечение серца Анны Андреевны взяло верх над всеми иными соображениями, Хлестаков не на шуку испугался страсти, обозначившейся на лице Анны Андреевны. Взволновавшись от куска кружев, он перепугался ее. Самое тщедушное тело трусливо искало защиты и зарывшись под гору подушек, Иван Александрович захрапел так громко, что сразу можно было догадаться — сон для него сейчас единственное средство защиты в столь неудачном амурном деле.

Городничий замер, прислушиваясь к храпу ревизора и все в доме начали двигаться на цыпочках, а что могло не двигаться, застыло на месте. В образовавшейся тишине шум маятника вдруг вырос настолько, что стал один спорить с переливистым храпом Ивана Александровича, но рука городничего протянулась, поймала болтающийся медный диск, с силой рванула его и время остановилось.

Но как нарочно, гремя сапогами, с улицы влетели два полицейских и рявкнули так, что мертвые могли бы пробудиться. Городничий заткнул ревущие глотки и вывел полицейских на крыльцо.

А над домом городничего уже собирались тучи — черным вороньем кружились купцы в длинных сюртуках, держа под мышками сахарные головы и прочие подношения.

Антон Антонович, глядя на купцов, приказывал полицейским:
— Никого не впускать в дом стороннего — особенно купцов, только увидите, что идет кто-нибудь с просьбой, а хоть и не с просьбой, да похож на такого человека, что хочет подать на меня просьбу, — взашеи.
НДП. В благоустроенном государстве взятки даются без свидетелей между четырех глаз.
Судья первым представлялся ревизору. Его правая рука, судорожно зажавшая деньги для Ивана Александровича, жила самостоятельной жизнью и ничего общего с туловищем Ляпкина-Тяпкина не имела.
Хлестаков вел себя престранным образом. Он начал кружиться вокруг Амоса Федоровича по спирали, глядя на его руки, а судья, стоявший на вытяжку, уже слышал мелкую барабанную дробь, которая все усиливалась и становилась настойчивей.
Судья старался быть лицом к Хлестакову.
И чем ближе подходил Иван Александрович по спирали к судье, тем явственней слышалась мелкая дробь не одного, а нескольких барабанов. К ужасу Ляпкина-Тяпкина, Хлестаков опустился на корточки и внимательно смотрел на руку.
В ушах судьи стоял гул от барабанной дроби и неожиданно все смолкло.
— Что это у вас в руке?
Услышал Амос Федорович. Разом затрещали десятки невидимых барабанов. Брякнули невидимые кандальные цепи. Правая рука Амоса Федоровича разжалась и ассигнации легко подхваченные ворвавшимся в окно ветром закружились по комнате, разметаясь в разные стороны.
Иван Александрович бросился ловить их.
Ляпкин-Тяпкин стоял лишенный какого-либо соображения, обливаясь потом.
Иван Александрович собрал деньги.
— Знаете что.
И не знал, что сказать дальше. Замешательство длилось недолго. Счастливая мысль пришла.
— Дайте мне их взаймы. Я, знаете, в дороге издержался. То да се...
В гортани зародилось урчание, сходное с выражением

удовольствия. Даже послышались нечленораздельные возгласы радости.

Амос Федорович окончательно очнулся от столбняка, неожиданно вынул исписанный лист бумаги и таинственно передал его Хлестакову.

НДП. Для пользы отечества донесение. У попечителя богоугодных заведений Земляники больные мрут, как мухи, деньги, полагающиеся на них он прикарманивает, Земляника совершенная свинья в ермолке.

Иван Александрович читал отечественное донесение, а кто-то невидимый тихо и вкрадчиво покорял сообщениями.

— Судья, который только что был перед моим приходом, ездит только за зайцами. В присутственных местах держит собак...

Иван Александрович опустил донесение.

На месте судьи стоял попечитель богоугодных заведений Земляника, совершенная противоположность судье, проницательность, осведомленность и любовь к начальству — вот что было написано на лице Артемия Филипповича. Он продолжал свой устный донос.

— И поведенья судья самого предосудительного — здесь есть один помещик Добчинский и как только этот Добчинский куда-нибудь выйдет из дому, то он там уже и сидит у жены его, я присягнуть готов... И нарочно посмотрите на детей. Ни одно из них не похоже на Добчинского, но все, даже девочка маленькая, как вылитый судья.

Земляника вынул исписанную бумагу и протягивая ее Ивану Александровичу

— Не прикажете ли, я все это изложил на бумаге.

Хлестаков взял бумагу, а Артемий Филипович начал пятиться назад, к двери и проворно скрылся за ней.

Хлестаков встрепенулся и закричал:

— Эй, Вы, как Вас,

в дверь просунулась сначала только одна голова Земляники.

Иван Александрович поманил пальцем и Земляника неслышно приблизился.

Стараясь обворожить Землянику приятным голосом и манерами, Хлестаков начал:

— Со мной престранный случай. В дороге совершенно издержался. Нет ли у вас денег взаймы, рублей четыреста.
Артемий Филиппович неохотно достал деньги и передал их Хлестакову.
НДП. В благоустроенном государстве взятки даются между четырех глаз.
На месте Земляники стоял смотритель училищ Лука Лукич, трепещущий от страха, что и подметил Иван Александрович Хлестаков.

Ему страсть как захотелось попугать чиновника. Хлестаков начал пристально смотреть на Луку Лукича. В глазах Хлестакова появился фосфорический блеск. Иван Александрович как бы сверлил своим взглядом смотрителя училищ, и когда взгляд Хлестакова остановился на трясущихся коленях Луки Лукича, последний не выдержал и сам не заметил, как опустился на колени.

Хлестаков встал, подошел и показал стоявшему на коленях смотрителю выдержку из донесения.
НДП. Смотритель училищ внушает юношеству неблагонамеренные правила, он хуже чем якобинец...
Лука Лукич молитвенно скрестил руки, со слезами на глазах готов был оправдываться... Хлестаков наслаждался данной ему властью.

— Со мной престранный случай. В дороге...
и не успел еще Хлестаков закончить стереотипной фразы, как Лука Лукич радостно закричал

— Есть, есть, есть...
и лихорадочно начал шарить по карманам и доставать деньги. А за дверью Бобчинский и Добчинский, приготовляясь к встрече с Хлестаковым, собирали наличные деньги, которых оказалось 65 рублей ассигнациями.
НДП. В благоустроенном государстве...
На дороге стоят встретившиеся тройки.
— Городничий дал ему две тысячи...
расписывал уездный сплетник Петербургскому чиновнику последнюю новость о Хлестакове.
— Судья дал три тысячи (врал уездный сплетник).

— А сколько можно собрать с купечества...
мечтал уездный сплетник.
Настоящий ревизор обмер.
НДП. Взятки даются между четырех глаз...
На стене висит огромный портрет Николая I, с протянутой рукой, как бы для принятия взятки, а за письменным столом вельможа, чрезвычайно похожий на портрет российского императора тоже с протянутой рукой, в которой царский указ, скрепленный сургучными печатями, дающий право на ревизию губерний.
Будущий ревизор, низко склонившись перед вельможей, достал пачку новеньких ассигнаций и передавая...
— Ровно пять тысяч, хоть и не трудитесь считать. Еще как нарочно самыми новенькими бумажками.
Вельможа, принимая деньги:
— Это хорошо, ведь это, говорят, новое счастье, когда новенькими бумажками.
И будущий ревизор получил царский указ на руки.
Терзаемый воспоминаниями, настоящий ревизор рычал в припадке бешенства, сидя в бричке на пустынной дороге.
— Ка — на — лья...
Он схватил пистолет и, тыча им в шею кучера завопил
— Догнать мошенника...
Тройка, словно оторвалась от земли и птицей понеслась вперед. А ревизору казалось, что пейзаж сбоку совсем не двигается. Он грозил кучеру пистолетом, а кучер в свою очередь хлестал лошадей.
Тройка подлетела к обрыву и остановилась. На глазах ревизора паром отчалил от берега и медленно плыл по течению.
Ревизор истошно орал:
— Во — ро — тить...
Но паром неуклонно уходил все дальше и дальше...
Ревизор не выдержал и палил из пистолета в воздух.
У дома городничего купечество кружилось по одиночке и неожиданно, точно по сигналу — сбились в одну кучу, что-то обсудили и всем табуном ринулись к парадному городничего, сшиблись с полицейскими. Держиморда дал волю своим кулакам, награждая купцов оплеухами.

В общей суматохе молодой купец, будущий архи-плут, сообразил, быстро спустился на четвереньки, прополз между ног Держиморды, вскочил и скрылся в доме городничего. Купцы сразу успокоились и чинно стали ждать. Будущий архи-плут мигом обернулся из-за спины полицейских, давая знать, что ревизору нужно "дать", показывая на пальцах 800 рублей.

Купцы опять сбились в кучу и завязав ассигнации в платок, метнули его через полицейских. Архи-плут поймал и скрылся. Но за дверьми остановился, вынул из общественных денег три сотенных и спрятал их за голенище.

Городничий увидел, как купец шмыгнул к ревизору, он заметался по комнате, перехватил бегущую Марью Антоновну, подвел ее к двери и решительно втолкнул в комнату Хлестакова.

— Ах...

воскликнула Марья Антоновна, увидев как Хлестаков считает купеческие деньги.

Иван Александрович быстро спрятал ассигнации и незаметно выпроводив купца, начал подступать к Марье Антоновне.

Слесарша Пошлепкина ползла на четвереньках вдоль фасадной стороны дома городничего, прижимаясь к фундаменту, чтобы не заметили полицейские Свистунов и Держиморда, которые в это время ничего, кроме купцов, не видели.

Купцы первые заметили неестественное положение слесарши и на их тупых лицах выступил интерес.

Полицейские подозрительно переглянулись между собой, дескать, держи ухо востро, опять купцы что-то хитрят, а купцы обрадовались случайному развлечению — затряслись козлиные бороды и один из купцов крикнул на Пошлепкину:

— Ату ее.

Пошлепкина серой кошкой взвилась, чудом уцепилась за наличник окна и увидев Хлестакова с Марьей Антоновной, завопила истошным голосом:

— На городничего челом бью, слесарша я Пошлепкина. Мужу моему мошенники приказали лоб забрить в солдаты, а очередь на нас не припадала.

Пораженный Иван Александрович отскочил от Марьи Антоновны. Свистунов и Держиморда сторожевыми псами бросились к окну и началась борьба. Пошлепкина брыкалась

ногами, близко не подпуская Свистунова и Держиморду, купцы подзадоривали полицейских, а те словчились, поймали развевающийся подол слесарши, дернули, что есть мочи и вместе с оторвавшейся юбкой покатились по земле.

Пошлепкина кричала Хлестакову:

— Следовало взять сына портного в солдаты, да родители богатый подарок дали ему, тогда он, мошенник, присыкнулся к купчихе Пантелеевой, а та подослала супруге полотна три штуки, так он ко мне: на что, говорит, тебе муж, он уже тебе не годится...

И вдруг фигура слесарши Пошлепкиной исчезла. Полицейским удалось ухватить ее за ноги и стащить.

Хлестаков подбежал к окну; за ним подбежала Марья Антоновна, они увидели как полицейские волокли слесаршу за ноги, а слесарша, упираясь руками в землю, орала:

— Да я-то знаю, годится он мне или не годится, это мое дело, мошенник ты такой.

Полицейские ускоряли. Пошлепкина метнулась щукой и впилась зубами в зад Свистунова. У Свистунова занялся дух. Он выпустил слесаршину ногу, схватился за пораженное место и с воплем бросился в сторону.

Купецкие животы колыхались в утробном смехе.

Иван Александрович, хихикая, вдруг заметил соблазнительное плечико Марьи Антоновны и не долго думая, впился в него, та как ужаленная взвизгнула от боли и отскочила.

Хлестаков перепугался и начал уверять Марью Антоновну:

— Из любви, право, из любви.

Он грохнулся на колени и старался подползти к Марье Антоновне.

Анна Андреевна ворвалась в комнату.

— Поди прочь отсюда, слышишь, прочь, прочь.

Марья Антоновна, всхлипывая, сделала еще раз глазки Хлестакову и исчезла.

Хлестаков внимательно смотрел на возбужденную Анну Андреевну и вдруг упал перед ней на колени.

— С пламенем в груди прошу руки вашей.

Анна Андреевна с сожалением показала на массивное обручальное кольцо, а Иван Александрович настойчиво твердил:

— Это ничего, для любви нет различья, руки вашей, руки прошу...

Марья Антоновна впорхнула в комнату и, увидев стоящего на коленях Хлестакова, вскрикнула.

Хлестаков схватил за руку Марью Антоновну, поставил ее на колени рядом с собой.

— Анна Андреевна, благословите постоянную любовь.

Анна Андреевна в сильнейшем изумлении вскрикнула:

— Так вы в нее...

На самой лучшей тройке к дому городничего подкатил Осип. Он торопливо подошел к двери и остановился. До него доносилось что-то необыкновенное. Городничий кричал.

— Да благословит вас Бог, а я не виноват.

Перепуганный Осип быстро вошел в комнату и увидел, как Хлестаков целовался с Марьей Антоновной. Осип нарочито громко сообщил:

— Лошади готовы.

Хлестаков глупо недоумевал, о каких лошадях идет речь. Городничий, Анна Андреевна и Марья Антоновна бросились к окну, чтобы проверить.

Осип подозвал Хлестакова и шепотом говорил:

— Погуляли два денька, ну и довольно. Неровен час, какой-нибудь другой наедет.

Хлестаков тоже шепотом:

— Нет, мне еще хочется пожить здесь. Пусть завтра...

Осип требовал.

— Да чего завтра, ведь вас право за кого-то другого приняли. А лошади тут какие славные.

Хлестаков вздохнул, обернулся к городничему.

— Да, еду.

Городничий растерялся.

— А как же, то есть... вы изволили сами намекнуть насчет, кажется свадьбы.

Хлестаков вывертывается.

— А это... на одну минуту. Только на один день к дяде, богатому старику и завтра назад же.

Настоящий ревизор летел на тройке во весь опор, бричку под-

брасывало на шатких мостах. Ревизор стоял в бричке и подгонял ямщика, ямщик — лошадей...

У парадного крыльца городничего стоял тарантас, запряженный тройкой добрых коней.

Осип торопился укладывая нехитрый багаж, опасливо оглядываясь по сторонам, не задержут ли. Тренькали нетерпеливые бубенцы.

Настоящий ревизор летел во весь опор по Екатерининской дороге — аллее.

Хлестаков, провожаемый всем семейством городничего вышел на крыльцо.

Неизвестно откуда, точно из-под земли вынырнули Бобчинский и Добчинский. Им хотелось до страсти узнать, что произошло.

Хлестаков на глазах у всех привлек в свои обьятия Марью Антоновну.

— Прощайте ангел души моей, Марья Антоновна.

Иван Александрович с удовольствием целовал раскрасневшуюся Марью Антоновну.

Бобчинский и Добчинский впитывали все, что видели. Городничий умиленно ворковал:

— Прощайте, ваше превосходительство.

Хлестаков оторвался от Марьи Антоновны и взглянул на аппетитную Анну Андреевну бросился к ней.

— Прощайте маменька.

Иван Александрович сел в тарантас и тройка тронулась.

Городничий махал платком. Женщины посылали воздушные поцелуи. И только Добчинский и Бобчинский ухватившись за крылья тарантаса, бежали по дороге, не желая расставаться с вельможей.

Бобчинский еле поспевал за тарантасом, на бегу успел ввернуть просьбу Ивану Александровичу.

— Прошу покорнейше... сказать всем там сенаторам и адмиралам... что вот живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский.

Ямщик подобрал вожжи, тройка рванула и понесла, обдавая пылью оторвавшихся от тарантаса Петров Ивановичей.

Бубенцы, захлебываясь, уносились вдаль и уже не видно самой

тройки, а только звуковой след от Хлестакова долго еще был слышен.

Петры Иванычи подбежали к семейству Антона Антоновича.

Они видели, как вельможа целовался с Марьей Антоновной, можно сказать без их участия, совершились огромные события.

Антон Антонович не мог придти в себя от всего случившегося.

— Фу ты, канальство, с каким дьяволом породнились.

Петры Иванычи восторженно всплеснули руками и вмиг исчезли разносить последнюю новость.

— Как ты думаешь, Анна Андреевна, можем мы теперь влезть в генералы.

Анна Андреевна подтверждала.

— Конечно, можем.

— Ведь почему хочется быть генералом ...

мечтал Антон Антонович

— Потому что, случится поедешь куда-нибудь, фельдьегеря и адьютанты поскачут везде вперед — "лошадей" ...

и как далекое эхо, еле слышно доносилось

— "ло — ша — дей для его превосходительства Антон Антоновича Сквозник-Дмухановского"...

Антон Антонович входил в раж и представлял себе картину.

— И там на станциях никому не дадут лошадей, все дожидаются, все эти титулярные, капитаны, городничие.

Антон Антонович заливался и помирал со смеху.

— Какие мы теперь с тобой птицы сделались, высокого полета, чорт побери.

Купец в длиннополом черном сюртуке торопливо перебежал дорогу.

Городничий, увидев его, вмиг вспомнил все обиды причиненные купцами и вся сила и энергия его души обрушилась теперь на них.

— Постой, теперь я задам перцу всем этим охотникам подавать просьбы и доносы. Эй, кто там?

Из разных мест к городничему метнулись пять полицейских, со шляпой и шпагой Антона Антоновича.

Петры Иванычи носились по торговым рядам и баламутили купцов известиями о том, что ревизор женится на дочери городничего и неслись дальше.

Торговые ряды зашумели, словно потревоженный улей. Архиплуты, протобестии, надувалы морские подгоняемые страхом сбились вокруг купца Абдулина, теперь над купцами нависли тучи.

В полной парадной форме, при всех регалиях, со свитой из пяти полицейских, Антон Антонович шел по улицам уездного города и шествие замыкали пустые дрожки.

Антон Антонович руководимый желанием мести, алкал встречи с купцами. С губ его срывались обрывки угрожающих звуков, что-то отдаленно напоминающее — "гром победы раздавайся", переходящее в марш городничего. Купцы собрались в лавке Абдулина и прислушивались к надвигающемуся маршу и вдруг раздалось

— Здорово, соколики...

Купцы сразу склонились и в пол бубнили

— Здравия желаем.

Городничий оглядывал склоненные фигуры и обманно ласковым голосом говорил:

— Что, голубчики, как поживаете, как товар идет ваш...

Но сам не выдержал лицемерия и гаркнул на всю лавку

— Что самоварники, аршинники. жаловаться...

— Архиплуты, простобестии, надувалы морские, жаловаться...

С последней угрозой купцы как один человек рухнули на землю, а над ними возвышался голос, мечущий громы.

— Знаете ли вы семь чертей и одна ведьма вам в зубы, что чиновник, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери...

Купцы припадали к земле и вопили.

— Виноваты, Антон Антонович.

Городни .ий гремел, словно раскаты грома:

— Жаловаться...

И увидев купца, у которого борода стелилась по земле, Антон Антонович подошел, топнул ногой, наступил сапогом на бороду.

— А кто тебе помог сплутовать, когда ты строил и написал дерева на двадцать тысяч, тогда как его и на сто рублей не было. Я помог тебе, козлиная борода.

Купцы взмолились, они перебивая друг друга орали.

— Лукавый попутал и закаемся вперед жаловаться, не погуби только.

Городничий, глядя на распростертые на земле сюртуки, наслаждался предельным унижением купцов.

— Теперь не погуби, ух, я бы вас...

Антон Антонович размахнулся, но сдержался.

— Я не памятозлобен, только теперь держи ухо востро, я выдаю дочку не за какого-нибудь простого дворянина, чтобы поздравление было...

Последние слова городничего послужили как бы сигналом. Купцы вскочили. Абдулин первый схватил штуку сукна в 60 аршин, вышел и бросил ее в бричку, после чего подарки посыпались со всех сторон. Тюки разных размеров нагромождались в тарантасе городничего один на другой, так что самому Антону Антоновичу пришлось встать и на его глазах купеческие приказчики вдруг бросились к лошадям, вмиг распрягли их и случилось то, чего никак не мог ожидать Антон Антонович. Приказчики сами впряглись в тарантас и повезли Антона Антоновича по городу.

Городничий торжествовал, проезжая мимо церкви он остановил купцов и истошно кричал:

— Валяй во все колокола, кричи во весь народ, черт возьми уж когда торжество, так торжество...

На дворе съезжей полицейские готовили к всенародной порке жалобщиков и челобитников, которые осмелились подавать просьбы на городничего.

К порке готовили слесаршу Пошлепкину, которая продолжала жаловаться.

— Да мне то каково без мужа, мошенник ты этакий. Я слабая женщина, подлецы вы такие...

кричала Пошлепкина.

И под веселый перезвон церковных колоколов началась полицейская экзекуция.

НДП. И дан был бал.

Цвет уездного города, от которого три года скачи ни до какого государства не доедешь присутствовал на балу у городничего. Музыканты старались произвести как можно больше всевозможного шума, под звуки которого уездные танцоры и

франты выделывали невероятные вензеля. Ничто не сидело на месте, все двигалось в стремительном танце и даже сам Антон Антонович, в припадке необузданной радости, помолодевший, оттопывал своими огромными ботфортами так, что половицы под ним трещали.

Все были заняты танцами настолько, что не обратили внимания на взволнованного почтмейстера, влетевшего в зал.

— Господа...

вопил почтмейстер, но пары со смехом проносились мимо.

Почтмейстер завопил на весь зал, потрясая каким-то письмом. Танец приостановился.

Почтмейстер погрозил капельмейстеру. Оркестр умолк.

— Господа, чиновник, которого мы приняли за ревизора — не ревизор.

На почтмейстера посмотрели, как на сумасшедшего. Кто-то махнул дирижеру и танец раздался с еще большей силой чем прежде.

Какую-то секунду опешивший почтмейстер стоял с поднятой рукой, в которой было зажато письмо и вдруг подпрыгнул, он завопил каким-то истошным голосом:

— Господа, у меня письмо.

Все остановилось вдруг, как по мановению.

— Какое письмо.

Городничий подходил, не спуская с почтмейстера глаз.

— Какое письмо.

Почтмейстер у всех на глазах развернул бумагу.

НДП. Письмо Хлестакова милостивому государю И. В. Тряпичкину Санкт-Петербург.

Спешу уведомить тебя, душа Тряпичкин, какие со мной чудеса. По моей петербургской физиономии и по костюму весь город принял меня за генерал-губернатора и теперь я живу у городничего, жуирую, волочусь напропалую за его женой и дочкой, все мне дают взаймы сколько угодно, оригиналы страшные. Во-первых, городничий глуп, как сивый мерин...

И по мере того, как зритель читает письмо Хлестакова, на бумаге между строчек зарождается движущаяся точка, сначала совсем маленькая, еле приметная, а потом все увеличивающаяся, точка вдруг обернулась лихой тройкой и еще пуще

понеслась по белому полю письма между строчек, словно по накатанной дороге. Тройка проносилась мимо слов "городничий глуп как сивый мерин"...

И в первый раз городничий Сквозник-Дмухановский действительно испугался. Его большое тело съежилось. Он даже зажмурил глаза, как бы готовясь получить следующий удар.

Послышался шепот:

— Зарезал... убил... совсем убил...

И когда городничий открыл глаза, перед взором его вместо человеческих лиц вырисовывались какие-то звериные морды. На месте, где стоял Земляника, теперь какая-то фигура в том же фраке, но со свиной головой и в феске. Вместо лица судьи была какая-то страшная песья голова, которая вдруг раскрыв пасть и обнажив клыки заговорила человеческим голосом.

— Как же это в самом деле мы так оплошали, господа.

Городничий, ударив себя по лбу, вопил:

— Нет, как я старый дурак, выжил глупый барин из ума. Мошенников над мошенниками обманывал. Пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду. Трех губернаторов обманул, вот смотрите, весь мир, все христианство, все смотрите как одурачен городничий.

В залу запыхавшись прибежал жандарм, который ехал с ревизором из Петербурга и громким прерывающимся голосом оповестил.

— Приехавший из Петербурга чиновник требует вас сейчас же к себе. Он остановился в гостинице.

Произнесенные слова поражают как громом всех. Звук изумления единодушно вылетает из дамских уст. Вся группа вдруг переменивши положение, остается в окаменении.

Немая сцена.

Первым от столбняка очнулся городничий. Он сразу все сообразил. К нему вернулась его деятельность. Ему захотелось выпутаться из этого ложного положения. Осмотрев чиновников, Антон Антонович по деловому начал.

— Я пригласил Вас господа с тем, чтобы сообщить вам известие — к нам приехал ревизор.

Земляника шепотом подавал совет:

— Ехать парадом в гостиницу.

Ляпкин-Тяпкин предлагал свой выход.

— Впереди пустить голову, духовенство, купечество, вот и в книге деяний Иоанна Масонна...

Антон Антонович окончательно пришел в себя. Он никому не мог доверить нового ревизора.

— Нет, нет позвольте уж мне самому.

При последних словах городничий вынул деньги и все чиновники полезли в карманы и отдавали все на общее дело.

Когда у городничего в руках оказался порядочный куш, он перекрестился и исчез.

У двери пятого номера гостиницы, где остановился новый ревизор, появился городничий, осторожно постучав, скрылся за дверью и сразу же из-за двери послышался сильнейший начальственный разнос.

Потом все смолкло.

Из номера выскользнул Антон Антонович, облегченно вздохнул, перекрестился и сказал:

— Взял.

К о н е ц .

М. Булгаков

ТИШИНА

В ущелье ночь — скрещенье звезд и бедствий,
Холодный март не тронула весна,
И хладен свет на синей хвое веток
И инея густая седина.

И я стою один на горном склоне,
Но лёгкое дыханье высоты
Не лечит боль, и с губ летит невольно:
"Ну, где же ты?" Но где сегодня ты?

Отверзты звезды над ущельем горным,
Углом Чегета даль отсечена,
И тишина, как лезвие у горла.
Какая ледяная тишина!

Когда-нибудь холодной звёздной ночью
Мы встретимся ещё, в последний раз,
На тихом перекрёстке одиночеств.
Но, Господи, храни от встречи нас!

ГЕНУЯ.

К изломам гор катила облака
Апрельской ночи грозная лавина,
И снизу порт мерцал издалека,
Полночной дымкой в бездну отодвинут.

В ночных соборах царствовала мгла,
Но вопреки смятенью и разладу
Под куполами музыка текла,
Как Млечный путь над Гефсиманским садом,

И опускалась в белые цветы
Вокруг распятий и иконостасов.
И Он хотел не ведать высоты
И мессы, и небес над смертным часом.

И нету звёзд над Генуей ночной,
И ждут дождя, и пятницу страстную
В тревоге ждут, и капли ни одной
Из этой чаши мира не минует.

Аркадий Плотницкий

ПОМИНКИ ПО ДНЕПРУ

До Кременчуга осталось минут 30-40. Днепр становится всё шире и шире. Левый берег смазан, он растворился в линии горизонта. Сначала еле заметно, потом всё гуще и омерзительнее врывается в рубку смрад — началось Кременчугское море. Стоячая вода взялась ряской. Толщина её достигает метра. Ракета, корабль на подводных крыльях режет ряску, как хозяйка холодец на праздничном столе. Только какой это праздник, скорее, похороны Днепра, задушенного плотиной.

— "Главное ребята, сердцем не стареть..." — вырывается из мощных динамиков песня, но и её чуть слышно на ракете.

Пыльная улица, неказистые дома и смрад. Шакина обгоняет автобус, и пыль, смешавшись с вонью, как туман, повисает в воздухе, и в этой мгле возникают какие-то дети. Они куда-то бегут, исчезают и появляются снова, чтобы тут же исчезнуть, раствориться. Всё это напоминает Шакину странную игру, но почему-то они молчат. Обычно дети играя радуются, визжат, кричат, дразнятся. Или это не дети, а карлики? И почему они резвятся на середине улицы в пыли? В сморщенной желтизне лиц он угадывает щелочки глаз, а рот...

— Эй!

Шакин бросается в сторону. Мимо проносится велосипедист на дребезжащем чудовище, готовом развалиться на части.

— Ты что, рыбу ел? — вырывается у Шакина.

В оседающей пыли назойливо и дробно удаляется звук отслужившего свой срок металла, эта жалоба на безжалостных людей.

На перекрестке улицу переходит девочка с мешком, переброшенным через плечо.

— Можно тебя? — окликает её Шакин.

Девочка прибавляет шаг, он за ней.

— Где здесь гостиница, да получше?

Несмотря на поклажу, девочка бежит.

— Послушай...

Какой там, она улепетывает во все лопатки, И поняв, что её не догнать, Шакин продолжает бежать, словно это спасет его от смрада. До чего же удивительный город, никогда прежде он здесь не был, а чувство такое, как будто прожил здесь жизнь. Каждый час ее проклиная.

— "Гостиница", — читает он вывеску на доме. — "Гостиница Днепр."

Он идет к лестнице, покрашенной суриком, хочет поставить ногу на ступеньку.

— Куда? — спрашивает маляр, выходя из-под лестницы. — Не видишь... Краска еще не высохла?

— Мне в гостиницу...

— Ты не знаешь, как пройти? — усмехается маляр.

— Я здесь никогда не был.

— А мне сдается... У тебя прежде усы были?

— Какие усы? — удивился Шакин. — Что за шутки? Вы меня с кем-то путаете.

— Брось, — подмигнул маляр.

— Кто же я, по-твоему? — рассердился Шакин.

— Давай, шуруй, мне дела нет. Я ничего не вижу, понял? — доверительно произнес маляр, понизив голос до шёпота.

— Хорошо, где же тут вход?

— Ну, ты и артист! — с восхищением произнес маляр. — Ну, ты и даешь! — рассмеялся он. — Дыру в заборе видишь? Дом обойдешь и там черный ход увидишь. Осторожно иди, там всё "заминировано."

Предупреждение насчёт "мин" было не лишним. Как и в большинстве периферийных городов, у кременчугцев была острая неприязнь к чужим людям. К этому чувству примешивалось еще желание сделать пакость, поиздеваться. Обходя "мины", Шакин хорошо представлял себе, что бы с ним случи-

лось, попади он сюда в темноте. Дверь с улицы в гостиницу закрывается в 11 часов вечера, значит, все приезжие идут спать через "минированный" двор.

В холле гостиницы висели три портрета — Ленина, Брежнева и Щербицкого. За стойкой под ними сидела лет сорока женщина-администратор с припухшим, как после пьянки лицом.

— Места есть?

— Попрошу командировочное удостоверение и паспорт.

Администратор не торопясь изучила документы Шакина, делала она это так, словно наверняка знала, что он преступник, скрывающийся под чужим именем.

— У нас есть двойные номера и люкс.

— Мне люкс.

— В нем стоит телевизор, за который нужно платить в сутки рубль сорок. Плюс два сорок за номер.

— Хорошо.

— Но телевизор не работает, — предупредила администратор.

— Это не имеет значения.

— Откуда у вас так много денег? — спросила администратор и покачав головой протянула Шакину какие-то бланки.

— Я ограбил банк, — сказал он.

— Вот оно что, — растянула губы в улыбку администратор. — Надеюсь, мне пару копеек перепадёт?

Разбираясь с анкетами, Шакин думал о повальной болезни — полублатном языке людей, о лагерных песнях, о постоянном желании самых разных знакомых, приятелей изображать из себя черт знает кого. Может потому, что стыдно быть самим собой, таким, какой ты есть, с дурака блатного есть ли спрос? Никакого.

— В других городах всех этих бланков не заполняют, — сказал он, возвращая бумаги администратору.

— Я в других городах не бываю, мне в Кременчуге хорошо жить, — с вызовом сказала она. — Здесь поставьте подпись... О том, что при первом требовании администрации гостиницы в любой час дня и ночи освободите номер.

— Всё?

— Нет еще не всё. — Администратор вышла из-за стойки. В

руке у неё был еще один бланк. И когда они поднялись на второй этаж, зашли в комнату, где должен был жить Шакин, она предложила строго: — Следите, по списку этому следите внимательно... И не смотрите на меня так. Кровать одна. Тумбочка одна. Матрас один. Шторы на окне две. Телевизор один.

— Напишите, что он не работает, — попросил Шакин.

— Ну, если вы настаиваете. Следите дальше. Корзиночка для мусора...

— Всё, хватит, я устал, — распахнул он дверь. — прошу меня оставить в покое.

Пожав плечами, администратор вышла из номера. Чтобы снять усталость с дороги, он хотел принять душ. Раздевался Шакин под звуки шопеновского ноктюрна, исполняемого на балалайке. В зеркале шкафа, он увидел своё отражение — тело было изъедено какой-то страшной болезнью.От смрада начались язвы, испугался он. И приблизившись к зеркалу, всё понял — темные пятна были на стекле.

В окно с улицы донеслась брань — маляр обкладывал женщину с ребенком на руках. Шакин попробовал открыть окно, но это сделать ему не удалось и забыв, что он голый, став на подоконник, просунул голову в форточку.

— Цыть! — крикнул он.

Маляр поднял голову и с удивлением уставился на Шакина.

— Чего? — спросил он.

— Кто у неё на руках?

— Дитё, — ответил маляр.

— А ты... — от волнения Шакин заикался, — куда ты её посылаешь?

— Оно же грудное, не понимает.

Женщине с ребенком было лет 16-17, по темной юбке выглядывающей из-под пальто, Шакин сразу понял, что она школьница. Ребенка держала неумело, как куклу.

— Помоги ей, — уже помягче сказал Шакин, — в дырку пролезть и через двор пройти, понял?

— Слушаюсь, — засмеялся маляр и взял под козырек.

— Нашёл над кем издеваться, — сказал Шакин, покачав головой, и выругался, но не вслух, а губами.

Спустившись с подоконника, он отправился в ванную

комнату. После разговора с маляром на душе был скверный осадок, словно он съел что-то плохое. А потом этот смрад от Днепра. Как можно жить в такой атмосфере. Представляю, как люди здесь озверели, подумал он, открывая кран.

С шипением полилась вода. Еще не понимая в чем дело, он стал под душ, ожидая, как часто делал дома, в Киеве, что за водой, окрашенной в рыжий цвет из-за ржавчины, пойдет вода чище, нужно только спустить ту, что скопилась в трубах. Процент хлора был настолько велик, что вода жгла, она впивалась в кожу иголками.

— Сейчас же прекратите мыться!

Стук в дверь повторился еще и еще.

— Слышите меня? — кричала администратор. — Уходите из-под душа немедленно!

Она приоткрыла дверь и еще раз прокричала:

— Мыться нельзя!

Шакин перекрыл воду. Тело у него зудело и было красным, как после сильного солнечного ожога.

— Ну, как вы там? — поинтересовалась администратор.

— Не знаю, плохо.

В дверь показалась рука с бутылкой. Почему-то сердясь, администратор сказала:

— Примочку возьмите.

— Не надо!

— Вот еще глупости какие... Мы этим только и спасаемся, берите, а потом еще хуже будет.

— Что хуже-то?

— Кожа слезет, и на хлорке не стойте, под ноги полотенце положите.

— Фу ты, черт, — вздохнул Шакин и потянулся за бутылкой. — Что это?

— Не имеет значения, берите. Понемногу на ладонь наливайте и втирайте в тело. Берите же бутылку!

В глазах у Шакина всё поплыло, не дотянувшись до бутылки он поскользнулся на мокром полу, но чудом остался на ногах. Схватившись за раковину рукомойника, он застыл в неудобной позе, изогнувшись, как танцор в каком-то фантастическом танце.

— Где же вы?

— Сейчас.

Дверь чуть-чуть приоткрылась, администратор заглянула в ванную, а увидев Шакина, поспешила на помощь:

— Что это с вами? Ничего себе не повредили? Ну, слава Богу, всё в порядке... Спиной ко мне станьте, я те места протру, где вам самому не дотянуться.

И администратор налила на ладонь жидкость из бутылки, начала втирать её в спину Шакина.

— Очень жжет.

— Это же щелочь, а она очень активная.

Несколько минут прошло в молчании. Шакин ощутил, что администратору нравится это занятие. Войдя в раж, она всю себя вкладывала в движения рукой по его телу.

— Вы-то сами как моетесь? — спросил он.

— Воду кипятим. У нас бак есть на четыре ведра... На ягодице у вас кожа нежная. Вся слезла.

— Как же я сидеть буду? — испугался Шакин.

— Ходить больше нужно, чтобы жирок сбросить... А теперь ногу поднимите. Спасибо. Здесь не больно?

— Чуть-чуть.

— Галина Даниловна! — раздается из коридорчика детский голос. — Вы здесь?

— Что тебе, Симочка? — спрашивает администратор.

— Там женщина с ребенком в гостиницу просится.

— Командировка и паспорт имеются?

— Только паспорт.

— Скажи, пусть уходит.

Пауза, и снова детский голос раздается от двери:

— Галина Даниловна, не могу я.

— Чего ты не можешь?

— Сказать ей об этом.

— Сменишь меня?

В дверях ванной комнаты показывается Симочка — высокая, грудастая с длинными, тяжелыми руками. Администратор ей вручила бутылку с жидкостью для втирания и ушла.

— Только пожалуйста без глупостей, — предупредила Симочка, с мрачным видом приближаясь к Шакину. — Вам понятно? И нечего лыбиться, ничего смешного не вижу.

— У меня лицо такое, — начал было Шакин и вскрикнул — Симочка плеснула ему в лицо жидкость, схватив рукой за шею, принялась её втирать с такой яростью и ожесточением, словно хотела изувечить журналиста.

После процедуры с втиранием он более часа приходил в себя. Лежа на кровати, закрыв глаза, Шакин погрузился в дремоту. И почти сразу он проснулся из-за того, что продрог, и начал одеваться. Из репродуктора лилась песня:

— "Главное, ребята, сердцем не стареть..."

Вонь, исходящая от тела, не вызывала раздражения. Если он прежде, до принятия душа был в этом городе инородным, то сейчас как бы слился со смрадом. Близко, рядом, разлагался труп реки, быть непричастным в этой ситуации нельзя. Люди уничтожили реку, теперь река мстила, убивала человека. Не сразу, не вдруг, а медленно, исподволь, и Шакин знал, что сопротивление бесполезно.

— Пожалуйста, я очень прошу. Только до завтра. Куда я пойду с такой крохой? — говорила школьница с ребенком.

— Не знаю, — отвечала администратор. Увидев Шакина, она заулыбалась. — Как самочувствие, молодой человек?

— Так себе, — положил он ключ от номера на стойку.

— С вас причитается.

— Знаю.

— Будьте добры, — заговорила школьница, — ну, что вам стоит?

— И я за неё прошу, — вмешался в разговор Шакин. — Уважьте человека... Сколько у вас пустых комнат?

— Адвокаты мне не нужны, — сказала администратор.

Шакин вышел во двор гостиницы, благополучно миновал "заминированное" пространство, пролез в дыру забора и очутился на улице.

Возле маляра стояли двое ханыг с одинаковыми лицами. На одном было пальто и кепка, на другом шинель и шляпа.

— А мы вас поджидаем! — сказал маляр. — Можно вас поздравить с крещением?

— Что у вас творится?

— С детьми совсем горе — поди уследи, чтобы воду не пили, сказал ханыга в шляпе.

— Галина Даниловна или Симочка вас лечили? — спросил маляр.

— Обе.

— Сразу обе? — спросил ханыга в кепке.

— Сначала одна, а потом другая. Вы близнецы?

Ханыги просияли. Они гордились своим сходством. Никакого иного повода для гордости в их жизни не было. Так, во всяком случае, показалось Шакину.

— Никогда, ни одного дня не работали, — сказал о близнецах маляр. — И работать не собираются.

В его словах звучало восхищение.

— Почему?

— Не хотим, — сказал ханыга в шляпе.

— Что же вы делаете?

— Прогуливаемся по городу, смотрим разные достопримечательности, — сказал ханыга в кепке, и братья засмеялись. — По этому поводу надо ... — и он провел рукой по шее.

— Отличная мысль. Но для этого я должен вернуться в гостиницу, — сказал Шакин.

— Магазин там, — показал маляр.

— У меня спецзаказ, такого в магазине не бывает, — сказал Шакин и направился к дырке в заборе.

— Мы ждем! — крикнули ханыги.

— Ребята... — обернулся Шакин и сделал руками широкий жест — о чем речь, говорил он.

Снова, не без опаски миновал Шакин "минное" поле, вошёл с черного хода в гостиницу, от двери услышал голос школьницы:

— Ночь, одну ночь я переночую.

— Не суйте мне деньги, — раздался в ответ детский голос и снова Шакин подумал о несоответствии Симочкиного тела с этими пронзительными звуками.

— Дайте ключ, — протянул он руку.

— Там убирают.

Быстро поднявшись на второй этаж, словно чувствуя что-то нехорошее, он подошёл к двери своего номера. В приоткрытую дверь было видно покрытое пятнами зеркало. В нем отражалась

кровать, лежащий на ней чемодан. Поднеся к лицу бытылку, ту самую бутылку самогона, за которой он шёл, администратор пила из горлышка.

— Что, стаканов нет? — входя в комнату, спросил Шакин.

Поперхнувшись самогоном, администратор закашлялась. С обидой в голосе она произнесла:

— Так человека можно заикой сделать!

— Присаживайтесь.

— Благодарю, — хрипло сказала она и, опустившись на стул, закрыла лицо рукой. — Извините.

— За что? Бог с вами... Где-то у меня в чемодане было яблоко.

— Это? — спросила она вынув из кармана яблоко. — Я его домой для дочери взяла... У нас в городе, сами знаете, как с фруктами...

Шакин взял бутылку, налил самогона в стакан.

— Пейте.

— А вы?

— У меня работа...

— Еще раз извините, — сказала она, глядя на него исподлобья очень печально, и, взяв стакан, выпила залпом. — Хорошо, — выдохнула воздух. — Откуда это?

— Оттуда же, откуда вы взяли жидкость, чтобы меня обтереть с головы до ног. Я очень вам за всё благодарен.

Рассмеявшись, администратор спросила:

— Где я эту жидкость беру, вы себе представляете?

— Нет.

— А, а говоришь, — сразу перешла она на "ты". — Надо же... Ну, прямо, как в кино, честное слово.

Шакин налил в стакан самогона.

— Жаль, у меня закуски никакой нет.

— Что вы обо мне думаете? — спросила она быстро пьянея. — Вы такой...

— Какой?

— Из Киева приехал, в газету пишете о коммунизме и всём таком возвышенном.

— Ну и подумаешь, — сказал Шакин. — Велика важность. Кто сейчас не пишет?

— Не верю!

— Пейте, пожалуйста, еще.

— Я выпью, но не в том дело, — администратор задумалась. — Да, конечно, — сказала она сама себе.

— Вы сами от себя в чемодан полезли?

— Вот, умница. Правильно, так и надо... — Она сделала из стакана глоток и сделавшись трезвой сказала — Инструкция есть, понял?

— И всех-всех...

— Да, нам велят.

— А что ищете вы?

— Бумагу.

— Какую?

— Всякую. Книжки, брошюры... А ты не знал?

— Догадывался, — сказал Шакин, подлив самогонки в стакан.

— Учти, что я тебе доверяю. Никому, даже муж не знает об этом.

— Ну, предположим...

— Хорошо, муж знает, — согласилась администратор, — только он один знает. И еще ты... Или вы?

— Всё одно, — сказал Шакин.

— Еще хочу! — протянула администратор пустой стакан.

— Хватит.

— Пожалел, для меня?

— Там, внизу, женщина с ребенком переночевать просится.

— Налей! — требовала администратор.

— Пустите, пусть она переночует.

— Она тебе нравится?

— Пустите?

— И тогда... — смотрела администратор на бутылку с самогоном.

— Всё это твоё, — сказал Шакин.

Покачиваясь она вышла в коридор и побрела к лестнице. Шакин шёл сзади. Он помог администратору спуститься в холл и не уходил, пока школьница с ребенком не получила номер, и Симочка не повела её на второй этаж.

— Прошу, — вручил Шакин бутылку администратору. Выйдя на улицу, он увидел ханыг и маляра. Они стояли на том самом месте, где он их оставил. — Где у вас лучший ресторан? — спросил Шакин. — Пошли туда, и побыстрее.

А. Коротюков

О ЛЕРМОНТОВЕ

Р. Ю. ГЕРРА

Медленны слова любимых песен.
Перед взором грезящим моим —
Образы встают почти телесно,
Только автор песен невидим.
Жаль, что песен он своих не слышит.
Безразличен к славе вечный сон.
А любовь еще поет и дышет —
В мире, где давно не дышет он.
Навсегда — в долине Дагестана —
День и ночь кремнистый путь блестит,
Свежая еще дымится рана,
И звезда с звездою говорит.
Навсегда — остались жизни силы —
Дышет грудь, хладея кровь течет
Вечный дуб склонился над могилой
Тихий голос о любви поет.

А. Величковский

*

Я всегда ее крестил,
Разлучаясь с нею
Чтоб Господь ее хранил
Той же и моею.

Может быть и без того
Так же получилось
И с любимой ничего
Ровно не случилось.

Но в кресте прощальном том
Есть такое что-то,
Что двоих хранит вдвоем:
Нежность и забота.

Вот и тянет и притом
Так неудержимо —
Осенить своим крестом
Путь своей любимой.

Дм. Кленовский, 1976

ТЕНИ ДЕТСТВА

Мать и сын

Большеглазый малыш сидел на коленях у матери и заливисто смеялся. Она держала его за обе руки и глядя в глаза повторяла нараспев недавно ею придуманную и только им двоим принадлежавшую прибаутку.

— Ты моё — голос ее взлетал в вопросительной интонации и замирал, как парящая птица...

— Солнце — с восторгом подхватывает сын уже хорошо известное ему продолжение, и его вскрик совпадает с удовлетворенным сочным выдохом матери.

— Ты моя — начинала она снова, и ее глаза нежно вновь тянули его за собой...

— Радость — кричит он так, что не остается дыхания, устремляясь в бездну неведомых ему чувств.

— Ты моё — ее интонация делает широкий разбег и с особой неистовостью взвивается вверх...

— Счастье — взвизгивает он, и его тельце рвется куда-то из материнских рук.

— Ты моя — вдруг интимно-тихо струится от матери, и он откликается рассеянно-вдумчиво, растягивая слово...

— Звёздочка.

У матери надрывалось дыхание, она зажмуривала глаза, чтобы сдержать слезы, и прижимала к себе сына так порывисто и крепко, что все необычайное, что ликовало и бесновалось в нём, мгновенно исчезало, он только чувствовал внезапно ставшее жестким материнское тело, а сжимающие его материнские руки твёрдыми и горячими.

Бабушка

Бабушка часто гуляла с ним в лесу. Она была любительница собирать грибы, но загруженная хозяйскими заботами имела время бродить лишь в придорожных вытоптанных и загаженных свалками мусора участках леса, откуда грибы давно сбежали. Но все равно по привычке заядлой грибницы все время рыскала взглядом — заглядывала под коряги, еловые лапы, все больше серые и хилые, чем зеленые и лохматые, шебуршила в длинных и худых папоротниках. То вдруг, стоя на одном месте, медленно и с собранным в морщины и сосредоточенным взглядом поворачивалась кругом, в огромном старом мужском пиджаке, растопыренных башмаках, с суковатой палкой и растрепанными седыми волосами напоминая вдруг подобревшую Бабу-Ягу, показывающую пример и избушке на курьих ножках и грибному племени, вместо того, чтобы строго приказать: "Избушка, и вы, лесные грибы, встать ко мне передом, а к лесу задом!"

Его же единственной заботой во время таких гуляний было то, что как раз к нему-то бабушка поворачивалась то задом, то боком. Он боялся отстать, все время старался ухватиться за могучую как многоотроговая гора бабушкину юбку, что удавалось, когда бабушка застывала, нагнувшись, с шарящими по лесному дну глазами, неизбежно теряя её при её поворотах и переходах с места на место, настигая и снова теряя. Бабушка охотилась за воображаемыми грибами, он за ее близкой юбкой.

Так и жили пока в доме не произошло что-то для него неведомое, потому что мама как-то все читала и читала какое-то письмо и сильно плакала, зажимая глаза ладонями, а бабушка была какая-то странно выпрямившаяся и с каким-то расправленным, без морщин лицом. У нее только текли слезы, но не было никакого плача, а глаза были огромные, застывшие и блестящие. Потом бабушка, странно на него не глядя взяла его на руки и пошла в лес, как он подумал — гулять как обычно. Но в лесу она почему-то не опустила его на землю, как всегда, а с ним на руках продолжала идти сквозь чащу, все глубже, снова и снова в порыве какого-то жестокого отчаяния придавливая его к себе.

Ему становилось не по себе, он стал вырываться. Бабушка не

замечала его и шла напролом, не разбирая тропинок. И вдруг — её кто-то невидимий, будто, ударил по лицу: рубцы морщин мгновенно вспухли на нем, и дикий, нечеловеческий крик вырвался у неё, и пронзил лес. Мальчик заплакал и забился на чужой и твердой бабушкиной груди. Вдруг она заходила под ним ходуном, содрогнулась, и новый страшный бабушкин вопль оглушил его. Изгибаясь всем телом он старался соскользнуть вниз, на землю.

— Андрееееей! — снова закричала бабушка незнакомое ему имя, и сухими яростными глазами искала среди деревьев.

— Андрееееееей! — швыряла она в чашу.

— Андрееееееей! — снова и снова гулко взрывалось в лесу.

Ему, наконец, удалось соскользнуть вниз. Он шарахнулся в сторону, наткнулся на корягу, растянулся, боль полосонула ему коленки и локти. Он бросился бежать, не видя ничего вокруг из-за слез, поминутно задевая за что-то и падая на колени.

— Андрееееей! — неслось ему вслед жутким проклятием, грозясь настичь и уничтожить.

Он ударился ухом о ствол и упал, застонав. Как его нашла бабушка, как принесла домой, что было дальше, он не помнил. Значительно позже он узнал, что в этот день пришло известие о смерти бабушкиного сына дяди Андрея, брата матери.

Башня

Было бодрое летнее утро. Солнце еще не обдало землю своим жаром, и в мире было тепло по-домашнему, уютно. Он восседал на плечах своего деда. Они спускались с широкого холма в покрытую густой травой, клевером и одуванчиками низину. Косые лучи солнца лились в неё, и в этом огромном праздничном зеленом блюде колыхался пенящийся солнечный сок.

Дед крепко сжимал его щиколотки. Его же руки были опущены и касались дедовых плечей. Голые согнутые ноги прижимались к дедовым ушам. И между коленок громоздилась вверх широкая и могучая — лысая дедова голова. Малыш колыхался вверх-вниз и вперёд-назад при каждом шаге деда, словно погонщик на слоне, и дедова голова, к которой он при

каждом шаге прижимался животом и грудью, была для него олицетворением устойчивости и прочности.

Они уже поднимались вверх из впадины зеленого блюда, источающего запах пряного кушанья. И он увидел далеко впереди, меж плавных складок холмов и низин — огромное, громоздящееся вверх сооружение. Это была обыкновенная водонапорная башня. И не только высотой своей она его потрясла, но и толщиной, устойчивостью, мощью — среди робких вздыманий равнины в холмы, которые сразу же опадали в низины.

Ком безотчетной радости набух в нем. Волна восторга стала распирать его, он задрыгал ногами, задергал руками, замотал головой и... запел, запел импровизированный гимн водонапорной башне.

— Ба-ля, ба-ба! — раздалось над холмами и низинами. Это звук его радости над землей. Идущие вокруг родственники смотрели на него и улыбались.

— Де-да, да-да!

Кругом засмеялись, смотря на деда, а тот еще сильнее сжимал его щиколотки, наверно, гордясь, что попал в гимн.

— Ба-ба, ба-ба! Ма-ма, ма-ма! — выпаливал он в пространство, трепеща всем телом.

— Па-па, па-па! — он дергался что было сил, подскакивал на дедовой шее и махал руками так, будто хотел дотянуться до башни. И забарабанил ладонями по красной и сияющей дедовой лысине.

Под ним вдруг все закачалось, дедова голова задвигалась из стороны в сторону, вдруг приобретя самостоятельность, что-то твёрдое и грубое схватило его под мышками, врезавшись, приподняло — он замахал ногами, сопротивляясь — и бросило вниз. Он ударился ступнями о землю и понял, что это дед поставил его на ноги. Над ним возвышались его родственники, своим могуществом и недосягаемостью похожие на водонапорную башню.

Манекен

Рядом с комнатами, где жил он с родителями, бабушкой и дедом, был узкий тесный коридорчик, лабиринтообразно изгибающийся несколько раз наподобие ломаной линии. В одном из закоулков коридора обитало непонятное и страшное для него существо. Это был манекен соседки, портнихи. Из-за этого манекена он боялся ходить по коридору не только что один, но даже со взрослыми, даже держась за руку. Но необходимости проходить мимо манекена никак нельзя было избежать — нужно было на улицу, на кухню, которая по размерам и по количеству возящихся людей была для него все равно что бульвар, да просто вон из комнаты. И всякий раз, как нужно было решиться на маршрут по коридору — будто жалкая трусливая собачонка раскрывала в нем свою маленькую дрожащую пасть. Его дыхание становилось мелким прерывистым дыханием этой собачонки. Глаза его тогда грозило сорвать с их места на лбу и унести сокрушающим потоком слез. Взрослые и стыдили его, и подсмеивались над ним, и сердились. Но все было напрасно.

И тогда бабушка брала его на руки. И он прижимался носом и глазами к бабушкиной блузке, только чтоб не видеть страшного манекена. Бабушка, держа его на руках, шла вперед, несмотря на возмущенные причитания матери из комнаты, что мол, она потакает капризам ребенка и балует его на свою и всех их голову. По всегда полутемному коридору бабушка шла уверенно и быстро, и после определенного — рокового поворота, местонахождение он знал с закрытыми глазами так же хорошо, как грани и углы кроватки, в которой спал, как содержимое своего ящика с игрушками, после этого поворота он видел манекен, хотя глаза его были зажаты не только веками, но и бабушкиными кофтами.

На длинной тонкой ноге стоял манекен, равнодушно и гордо выпятив грудь и расправив плечи. Ни талии, ни живота у манекена не было, туловище начиналось с бюста. И из отвратительного обрубка шеи торчала гладкая короткая палка, похожая на палец наставника, многозначительно поднятый вверх. А головы не было. Этот глянцевый деревянный палец и был головой.

Всегда в этом месте холодный ветер сновал по коридору. И он слышал шаги людей, которых никогда не видел — стенки в этом месте были очень тонкими. О, как он страшился смертоносного взгляда манекенной пальце-головы! И когда несущая его бабушка, всегда в полном недоумении, проходила рядом с манекеном — он это чувствовал всегда — он в отчаянии тряс головой, пытался руками как будто, раздвинуть бабушкины кофты, чтобы спрятаться у нее на груди, и слезы лились из глаз. Уже вырвавшись из царства манекена он долго не мог прийти в себя. А ведь скоро предстояло идти обратно, и все начиналось сызнова.

Дед

Он проснулся в кромешной тьме. Потом проступили окна слабым мерцанием. Сгустки освещения повисли в комнате. Что-то было не так, не так, как обычно бывало, когда он просыпался. Он наклонился, запустил руку под кровать и, нащупав толстую холодную ручку фарфорового горшочка, выдвинул его. Сидя на горшке он понял, что это что-то не так — то, что рядом нет мамы.

Обычно после того, как он делал свое дело, мама сразу же забирала всё и уносила куда-то. Всё исчезало странно быстро и навсегда, и особая, утрированная торопливость матери при этом озадачивала его. Сейчас же горшочек все стоял и стоял перед ним, а в нем домик из листков, и все это было его, и он не знал, что со всем этим делать. Он встал, длинная рубашка доходила ему почти до щиколоток, и задумался. Порядок вещей был нарушен.

Он заметил, что в углу притаился блекло-желтый зайчик, какой бывает от электрического света, и пошел на разведку. Паркет холодил босые ступни. Он крался, затаив дыхание, и почти не видя углов и вещей на своем пути миновал их просто угадывая их присутствие. Впереди обозначилась желтая, занесенная как меч полоса света, и заглянув в щелку двери он увидел своего деда, сидящего со строгим видом за письменным столом. Дед был школьным учителем.

Он побежал обратно, он теперь знал, что делать. Подняв тяжеленный горшок он медленно и осторожно понес его.

Мучительно заломило кисть, и он стал поддерживать скользкое днище другой рукой. Стараясь не шуметь он мягко толкнул дверь горшком и вошел в дедову комнату, прорезанную широким лучом настольной лампы. Ветер раздул его рубашку пузырем. Дед почему-то не поворачивался в его сторону. Дедовы очки иглились тонкими лучиками. Он подошел ближе, но что-то помешало ему окликнуть деда или хотя бы попытаться чем-то привлечь его внимание. То ли дед производил сейчас впечатление слишком строгого, то ли слишком сосредоточенного. И как-то предостерегающе громко тикали со всех сторон невидимые часы.

Он подошел к столу, уже из последних сил удерживая обеими руками горшок. Лампа из-под стеклянного абажура резанула его по глазам. Брови деда еще сильнее сцепились на переносице, но даже мельком он не бросил взгляда в сторону малыша. Поднатужившись из последних сил и уже слабея, он приподнял горшок и поставил его на дедов стол. И опустил занемевшие руки. Дед не шелохнулся. Ничего не происходило. В него стало заползать недоумение, он повернулся и медленно пошел обратно. У приоткрытой двери оглянулся. Рядом с чернильным прибором, побеждая его толщиной и высотой, громоздился его горшок. И чернильный прибор и горшок были похожи: оба белые и фарфоровые, оба толстые и сверкающие под светом настольной лампы. Горшок показался ему уместным на письменном столе деда, перед дедовым строгим взором.

Он спешил в постель. Он заметил, до какой степени замёрз — все тело, будто, покрывал панцирь, мучительно щекочащий. Он зарылся в одеяло, наслаждаясь набухающим вокруг и баюкающим теплом.

Вдруг шквал холода обдал его с ног до головы — одеяло отлетело в сторону. Железная пасть схватила его выше локтя и рванула. Сбрасываемый с кровати он ткнулся грудью о ледяной край своего фарфорового горшка. Его волокли куда-то вместе с горшком, о который он все время стукался подбородком. Громадная черная фигура деда топала кругом, дышала со свистом где-то над головой. Он не успевал переставлять ногами и скользил по шершавому полу. Распахнулась дверь куда-то в холодную черноту, обдало промозглостью и сыростью. Треск

сверху заставил его содрогнуться, вспыхнувшая под потолком молния обрушилась на него. Огромная белая впадина разверзлась перед ним. И с лязгом накрыл её перевернутый дедовой буграстой рукой горшок. Тут же раздался гром и потом оглушительный скользящий шум, будто, кучи камней ссыпали в водосточную трубу. Каскад воды неистовствовал в недрах белой впадины, и его обрызгало водяными осколками. Дед выволок его обратно и потащил во вновь образовавшуюся черноту.

Малыш тихо плакал, получая удовольствие от плача. У него щипало глаза, щекотало в носу. Тёплая жидкость собиралась на подбородке, и там чесалось. Дед втащил его в кровать. Одеяло, взвившись над ним в прыжке, подмяло его под себя. Он ощутил кожей лица мокрую от слёз простынку.

Отец

Пыхтя и задыхаясь он, наконец, опрокинул отца навзничь и оседлал его. Ликуя и чтоб закрепить победу он скалил зубы и рычал, подражая львам и тиграм, о своей охоте на которых отец часто ему рассказывал. И вот сам как лев или тигр, отец свирепо вытаращил глаза, задрожавшей от чрезмерного напряжения рукой схватил сына за горло, потом застонав от натуги и побагровев, выжал двумя руками его взрывающееся хаотическими движениями тело над головой, будто, штангу, и медленно и как-то торжественно перебросил его через пропасть пола с горы-дивана на гору-кровать.

Малыш вонзился в толщу родительских постельных подушек, комната сделала сальто и когда опять опустилась, застыв на своих четырех ребрах-углах, уже был готов к дальнейшей схватке. Со стороны отца в него полетели декоративные диванные подушки, а он, хохоча и извиваясь, выныривал из громоздившихся над ним подушечных круч. Увесистые и душные подушечные шлепки приходились ему по лицу, сбивали с ног, но он снова и снова выерзывал, спасаясь от этого погребения заживо, и визжащее отчаяние чередовалось с клокочущей смехом радостью.

Подушечная бомбардировка внезапно прекратилась. Со

стороны противника было необычное молчание. Над подушечными вершинами вдруг показался отец-великан, его волосы казались более рыжими, чем обычно, а веснушки более яркими. Он глянул озорными глазами, вдруг захохотал тяжело и раскатисто и одним махом схватил сына поперек туловища. Громадная зеркальная дверь шкафа бесшумно и церемонно посторонилась, и малыш, повинуясь толчку отцовских рук полетел в сладко пахнущие деревом и бельевой затхлостью шкафные недра. Он обрушился на постельную мякоть, на затылок ему рухнула необъятная рыхлая подушка.

Когда он смог перевернуться на четвереньки, а подушка еще охала шепотом, отброшенная силой всего его тела куда-то в темноту, дверь шкафа, оглушительно скрипя, уже оттесняла свет, и вот отняла его совсем. Снаружи глухо хохотал отец. Хохот отдалялся, потом ухнула дверь, и мир пропал. Он бросился вперед... и узнал лбом, носом, ладонями, что дверь шкафа заперта. Где-то глубоко-глубоко в нем, затлела, вспыхнула и заволокла все мысль, что здесь в шкафу мало воздуха. И что воздух расходуется быстро. А без воздуха человек умирает. Именно так объясняла ему недавно бабушка, и страшные непонятные слова "кислород" и "углекислый газ" сцепились, перемешались и затанцевали в его памяти огненый тарабарский танец. Ему стало так страшно, что не до плача. Уже становилось труднее дышать. Он заметался — над его головой и вокруг свисали бесконечные прохладные и тяжелые материи, которые пахли его мамой и чем-то горьким. Слезы подступили к глазам. Он ощущал, как липкие потоки мерзкого углекислого газа обволакивают его. Ему не хотелось двигаться, шевелиться. Он знал, что умирает. Было темно...

Чернота распахнулась прямо в материнское лицо. Мать сильно и сердито моргала. Над ее шляпой громоздился отец. Мать была в расстегнутом пальто. На мгновение став контуром черноты она достала, стиснула сына, и опять стала дневной, отпрянув от двери, с ним на руках.

— Что ты молчишь? Что молчишь? — дышала она горячими губами ему в щёку, в рот, в нос, в глаза.

— Скажи! Говори! — она странно надавливала пальцами на

его тело, и заглядывала ему в глаза. Отец топтался рядом, что-то бурча то из-за одного плеча мамы, то из-за другого. На его лице было недоуменное и чуть виноватое выражение.

Малыш смотрел прямо перед собой, словно, ничего не видя. Его знобило, хотелось спать. Он вяло обнял мать и положил голову ей на грудь. Ее дыхание грело ему макушку.

Виктор Енютин

СОНЕТ

Молчи о это эхо дара Вам
Тай иней мой меж лучшими дарами
Чтоб злато синей стало белой Даме
Той что бежит скорее чем тверда

Дай Бог чтоб ангел тот чей град Пергам
Вот также Вам вернул Ваш новый камень
Как эхо тот что ныне перед Вами
Поет что смог но стоп не отвергал

Когда глагол прозрачная вода
Невнятно что огонь звучит в наречьи
Всегда чужое имя в камень льда
Что ихор Тала — в мраморные плечи
Смешно что пламя что-то дарит речи
Когда нам это ветер скажет: "Да".

ДЕЛЬФИН

Волна несет перед волной гряду
А между них подвижный влажный дух
То взмыв весь ввысь вдруг вниз в вод пенный прах
Он падает, то снова — вверх в ветрах
Но верно волны следуют за ним
Без меры воплощенные одним
Волнмноговолнократного его
Всевластья плеск — морское колдовство,
Бог моря невелик тебе с небес
Насмешливое рыло, сизый бес,
Итак нырни, чтоб с блеском вспять взметнуть
В соленый сок стяг тяжкий будто ртуть
И молоко морей груди нагой
Дави кривою мордой дорогой
Буди волну, будь верный дух волны
С волн ввергнув в них валун крутой спины
Хвост в белый след влагая свой трофей
Лети — высокой мании Орфей
Тирс тела всеволхвуя в пенный сот
В лицо воды желанное как мед
Навек в волнах — священная пчела
Пей океан недвижного чела.

А. Волохонский

МИНОМЕТЧИКИ

ХОЛМ — СУЛЕЮВЕК

Лазарет, — вернее то, что почему-то назвали так, — был в дальнем углу лагеря. Два высоких щелястых барака из толстых плах почти примыкали к постройкам у складов железной дороги, отгороженные от них забором из двух рядов колючей проволоки. От лагеря их отделял один ряд проволоки.

Деревянное крыльцо в три ступеньки, досчатая дверь, — в нее мы и вошли, восемь человек, уловленных в палатках в качестве больных. Помещение просторное, у внутренних стен нары в два яруса. Справа угол отгорожен досчатой стенкой с дверью, там "санитар". Название тоже условное: приземистый, исхудалый человек с боязливо прячущимися глазами был скорее старшим барака, помощником полицейского, надзирателем, а не санитаром, — он ни за кем не ухаживал.

Больных немного, с нами в этом помещении будет человек двадцать. Впрочем, больные тоже не больные: это только истощенные и изнуренные люди, едва державшиеся на ногах, казалось, от неизбывной усталости.

Никто нами не интересовался, ни о чем не спрашивал и мы сами разместились на нарах, благо места было достаточно. Попробовал прилечь, отдохнуть, но шинелька моя совсем истрепалась, не прикроешься, а из щелей дуло: по бараку шли токи прохладного воздуха, хотя на дворе лето. Но нам, с остывшей от голодовок кровью, лето не в лето: все кажется, что на дворе заморозки. Холодно могло быть и от вида других пленных, кутавшихся в лохмотья, ежившихся и горбатившихся.

Вышел из барака на солнце. Сбоку и за воротами, в которые

Продолжение. См. книги 119, 120, 122, 123, 124, 125 и 126 Н.Ж.

мы вошли, — пустые пространства, вроде широкой дороги: мы, похоже, ни с кем не граничим. Это худо: откуда браться новостям? В другой стороне, в глубине, у второго барака какие-то пристройки, с окнами; в пристройках кто-то живет. Дальше хозяйственные строения, наверно кухня, склад.

В узком дворе уныло, пусто, не на чем задержаться глазу. Вернулся в барак; в нем тоже не весело: понурые, голодные фигуры. Рядом на нарах сосед спрашивает старожила, как тут кормят, густая ли баланда, сколько дают. Старожил нехотя тянет:

— А вот сам увидишь. Хуже, чем в лагере, одна вода...

Убедились на следующий день. Утром, как обычно, теплая бурда, упорно называемая кофе и 500 граммов сырого, липкого хлеба. В обед два рабочих с кухни, — мордатые, сытые "кухонные мужики", — принесли кадку с баландой. До раздачи они занесли кадку к санитару, — "сейчас со дна всю гущу ему выберут", — негромко, почти шопотом сообщил сосед-старожил. Потом поставили кадку посреди комнаты и предложили подходить. Кухонный мужик быстро болтал баланду в кадке черпаком, будто для того, чтобы всем доставалась одинаковая, потом набирал не полный черпак и плескал тебе в котелок.

Баланда как баланда, давно знакомая по многим местам в давнем и недавнем прошлом. Мутная, серая, вкус помойный, чуть соленоватая — и то ладно. Сколько ни болтал ложкой, выловил всего три чечевичины. Но все же в этих помоях что-то варилось, какие-то калории в них должны быть, хлебать надо. И как ни было понятно и привычно, почему это и как, все же трудно удержать злость: сколько благодетелей на свете развелось, отцов и друзей народов! Сколько обещающих сытость и благополучие для всех. А баланда все остается баландой.

Пребывание в "лазарете" ничего хорошего не сулило. Мы в изоляции от всего лагеря. Ни с кем не свяжешься, ни новостей не услышишь, ни "подколымить" еды нельзя. Слоняйся целый день по бараку или по узкому дворику, до обалдения смотри все на те же угрюмые, голодные лица, сгорбленные фигуры людей, ко всему потерявших интерес, кроме еды, которой тут негде взять. Я тоже совсем приуныл и еще подосадовал, зачем сказался больным.

Но судьба умеет разрушать застойный покой, хотя и не

узнаешь, как, почему и когда она это сделает.

Вечером пришел проводить поверку полицейский, которого я про себя назвал душегубом: черные под бобрик, щетиной волосы, угольные глаза, резкие и жесткие черты лица, спортивная фигура обладателя наверно большой силы, — ему смело подошло бы орудовать на большой дороге. Построились посредине барака. Один замешкался, — полицейский подскочил и с силой ударил пленного в лицо, — тот шатнулся и упал. Стоявшие рядом подхватили, подняли, поставили в строй.

Полицейский оглядел всех, подсчитал, отметил у себя в рапортичке и ушел. Мне показалось, что он раза два задержался на мне взглядом, словно рассматривая и узнавая.

Спросил у старожилов, что за полицейский. Зверь, — ответили мне. — Сколько уже зубов вышиб. За малейший промах — хрясь! И все в морду норовит. Сегодня еще без палки был, а то с палкой ходит, бывает и с плеткой.

На другой день, во дворе, опять встретился "душегуб". Заметив меня, он остановился и ждал, пока я подошел. Спросил, давно ли прибыл. Из каких мест родом. "С Волги". "А в Москве не были?" Только последнее время. "Где?" Я назвал Главк, в котором работал. А, вот оно что! — улыбнулся "душегуб". Я все думаю, где же я вас встречал? Он работал в отделе кадров наркомата, в который входил наш Главк. Я не раз бывал в наркомате, — живо вспомнилась широкая, когда-то парадная лестница из вестибюля, наверху широкий коридор с высокими дверями по бокам, — дом был старой и богатой постройки, в Китайгороде, в переулке, выходившем на Никольскую. Сколько раз поднимался я по этой лестнице, заходя по делам в наркомат, шел по коридору, в котором всегда было много народа — и мне вдруг ясно представилось, что там я и встречал этого "душегуба", в темном костюме, скрашивавшем его душегубский вид: сейчас он был в сером полупальто, переделанном из шинели, на спине даже остался хлястик.

— Сизов, — протянул он руку. Фамилия мне ничего не говорила, а он мою мог знать, по своей службе. Отдел кадров, — значит член партии, а может и бывший или даже продолжавший им быть энкаведист, как многие они.

Он позвал к себе. Пристройка ко второму бараку, увиденная

вчера, была жилищем полицейских. Внутри разгорожена на клетушки-чуланчики. В клетушке Сизова — топчан с тюфяком и подушкой, застлано солдатским одеялом, столик, две табуретки. На столике две-три истрепанных книги, — давно я не видел книг! — шахматы в коробке.

Сизов сел на кровать, мне предложил табуретку и принялся расспрашивать: его, политработника, призвали из запаса еще до начала войны, я же работал до осени, потом звакуировался, побывал в Средней Азии и на Алтае, — ему все было интересно, он жадно расспрашивал. Потом спохватился:

— Что же это я, вы же голодны, — и как бы предупреждая возможность возражения, категорически заявил: — Здесь все голодные, ничего не поделаешь. Хотя — на кухне сыты, мы тоже не голодаем, но это, понятно, исключение. Хуже то, что угощать вас, земляка, нечем. Хотя суп должен быть, — он открыл дверь, крикнул: — Витька! — В двери появился молодой парень, почти подросток, в шинели, — тоже наверно из армии "сынов полка", сколько их было! Но и беспризорники у нас не переводились: гражданская война, коллективизация, расстрелы, — сколько осиротили детей. — Там у тебя суп в запасе, я знаю — быстро сказал Сизов, — принеси котелок. — Разогреть? — спросил парень. Сизов махнул рукой — Долгая история, давай, как есть.

Парень принес вычищенный, почти сияющий котелок, из него торчала ложка, — она не плавала, значит не суп, а каша! — заинтригованный, догадывался я. В котелке, только малость не до верха, в самом деле была густая масса, как студень — остывшая крупа, чечевица, горох, все вместе. Воду слили в котелки пленных, гуща осталась полицейским. Просить меня не надо было: принялся уплетать за обе щеки.

— Сейчас сносно, терпеть можно, — говорил тем временем Сизов. — А что тут зимой было! — Он рассказал, что к осени сюда согнали 120-130 тысяч пленных, взятых в окружениях на Украине и в западных областях. Лагеря не было: огромное пустое поле, обрытое неглубокой канавкой. По углам высокие вышки, на них конвой с пулеметами, автоматами, по сторонам вышки поменьше, на них немцы только с автоматами. Осень была холодная, сырая , землю размесили, ни сесть, ни лечь, — спать ложились в лужи, в грязь. В полдень привезут несколько

возов сырой картошки, свеклы, — голодные люди бросаются на них, как звери. Мигом образуется куча, с дом, один на одном. Тогда эти суки, с вышек, кроют очередями по куче, из пулеметов, автоматов. Кто догадается, быстро сообразит, бросается в сторону, да из кучи сразу не вылезешь. Куча расползается — на картошке, свекле остаются убитые, копошатся раненые. Тогда можно начинать наводить хоть какой-нибудь порядок. Оцепляем кучу, кричим, чтобы выстраивались в очередь, даем каждому по две или три картофелины или по свекле, — отходи в другой конец поля. Голодные люди грызут окровавленную сырую картошку. Бывает и по ним, стоящим тихо, немецкая сволота выпалит из автомата, забавы ради. Первое время пытались жаловаться немецкому начальству, — оно только ухмыляется, вроде так нам и надо. Просили, чтобы продукты не сваливали дуром в грязь, в середине лагеря, а передавали нам, мы раздадим, поддерживая порядок, — тоже ноль внимания. Сначала мы удивлялись, что за нелепое, даже и им не нужное зверство, считали, что просто по дурости, — потом постепенно стали узнавать: нет, это "высокая политика", инструкции из Берлина идут. Сводится все к простейшему: уничтожить как можно больше нас, "унтерменшей", славян, задавить так, чтобы сопротивляться не вздумали. А остатки немцы превратят в своих рабов, работающих на них на отобранном у нас "жизненном пространстве". Так что зверство не случайное, продуманное. Ох, отзовется оно немцам, долго сволочь эта будет чувствовать, на своей шкуре, за все, что нашкодили.

— Беда в том, — вставил я, заканчивая кашу, — что сволочь-то спрячется, ее с огнем не найдешь, а отдуваться будут не виноватые.

— Да, считаться никто не будет, виноватых искать: всем придется расплачиваться, — резнул Сизов рукой. — Злости в людях столько копится, что худо немцам будет. А пока надо как-то спасаться...

Он говорил, что в ноябре наступили большие холода, зимние, начались снегопады, а люди продолжали оставаться в поле, под небом. — Сколько просили лагерное начальство, — продолжал Сизов, —дайте лопаты, две-три пилы, десяток топоров, немного материала, мы сами построим себе землянки,

— не дают. Потом грянули морозы, — а какая может быть сопротивляемость у голодных, истощенных людей? Каждую ночь замерзало, умирало от холода, голода, от болезней по двести и больше человек, не успевали трупы увозить, на тех же подводах, на каких картошку нам привозили.Наконец, в середине декабря привезли десятка два лопат, пилы, топоры, отвели у железной дороги два больших склада, мы разобрали их на стропила, на крыши и построили первую сотню землянок. Потом сами и лагерь проволокой обнесли. Стал какой-то первичный порядок вводиться. С вышек уже не стреляют по нас, кухню построили, баланду из той же картошки и свеклы начали варить, — малость отдышаться можно было. Но долго еще смертность оставалась массовой. К весне из 130 тысяч осталось не больше тысяч двадцати.

За разговором не заметили, как подошел вечер. Сизов сказал, что поверку сегодня будет делать другой и вышел меня проводить.

— В шахматы играете?

— Играю, но плохо.

— И я игрок не первого класса, — сказал Сизов. — Приходите завтра после кофе, сразимся, чтобы время убить... Надо что-нибудь придумать, помочь вам, да не знаю, что и как удастся. А пока Витька будет подкармливать супом, — сказал он на прощанье.

Шел я в барак в отличном настроении. Смотри, как хорошо, земляка встретить. Подкормился малость, глядишь, и дальше будет что-то перепадать. Не привычно, правда, пользоваться помощью с такой стороны,но пока разбирать не приходится. А там посмотрим, как сложится.

На другой день с утра сели за шахматы. Когда о них заходила речь, я обычно говорил, что старший мой брат, в бытность в университете, играл иногда с Ботвинником — даже выигрывал у него, правда, когда Ботвиннику до мирового чемпионства было еще далеко. Младший брат — мастер, не помню, какой категории. А у меня так и не появилось интереса к шахматам и играл я посредственно. Но Сизов верно не был первоклассным игроком, силы наши оказались почти равными. Однако трудно было сосредоточиться, я быстро выдохся и пред-

ложил сделать перерыв. Хотелось выяснить, чем дышет Сизов, теперь, не в Москве. И я спросил, что он думает о ходе войны.

— Немцы к Волге рвутся и на Кавказ, но не знаю, далеко ли дойдут. Думается, им пора уже выдыхаться, это им не во Франции, Дании или Югославии воевать. Потери у них большие, — а где пополнения брать? У нас же опыт копится, чем дальше, тем крепче будут драться. Скоро эвакуированная промышленность из Сибири, с Урала начнет фронт снабжать, — что потеряли в начале, пополнят. Нам приходилось танковые атаки с винтовками и бутылками с бензином встречать, — скоро опять противотанковые пушки будут. Тогда немцам круто придется. Уже то, что им пришлось от Москвы откатиться и Ленинград не удалось взять, — большое для них моральное поражение. Первое время, когда они рвались вперед, часто чуть ли на как на параде, это сильно подогревало их боевой дух, — теперь совсем другое дело. Мы это видим и по нашим немцам, по администрации лагеря, — носы у них повисли, а раньше как вверх задирались.

Вспоминая, перед сном, этот разговор, я думал, что в общем в сказанном Сизовым все верно. Немцам и впрямь пора выдыхаться: не такой уж они численно великий народ, чтобы поставлять на фронт новые и новые миллионы солдат. И о промышленности верно: в декабре, в Ташкенте, говорили, что в оперном театре узбекской столицы, прямо в зрительном зале устанавливают станки, будет новый завод. В Барнауле пивной завод переделали на военный: поставили станки из вывезенных из европейской части страны и делают корпуса мин. Так и в других местах. Не все, понятно, легко и просто: под Фрунзе, километров за пятнадцать перед Пишпеком, по обе стороны железной дороги валом лежит привезенное с запада промышленное оборудование, ржавеет, многое и поломанное — что в нем осталось целым, как и где его можно использовать? Впрочем, голь на выдумки хитра, как-нибудь используют.

Утром расскажу ему об отборе нас в Умани для "аппарата украинского правительства", — решил я, засыпая, посмотрим на него еще с этой стороны.

Но утро началось не как всегда. После "кофе" и раздачи хлеба неожиданно пришел Сизов и объявил, что переводит меня

к санитару. Почему, зачем? — видя мое недоумение, он так выразительно посмотрел на меня, что охота спрашивать у меня пропала.

Прихватил отощавший свой рюкзак, пошел к санитару. Я еще не был в его закуте. По левой стене — две койки, одна над другой, всего четыре. Занял свободную нижнюю, на другой лежал мешок санитара. Он встретил новость равнодушно, будто его не касалось, на меня не смотрел. Может быть и лучше, что у меня теперь койка, спать буду не на нарах, но доски койки ничуть не мягче досок нар.

Побыв немного на новом месте, вышел на старое, в общее помещение. И сразу заметил неприязненные взгляды недавних сожителей. Что это они? Только потому, что перешел к санитару? Что это меняет?

Очевидно, что-то меняло. Вышел от висевшего в воздухе недружелюбия во двор, но там сегодня пасмурно, собирается дождь. Вернулся под крышу. Один из пленных, уколов взглядом, проворчал недовольным тоном, будто и не мне:

— Нацепил разбитые очки, профессора из себя корчит, на нашем горбу спасаться решил.

— Не знаю, о чем вы говорите, — отвечая не ему, а всем и подвигаясь к закуте, сказал я. — Ничего я не решал, откуда вы взяли?

— Оттуда и взяли, — проворчал другой. — К санитару перешел, чего еще?

Смысл перевода к санитару и враждебности вчерашних сожителей открылся в обед. Кухонные мужики внесли кадку с баландой в закуту, один, ухватив кадку за ушко, нагнул ее, санитар подставил котелок, — не болтая в кадке черпаком, кухонный мужик зацепил со дна, слил воду — и выложил в котелок санитара одну крупу: не суп, а кашу. Черпнул второй раз, — котелок санитара наполнился с краями. Санитар кивнул мне: — Подставляй свой.

Подставил. Раздатчик таким же манером насыпал мне каши, полез в кадку второй раз, — от добавки решил отказаться, убрал свой котелок.

Все стало ясно. Пленные хорошо знали об этой процедуре, о том, что санитару давали котелок "гущи", отбирая ее у всех.

Понятно теперь , почему у санитара смущенный вид и прячущиеся глаза: совесть видно у человека еще есть и чувствует он себя неважно. Что же делать мне? Теперь гущи отбирается у всех вдвое больше. Поедая кашу, — совесть голода не устраняла, — я думал, как поступить. Сделать можно просто: взять рюкзак и вернуться в общую комнату. Но это будет демонстрация против Сизова. А он ведь от чистого сердца хотел мне помочь. Чем он виноват, если партия научила его помогать только за счет других? Скверно получается. Пожалуй, все наше "землячество" пойдет врозь. А оно нужно не только для подкормления: Сизов верный источник новостей, которые больше узнавать неоткуда. Порывать с ним никак бы не следовало. Дьявольщина какая-то. Что же все-таки делать? Так и не ответив себе на этот вопрос, я, покончив с едой, машинально взял рюкзак и пошел на старое место.

Мое возвращение встретили равнодушно: сделали вид, что перемены не заметили. Пожалуй, так оно и лучше.

Подождал немного: полицейские наверно тоже обедали. И пошел к Сизову, предчувствуя неприятный разговор. К удивлению, обошлось сносно. Сизов уже знал о моем неподчинении: санитар очевидно поторопился ему сообщить, хотя я не заметил, чтобы санитар выходил из барака. Ишь ты, какой служака верный, привычный наверно доносчик. Сизов сказал:

— Что это вы придумали, вернулись на свое место?

— Да неудобно получается, в бараке ворчат, упрекают, что их кусок ем. Еще, глядишь, бока намнут, — пошутил я.

— Не посмеют. А что ворчат — нечего на них внимание обращать. Объесть вы их не объели бы, этой малостью, она их не выручит. А нам надо беречься, еще неизвестно, что будет, надо кадры сохранять.

Вон оно что. Тоже служака верный, помнит, как Сталин сказал, что "кадры решают все". Скверно только, что видно и я в эти кадры попадаю.

— Впрочем, вам видней, — заметил Сизов. — Сразимся?

Сели за шахматы. Но видно и у Сизова настроение не годилось для игры: едва закончили партию, он предложил устроить "перекур". Закручивая тощую, "лагерную" папироску, я

и рассказал ему, как в Умани отбирали нас для работы в "аппарате украинского правительства". Закончил вопросом, что бы могло это означать? Сизов ответил не сразу:

— Видите ли, немецкие военные, фронтовики, уже в конце прошлого лета убедились, что гитлеровский "блицкриг" накрылся и предстоит долгая и тяжелая кампания, исход которой очень сомнителен. Значит, надо искать другие решения. Почему прошлой осенью сняли Браухича? Говорят, что будто бы он предлагал ограничить войну устранением у нас диктатуры партии, привлекая для этого силы самих русских. Верно это или нет, не знаю, но слух такой был. Гитлер однако об этом и слышать не хочет, ему нужна разгромленная Россия и "жизненное пространство" на нашей земле. Военные, на фронте, все же стараются привлекать русских, хотя Берлин это и запрещает. Кроме того, время от времени среди военных, в оккупированных областях, возникают проекты более широких мероприятий, — вот, вроде "украинского правительства". Но как только доходит до Берлина — стоп, все проекты идут псу под хвост.

— Нам не понять, как и каким местом они думают, — продолжал Сизов, — но шанс разгромить нас у них был огромный, — а они его не использовали. Скрывать тут нечего, факт общеизвестный, что в нашей армии по крайней мере половина призванных принадлежала к недовольному, неустойчивому элементу и он готов был ухватиться за любую возможность, чтобы расправиться с нами, с нашей властью. Сколько в армии было раскулаченных, таких, у кого отцы погибли в деревне или в лагерях? Кто и сам сидел ни за что, ни про что? Революция в такой стране, как наша, дело не шуточное, это не опереточный переворот в одной из американских республик. Потом переход к сторительству социализма, — все влекло жертвы и тяготы для населения. Сколько недовольных, было и есть. К нам в корпус почти совсем перед окружением и пленом из Москвы прислали генерала и полковника — только что освобожденных из лагерей. И немцам совсем немного надо было: вместо того, чтобы уничтожать людей в лагерях военнопленных, дать им наше же, советское оружие и под командой тех же офицеров повернуть против нас, партийцев. И дело было бы

сделано. Но куда там, немцы уверены, что они хитрее всех. А теперь, как говорится, бабушка надвое сказала. Вернее, как Молотов сказал в самом начале, хотя тогда он мог быть меньше всех в этом убежден и больше всех боялся, — "враг будет разбит, победа будет за нами".

Я заметил, что слова бабушки, пожалуй, до какой-то степени еше остаются в силе.

— Да, до какой-то степени, — согласился Сизов. — Но чем дальше, тем сила у них будет все больше выветриваться. Недовольных, несогласных у нас множество, — вернулся он к прежнему, — И как им не быть? Столько тягот, жертв, годы и годы в голоде, жили кое-как. Но если бы не было этого, индустриализацию не провели бы, — с чем с немцами дрались бы? Теперь заводы в Сибирь, на Урал вывезли, но было что вывозить. А не было бы — сдавайся, голыми руками не повоюешь...

Эти аргументы защитников "строительства социализма" слышу не первый раз На многих они действуют, в особенности на молодежь. Но не на меня: слишком много напрашивается возражений. Прежде всего: развитие России революция не могла остановить и кто знает, может быть при другом строе мы были бы во много раз сильнее в военном отношении, чем теперь. На революцию все можно валить, предлог удобный, — но кто велел вам вести революцию так, как вы ее вели? Против всех — и потому с наибольшими жертвами. И с какой целью? У вас главная цель — безраздельная власть, диктатура своей партии. Нет, это не аргументация, это только попытка затушевать свою вину.

А в отношении войны — почему был заключен союз с Гитлером? Если бы договорились с западными союзниками, вместо союза с Гитлером, последний мог и не начать войну, заранее зная, что ее придется вести на два фронта. Вы развязали войну. Вы подтолкнули Гитлера начать войну и щедро ему помогали два года. Надеялись всех обмануть, да просчитались — за наш к сожалению счет. Нет, свою вину вам не скрыть...

Взялись опять за шахматы. Пока играли, пришел другой полицейский, — высокий, ражий мужчина с широким белым лицом. Глаза светлые и такие чистые, что никак они этому

"мордобойцу" подходить не могли. Он внимательно рассматривал меня, задал два-три вопроса, поднялся и ушел.

На другой день, тоже за шахматами, Сизов сказал, что предложил меня в качестве "культурника" для полицейских, но не получилось: вчерашний посетитель был старшим полицейским в этом лагере, он зашел, чтобы познакомиться со мной — и решительно забраковал меня. Значит, глаз у него хорошо наметан, сразу увидел, что к племени молотобойцев, как я их называл, чтобы не говорить "мордобойцев", я ни под каким видом подойти не могу. Я всей душой одобрил его решение: в самом деле, хорош бы я был, в роли культуртрегера у полицейских.

— Ничего, что-нибудь другое придумаем, — утешил меня Сизов. На такой же манер? — подумал я. Как бы не удружил он мне что-нибудь такое, за что потом до смерти краснеть придется... Компания явно не моя. Я уже видел, что у них тут что-то вроде подпольной лагерной партийной организации. А что, если сказать Сизову, что я был в концлагере, по 58-й статье? Нет, лучше пока воздержусь...

Больше в это утро меня занимало другое. После "кофе" всех нас, из обоих бараков, человек шестьдесят, построили во дворе. Пришел немецкий офицер, молодой лейтенант и пошел перед строем. Он неторопливо шагал, вглядываясь в лица. Остановился, показал одному пленному, чтобы вышел из строя, что-то спросил у него, махнул в сторону, чтобы отошел. То же еще с одним пленным. Потом очередь дошла до меня. Увидев мои разбитые и склеенные очки, тюрбан из полотенца на голове, — я все еще ходил в нем, ничего не мог взамен достать, — лейтенант усмехнулся, показал, чтобы вышел и ничего не спрашивая кивнул, чтобы отошел в сторону. С лейтенантом был переводчик, но скоро выяснилось, что он ему не нужен.

Переводчик вывел нас из лазаретного двора и повел за лейтенантом к главному входу, где, у ворот, стоял большой дом, в нем, очевидно, помещалось управление лагеря. Лейтенант взял с собой одного из отобранных, поднялся с ним на крыльцо и ушел в дом. Мы расположились было на ступеньках, но вышел немец и сказал переводчику, что сидеть тут нам не место. Перешли на землю у крыльца, — не привыкать.

День солнечный, жаркий, тихий, неподвижный. звенели мухи, клонило в сон. Не хотелось и думать, зачем отобрал нас лейтенант: все равно не угадаешь. Скоро узнаю. Минут через десять ушедший вернулся, лейтенант позвал другого.Спросить, о чем говорили? Но на крыльцо все время выходили немцы, приходили и уходили полицейские, переводчики и наш переводчик предупредил, чтобы не разговаривали: — Потом в бараке наговоритесь...

Второй тоже пробыл в доме не долго, — пошел за лейтенантом я. По коридорчику со скрипучим полом прошли в небольшую залитую солнцем комнату, превращенную в канцелярию, — в ней, кажется, еще сохранился запах жилья. Простой, некрашеный стол, такие же два стула по бокам, — на один сел лейтенант, на другой я.

Обычные вопросы: фамилия, имя, где родился, где учился, — все те же "анкетные данные". Голос у лейтенанта тихий, не настойчивый, не назойливый, подстать интеллигентному лицу с мягкими чертами. По-русски говорит довольно хорошо, иногда только запинается, ищет слова, изредка коверкает их, делая ошибки в произношении. Даже объяснил, что он из Прибалтики и в его семье раньше говорили по-русски, но многое уже забылось. Подумалось: человек с таким лицом дрянным не может быть. И лейтенант еще совсем молодой, лет двадцать, не больше: — Остервенеть ему наверно было еще некогда...

Дошли до вопроса, не подвергался ли преследованиям. Ответил, что сидел в концлагере, по 58-й статье, объяснил тут же, что это контрреволюционная статья: откуда ему знать? Лейтенант не спросил, за что сидел, но я заметил, что лицо у него изменилось, стало как будто бы менее напряженным. Может быть, услышав мой ответ, он решил, что задача его стала более легкой?

Вслед затем он предложил:

— Хотите бороться вместе с нами против большевизма?

А, вот в чем дело! Тут, решил я, требуется существенное уточнение. Посмотрим, чем он дышет. И я сказал, что против большевизма бороться я, как пионер, всегда готов, но они ведь борются не с большевизмом. У него вытянулось лицо, он смотрел с неподдельным недоумением:

— Нет, мы боремся с большевизмом, это цель всей нашей борьбы, — твердо сказал он. — Если нет, то с чем же мы боремся?

— Я не знаю официальной цели, но, судя по всяму, что я пока видел на этой стороне, попав в плен, вы боретесь с нами. С теми, кто был и остается под большевизмом, а не с самим большевизмом и его носителями.

Он явно и не соглашался, и не понимал меня. Я стал говорить, что миллионы людей у нас, задавленных большевизмом, надеялись на войну, как на верное средство освобождения — и поэтому в первые месяцы войны столько людей добровольно сдавалось в плен, а население во многих местах встречало немцев хлебом-солью. Но теперь оно их так больше не встречает, убедившись, что немцы воюют с населением, с народом, а не с властью, не с большевиками.

— Вы хотите сказать, что многие у вас были против своей власти и хотели поражения своей страны? — попробовал лейтенант уточнить.

— Поражения не своей страны, а ее власти, диктатуры коммунистической партии, — ответил я, видя, что это для него сложно и непонятно. Представления его о последних двух десятилетиях в России, как видно, были вполне стандартны и вряд ли во многом отличались от того, как объясняла их коммунистическая пропаганда. Я подумал, что, возможно, просветить малость этого немца имеет смысл и стал ему рассказывать о революции и октябрьском перевороте, о большевицком насилии, искоренении оппозиции, других партий, о крестьянских восстаниях и их подавлении, о терроре и большевицких методах правления, о коллективизации и индустриализации, — он слушал внимательно, ни словом не прерывая меня. Я уже уставал говорить и не знал, когда доберусь до конца. Не дойдя до ежовщины, сделал паузу. Он воспользовался ею, взглянул на часы:

— Это очень интересно, что вы говорите, — заметил лейтенант. — Но время к обеду, нам надо на сегодня заканчивать. После обеда, к сожалению, у меня не будет времени, но если не возражаете, мы поговорим еще завтра? Я вызову вас в это же время.

Возражать, разумеется, мне и в голову не могло прийти. Чем изнывать от скуки в лазарете, лучше просвещать этого лейтенанта. К тому же, пока я рассказывал, он усиленно угощал сигаретами, давно знакомыми мне "Юно", никотин в которых, похоже, и не ночевал, до того они были слабые. Лейтенант, немного замявшись, сказал:

— С табаком в лагере плохо, я знаю. Может быть вы махорку курите? — словно извиняясь, спросил он и, не ожидая ответа, выдвинул ящик стола, взял в нем две осьмушки махорки и протянул мне.

Курю ли я махорку?! Заполучив две пачки, я почувствовал себя крезом. Попрощались, вышел на крыльцо, — переводчик даже вскочил навстречу, так ему надоело ждать.

— Что вы, все мировые вопросы обсудили? — зло спросил он.

— Да, за прошлые века и малость будущего века прихватили.

— Я серьезно говорю, — резко возразил переводчик. — Что, мы должны вас целый день ждать?

— А это вы сказали бы лейтенанту, а не мне. Пока советские военнопленные немецким офицерам распоряжений давать не могут...

Получив обед, первым делом пошел искать "сына полка", Виктора. Нашел у пристройки полицейских. Издали показал ему пачку махорки и сказал, чтобы приготовил мне к вечеру котелок супа, — "настоящего, чтобы ложка стояла!" — получит на три папироски махорки, и не лагерные, добавил для верности. Виктор заверил, что суп будет.

Пошел к Сизову. Он знал, что меня допрашивал лейтенант. Первым делом я предложил закурить, теперь моей махорки, — свернули с ним самокрутки толщиной в палец. Спросил, не знает ли он, что за лейтенант и куда "вербует рабсилу".

— Нет, этого видел первый раз. Тут их несколько крутится, разных. Один для южного фронта ищет, другой для центрального. Больше для ближней разведки, но иногда, можно догадаться, и для глубокой. Каждый для своей шпионской, разведывательной школы. Как же у вас разговор прошел? Согласились вы?

Сказал коротко, как ответил и как потом растолковывал, почему так ответил. Сизов покачал головой:

— Вы полегче с ними, как бы не нарваться. Они тоже страсть не любят, когда им правду говорят, об их глупости. Этот молодой, наверно не обтерся еще, на службе недолго. Пока ваше счастье. Посмотрим, что завтра будет...

На другой день переводчик привел в ту же комнату. Лейтенант уже ждал, встретил дружески. Он сказал, что много думал о том, что я говорил ему.

— Многое из этого мы совсем не знали, не слышали о нем, а другое воспринимали не так, как получается по вашему рассказу, — пояснил он.

На этот раз рассказ мой был короче, — я дошел до окончания войны, повторил, как ждали в стране войну, надеясь на освобождение от диктатуры компартии и что эти надежды оказались напрасными. Между тем в их осуществлении заключается и наиболее успешное и наименее болезненное для немецкой армии завершение войны на востоке. Рассказал и об эпизоде, как в Крыму, во Владиславовке, было встречено пленными ложное сообщение о перевороте в Москве и что все эти пленные пошли бы драться за свое освобождение.

Завершая беседу, лейтенант сказал, что больше не предлагает мне работать там, куда он ищет людей: по его мнению, я вряд ли подойду для этой работы. Но он все же запишет меня и сообщит мою фамилию в Берлин своему начальству: кто знает, не произойдет ли каких изменений в желательном направлении, а тогда я наверное соглашусь работать с ними. Распрощались дружески; на прощанье он дал мне еще пачку махорки. Беря ее, подумал: не могу даже сказать, что от паршивой овцы хоть шерсти клок, — по совести, не было ни малейшего основания называть лейтенанта "паршивой овцой". Пусть будет с хорошей овцы, — помирился я сам с собой на такой формуле.

Я был доволен и считал, что мне крупно повезло. На скандал не нарвался и малость просветил немецкого лейтенанта, — да еще заработал за свое просвещение табак! Теперь, при экономном расходовании табачного богатства, я на неделю обеспечен ежедневно дополнительным котелком каши и еще могу курить. Хлеб здесь, в лазарете, доставать трудно, хотя

махорка и ценится высоко. Но я и раньше неохотно покупал хлеб: хотя продающий свою "пайку" или половину ее делал это добровольно, никто его не принуждал, все же было ощущение, что отбираешь у него главное в плену средство к сохранению жизни, драгоценный хлеб, сокращая дни продающего.

Несколько дней прожил, ощущая почти благополучие: котелок каши смягчал голод, курение еще помогало его заглушать. Без курева голод чувствуется острее. Можно было даже без прежнего нетерпения ждать суп, которым за шахматами угощал Сизов.

Дня через три утром опять нас построили во дворе, пришел другой немецкий офицер и тоже пошел перед строем, вглядываясь в лица. И этот показал на меня, чтобы я вышел. Этот был высокий, пожилой, лет под пятьдесят, с черными густыми бровями и строгими, решительными чертами лица. Чина разобрать я не мог, но видно, что не лейтенант, выше.

Он тоже отобрал троих, — пошли за переводчиком в дом у входных ворот. Снова ушел с одним, потом с другим, — я не торопился, сидел на земле у крыльца: успеется. И оказался опять последним.

В той же светлой комнате офицер протянул руку,здороваясь сказал:

— Зовите меня ротмистром. — Пусть будет ротмистр, хотя — есть у немцев кавалерия? По виду похож: хорошие сапоги, галифе с леями, ноги чуть кренделем, как и полагается кавалеристу. Не все ли мне равно. Ни о чем другом не спрашивая, сразу спросил: — Сидели? По 58-й? Сколько?

Э, стреляная птица, подкованный, не чета зеленому лейтенанту. Сразу увидел: не колхозник, не рабочий, значит должен был бы пройти военную школу, быть офицером или интендантом. Если же школу не прошел, — скорее всего сидел. Голос громкий, командирский. И без акцента. Язык, как и он сам, точный, подтянутый: питерский, не растекающийся квашней московский. Я даже подумал: часом, не из прежних ли русских офицеров? Тогда и кавалерия к месту.

Ответил.Так же отрывисто, смотря в глаза, спросил:

— Хотите работать с нами, против большевиков?

Тут нужна другая тактика. Прошлая, что с лейтенантом, не

подойдет. Не пытаясь изображать "штафирку", — я же и есть штатский, — самым домашним тоном, будто наниматься на работу пришел, спросил: — А в чем будет моя работа заключаться?

— Работа у нас есть самая разнообразная, — протянул он. — Найдем и для вас подходящую, если поедете к нам.

Что-то в нем не располагало к нему, было даже неприятным. Осторожно выбирая слова, я сказал, что слышал, будто иногда приезжают, отбирают из пленных желающих заниматься разведочнойработой,—для нее я никак не гожусь и заниматься ею не хочу.

— Почему не годитесь? — спросил ротмистр.

— Конспиратор из меня аховый, а без этого какой же может быть разведчик? Да и вообще, заниматься таким делом, все время быть настороже, — зачем это мне? У меня никаких злых намерений против мирных людей нет, — пошутил я.

— У нас есть и другая работа, — повторил он.

— Меня и интересует, что это за работа? Не могу же я, как говорится, кота в мешке покупать.

— Почему нет? — поговорку о коте в мешке он, видимо, хорошо знал. И стал говорить, что у него я буду занят интересной работой, буду жить в хороших условиях, — а здесь что? Продолжать голодать, потом, через какое-то время, отправят в Германию работать на каком-нибудь заводе, опять сидеть на баланде из брюквы и свеклы, — перспектива не блестящая. Соглашаясь с этим, я говорил, что и у него перспективы не видно: предложение его остается неизвестным. Он пожал плечами: — Вы опять за свое, — разговор получался беспредметным. Кончилось тем, что он сказал: вызову вас на днях еще раз, — и отпустил меня.

Сизов сказал, что ротмистра в лагере знают давно: еще осенью приезжал, искать для себя пленных, для разведочной школы центрального фронта. Не исключено, конечно, что есть у него и не разведочная работа, в той же школе, но сказать, какая именно, не скажет: это было бы против их правил. А что хорошие условия обещает — заливает, у них наши пленные сидят на тыловом немецком пайке, полуголодном. И у них немцы пленных объедают, как и в нашем лагере, — говорил Сизов. Он

видел пленных, возвращенных из школы ротмистра, они рассказывали. Я спросил: разве не подошедших возвращают в тот же лагерь? Обычно, сказал Сизов, отправляют в другой, но по ошибке могут и в прежний вернуть. За дерзкие преступления или строптивость особенную, уточнил Сизов, — немцы отобранных пленных отправляют в концлагерь, сразу теперь не уничтожают. Но за мелкие поступки только возвращают на прежнее положение. Это, подумал я, надо иметь в виду, на всякий случай.

Ротмистр прав, подтвердил Сизов, что надежд на лучшее здесь нет. При желании можно устроить, чтобы вас перевели в общий лагерь, — а зачем это вам? Скорее пошлют в Германию, куда-нибудь работать и голодать, хорошего мало. Вообще немцы отсюда, из лазарета, не любят отсылать в общий лагерь: здесь, по формальным основаниям, несколько немцев держится при лазарете, считается, что они тут нужны. А не будет хотя бы фиктивных больных, немцев тоже отсюда переведут, — а там можно и на фронт угодить, чего им совсем не хочется. Вот и держится лазарет, даже и без настоящих больных, — что, добавил я про себя, выгодно и вам, полицейским.

Ротмистр вызвал еще раз, но я уперся и разговор опять окончился безрезультатно. Решимость моя однако была уже поколеблена: чем я рискую, согласившись уехать с ним? Здесь сидеть безнадежно. Война продлится несколько лет, по лагерям военнопленных мотаться долго еще придется, — почему не поехать, даже ради только разнообразия? Хуже не будет. А шпиона из меня никто не сделает. Какой-то риск, конечно, остается, но может и передохну немного. Тапочки мои разваливаются, больше не выдерживают, тюрбан из полотенца превратился в грязную тряпку, — ротмистр соблазняет, что получу хорошее обмундирование. Даже очки новые обещает, — из-за одного этого можно поехать. Была не была — поеду! И в следующий вызов я дал согласие на предложение ротмистра.

В тот же день перевели в общий лагерь, в большую землянку, в которой, как можно было понять, жили только отобранные немцами пленные. Всего было человек сорок. Рядом на нарах оказался живой, проворный мужчина средних лет, чем-то вроде бы знакомый. Вскоре выяснилось, почему: это был

земляк, с Волги, из Черного Яра, большого поселка ниже Царицына. Узнав, откуда я, Зернов обрадовался так, будто встретил родного брата:

— Земляк! Скажи, какая радость! А я сколько уже в плену, с осени самой, и ни разу из наших мест не встречал. Царицынский — это ж все равно, что сосед близкий. Давай, располагайся удобнее. Ты откуда? — со своим человеком, понятно, не к лицу было бы обращаться на "вы". И к его радостному тону "ты" хорошо подходило, слух ничуть не резало. — С лазарету? Местность мне неизвестная, а так я тут все знаю, все прошел, как в займище за Волгой, — я ж рыбак волжский, с малых лет. Царицынский, поди ты! — продолжал он удивляться. — У нас сталинградский редко скажут, больше по старому, привычному: царицынский. Да ты располагайся, как следует, — подвинулся Зернов на нарах и даже невидимую в темноте пыль смахнул с освобождаемого места. — А за кем ты числишься? — Я не понял. — Ну, какой немец тебя сватает? Ротмистр? Сурьезный парень, как о нем говорят. Не приходилось видать, слышал только. Я уже у многих побывал, три месяца в этой землянке. То один, то другой заинтересуется, поговорят, а потом опять молчок. Видно не подхожу им.

Он продолжал говорить, словно от радости не в силах остановиться. Но речь его не походила на бисер, рассыпаемый бестолково: все говорилось к месту, как по делу, без суеты и снижения достоинства. Чувствовалось, с каким удовольствием сбегал бы он за кипятком, угостил чаем, — какой же разговор на Волге без чая! — но где его взять. Хорошо, у меня осталось несколько щепоток махорки, угостил его, как бы еще подогрев настроение.

Минут через пятнадцать, придвинувшись ближе, не снижая впрочем голоса, Зернов говорил, изливая накопившееся в душе:

— Я со многими немцами разговаривал — и что я тебе скажу? Наперво: какого же маху мы дали, ошибку какую допустили, когда решили, что вот, сама Европа нам на выручку идет. Мы что — вахлаки темные, олухи царя небесного, а тут — "просвещенная Европа", — издевательски подчеркнул Зернов. — А она вон какая в натуре! Поговорил с одним, с другим — и не пойму: это что ж за такие люди? Народ — какой там народ, я его

не знаю, тут офицеры, это тебе повыше народа. Знаешь, говорю вчера своему капитану, — я за ним числюсь, — что если хотят, я им не то что дивизию, — армию за Волгу переправлю, в тыл Царицыну проведу: я там каждый куст, каждую тропу знаю и легко будет город взять.Так знаешь, что он мне на это? Голову задрал и прогундосил: "Немецкое командование само знает, как ему этот город брать". Ах ты, думаю, кикимора дремучая, хоть и мундир у тебя с иголочки, блестишь как пятиалтынный и одеколоной от тебя воняет. Такое высокомерие, такая гордыня, что на цыпочках до макушки не достанешь. И верь мне, за этот грех, за гордыню, за то что занеслись, придется им уплатить сполна, кровавыми слезами плакать.

— Нет, такая армия победительницей не бывает! — продолжал Зернов. — Это тебе время не нашествия Батыя, когда действовала одна сила, кулак. Теперь к кулаку надо еще много и в голове, и в душе иметь. А если Господь Бог обидел тебя, ничего туда не дал или не того, что требуется положил, а ты этого не понимаешь, — шабаш, крышка, плати за свои глупость и бесчинства, за гордыню своими косточками. Поди ты, они — высшая раса! Народ господ! — да где такое было видано? Это уж от такого ума, что и доказывать не надо, что он дурацкий ум. Ведь они с таким умом что делают? Они стараются в нас злость вызвать, самую кипучую, из нутра, из печенки, чтобы мы совсем взъярились! Это —от большого ихнего ума. А мы, сам знаешь, можем смирными быть. Но если ты взъярил нас — держись! И я тебе скажу: года через два, от силы три — я за немца понюшки табаку не дам. Я, Степан Зернов, может в этих землянках погибну, не выгребу отсюда, — но и Фриц несчастный сгниет, не вверх, а вниз, в могилу его взнесет.*

Откинув глову на мешок, Зернов полежал несколько минут молча, отдыхая. Потом уже тише сказал: — Они, с Гитлером своим, как собака на сене: сами не попользуются — и нам не дадут. А какой случай был: мы же в момент могли эту нечисть

* Об этих типичных в плену в то время настроениях пишу коротко, как и о вербовке в школы разведки, хотя на этой канве можно было бы многое "вышить". Но "вышивка" была бы более позднего происхождения: тогда нам было не до размышлений, ограничивались первичными реакциями, — размышления приходили потом.

свою, большевиков с себя спихнуть. Не дают. Видно, что Гитлер, что Сталин — одного поля ягода, друг за дружку стоят и оба с нас кожу дерут... И потому, что не дают нам свое дело сделать — особенная злость, впору на стенку лезть...

Он еще помолчал. Потом вдруг совсем другим, деловым голосом спросил, почему у меня нет "головного убора". Коротко рассказал ему. Он развязал свой туго набитый мешок, покопался в нем, вытащил помятую, но целую буденновку (их называли "спринцовками"), протянул мне:

— Возьми, померь. Да они на каждую голову подходят. — Сбросив с головы "тюрбан", примерил — как раз. Надо чем-то отплатить, это ведь ценный товар, Зернов может за него хлеба получить, или махорки. Высыпал ему на ладонь оставшуюся махорку. Он запротестовал:

— Нет, это ты много даешь. И я же тебе шапку не продаю, как земляку даю. На закрутку хорошую — и хватит, — он оставил себе немного махорки, остальную вернул...

Хроший мне земляк встретился, Зернов, настоящий волгарь. Это не Сизов, земляк приблизительный. Хотя что же наговаривать на человека: Сизов ничего плохого мне не сделал. И о нем память останется не такая плохая...

Утром на другой день полицейский принес мне ботинки. Сильно поношенные, но ходить в них можно. Значит, куда-то ехать. И верно: еще через час-полтора тот же полицейский повел к воротам, меня и еще одного из землянки, — в полутемноте я его до того не видел. Какой-то хозяйственник с Северного Кавказа.

Из управления вышел немецкий солдат, без оружия, повел нас из лагеря. Пошли по путям, — налево вдалеке станция. Стоял поезд: несколько пассажирских вагонов. Впервые увидел на них железные таблички: "Nur fur deutsche" — "только для немцев". В конце поезда обшарпанный, старый вагон, около толпа, штурмует дверь, — наверно вагон для поляков. Представитель высшей расы вошел с нами в вагон, в нем пусто, только несколько военных. Заняли отделение, высшая раса сел ближе к проходу, — пусть стережет, мы у окна. На минуту заглянул ротмистр, посмотрел, наверно убеждаясь, что все в порядке и снова ушел, может быть в офицерский вагон.

За окном поплыла незнакомая польская земля. Выплывали иногда деревни, отдельные крестьянские дома, с потемневшими соломенными крышами. Мелькали станции, с ничего не говорящими нам названиями. Ехали на север, а куда? Все равно, куда-нибудь привезут. Проехали Люблин, большой город — и опять неизвестные поля.

Перед вечером снова показались трубы, заводы, смесь пригородных построек, — подъезжали к большому городу. Варшава. Но что же увидишь в ней из окна вагона, стоящего у перрона.

Вышли, пошли в толпе по перронам и переходам вокзала, то ли сгоревшего, то ли полуразрушенного. Вышли на боковую платформу к другому поезду, вероятно пригородному. На вагонах тут тоже — "Nur fur deutsche".

Здесь колеса стучат дробно, суетливо: пригородные! Не прошло и полчаса, встали у небольшой станции. Глянул на вывеску, прочел не сразу: "Сулеювек", — очень уж не по нашенски (может быть, впрочем, и перепутал какую букву. Потом узналось: здесь был загородный дом Пилсудского, его вдова, говорят, и теперь живет в этом доме. А запомнилось название по созвучию: на Ухте был однажды на ручье, который называется Сюза-Юра-Йоль, — кажется, ручей белых лебедей или в этом роде).

Высшая раса повел со станции в поселок и привел к вахе, к часовому у неведомых ворот. Часовой вызвал другого, тот куда-то повел нас во двор. Все заросло деревьями и высокими кустами, сильно пахло цветами. Внизу уже сгущались сумерки. Прошли большой двор, вышли к невысокому деревянному забору, вошли в калитку и опять пошли под деревьями и кустами куда-то вглубь. Наконец, избушка среди деревьев: то ли банька, то ли сторожка.

И почти сразу за спиной оказался ротмистр.

— Вы тут будете дня два или три жить, — сказал он. — Ничего, тут хорошо. Располагайтесь, еду вам сейчас принесут. Завтра я к вам зайду.

Мне понравилось: вместо вонючего барака — такая роскошная лесная избушка. И дух какой лесной! И садовый, цветами пахнет. В избушке два топчана, с матрацами, одеялами.

Согласен не два-три дня, а до конца войны тут жить.

Пришел еще один из высшей расы, принес две порции хлеба и два котелка с супом. В избушке вкусно запахло мясом — жить можно!

Продолжение следует

Г. Андреев

"Этот ужас и этот зной
Называются тишиной."
Бессонница
1942 г.

Зияющая пустота,
Не Торичельева, а — хуже...
Замкнула зрение, слух, уста.
Всё стало ближе, стало уже.
Не детский сон, не бремя зла
Бессонницы. Не бред, не бденье..
Но порошит огнём зола
Моё иное пробужденье.
Приходит смерть к душе живой
И пламенно пугает адом.
Но — мнится райской синевой
И шорохом вверху и — рядом.
Почти притиснута к земле,
Личинка бледная, простая
Лежу бессмысленно в золе,
И крылья зябнут. Вырастая..

Алла Головина, 1977

ЗЛАТОУСТАЯ АННА ВСЕЯ РУСИ

Наша современница. Наша сверстница. Как глубоко волнуют эти слова! Так же, должно быть, с волнением чувствовали и говорили современники Сафо.

С отрочества мы знали наизусть ее тоненькие книжки. Уже и тогда, помню, мне казалось: "Да ведь Ахматова — классик, она великая, недосягаемая... Ее, верно, на свете уже нет: она, как Фет, как Тютчев, живет только вот там, на полке, в книжном шкафу со стеклянными дверцами". И вдруг с удивлением узнаешь: нет, она, оказывается, живая, совсем такая как мы, живет в Ленинграде, ходит, должно быть, за молоком, за хлебом. Как-то это трудно умещалось в сознании.

Годы шли — исковерканные ложью и подлостью годы Неронова Рима. Один за другим, как игрушечные солдатики, падали русские писатели и поэты. "Падали" — говорю я не в смысле — гибли мученически, — гибли, конечно, и от репрессий, но сейчас я не об этом: я хочу сказать: падали и гибли морально, скатываясь в помойную яму подхалимства и холопской лести, кривя душой, часто топя других, чтобы выгородить себя. Ахматова перешла, переступила через это подлое время, окружив себя бесконечно достойным молчанием. Все оставалось так, как и в нашем отрочестве: мы попрежнему, как драгоценность, бережем ее книжечки, учимся по ним, питаемся ими, находим в них новые и новые глубины; а Ахматова попрежнему где-то там, в Питере — таинственно жива, как в скиту, как в затворе.

Речь на вечере памяти Ахматовой в Св.-Серафимовском Фонде, 6 марта 1977 г. РЕД.

Вот кто-то из друзей поехал в Ленинград, и вернувшись, рассказывает: видел Анну Ахматову на панихиде по Федору Сологубу.

— Ну, какая же она? Какая?

— Да так, самая обыкновенная, худая, в черной потертой шубке.

— Говорила что-нибудь?

— Ничего не говорила, становилась на колени, крестилась, потом ушла.

Так оставался при нас и в нас невскрытым, нетронутым этот облик — безмолвный; хочется сказать — запечатленный — и чистый. Строгий и чистый.

* * *

Солнечным августовским ленинградским днем к Ахматовой пришел черненький застенчивый юноша, почти мальчик. Он почти не дышал от благоговения и страха, и мял в руках тетрадку. В тетрадке были стихи. Чтобы прочесть их Анне Ахматовой, мальчик приехал из Киева. Звали его Ваня Матвеев — Иван Елагин.

— Мне очень жалко, — сказала ему Ахматова, — но я не могу слушать стихи. Сын идет на этап, и я собираю теплые вещи.

Мальчик молча поцеловал ей руку и ушел.

Это был тот "светлый день и опустелый дом", позднее ставший ее стихами. Арестован был ее Левушка — сын ее и Гумилева, — тот Лев Гумилев, рождение которого Марина Цветаева встретила бурно-ликующими стихами, как и подобало встречать такое царственное дитя — дитя двух таких поэтов! Вот эти стихи:

Имя ребенка — Лев.
Матери — Анна.
В имени его — гнев.
В материнском — тишь.
Волосом он рыж —
Голова тюльпана!

Что ж — осанна
Маленькому царю!

Дай ему Бог — вздох
И улыбку матери.
Взгляд — Искателя
Жемчугов.
Бог! Внимательней
За ним присматривай!
Царский сын гадательней
Остальных сынов!

Рыжий львеныш
С глазами зелеными!
Страшное наследье
Тебе нести:
Северный океан и Южный —
И нить жемчужных
Черных четок —
в твоей горсти!

Семнадцать месяцев длился материнский крестный путь Ахматовой. Горе тяжело налегло на нее, но не задушило и не искалечило. Из-под спуда этого горя пробился Реквием — одна из величайших поэм века. И не только Реквием. После этого страшного трагического удара творчество Ахматовой стало вырастать — я бы сказала — буйнее, более развернуто, более мощно. Как будто молния ударила в дерево, расщепила ствол — и расколотая ветка пошла расти в сторону, по-новому, все пышнее и могучее. Из этой опаленной грозой ветки выросла ПОЭМА БЕЗ ГЕРОЯ — гениальная и бессмертная уже одной волшбой своей строфики, уже одним своим совершенно магическим ритмом; не говоря уже о том, что эта поэма — непревзойденный памятник эпохи — памятник Серебряного века. Мы теперь не можем себе и представить, *как* бы мы — как бы наша литература существовала без этого вот полотна ПОЭМЫ БЕЗ ГЕРОЯ:

До смешного близка развязка.
Из-за ширм — Петрушкина маска,
Вкруг костров — кучерская пляска,
Над дворцом — черно-желтый стяг.
Все уже на местах, кто надо.
Пятым актом из Летнего Сада
Пахнет... Пьяный поет моряк.

. . . . . .

А по Набережной легендарной
Приближался не календарный —
Настоящий Двадцатый Век.

По поводу ПОЭМЫ БЕЗ ГЕРОЯ мне хочется поделиться с вами одним предположением. Я предлагаю его только как гипотезу, и вполне возможно, что оно ошибочно.

В поэме, как вы вероятно помните, в новогоднюю ночь 13-го года в дом Ахматовой врывается шумная толпа масок, толпа ряженых:

Этот Фаустом, тот Дон-Жуаном,
Дапертутто, Иоканааном...

Эти маски-портреты Ахматова зашифровала. "Идентифицирует" она их только уклончивыми намеками, как бы полукивками. Немудрено, что у литературоведов вот уже ряд лет идет оживленная возня по расшифровке этих намеков. Чуковский, Жирмунский, Добин, Павловский делали попытки в этом направлении; но надо признаться, что до сих пор никто из них еще не "перехитрил" автора ПОЭМЫ. Ведь Ахматова так в поэме и заявляет:

Ту полночную Гофманиану
Разглашать я по свету не стану!

Пока что все "старатели" дружно и радостно узнают в одной из масок Блока. Но это, сказать по правде, стыдно было бы и не узнать: эта маска очень прозрачна. Попросту — она снята самой Ахматовой:

Это он в переполненном зале
Слал ту черную розу в бокале... и пр.

Крепким орешком для исследователей является другая фигура ряженого: тот ряженый, который

полосатой наряжен верстой.

Прикидывали и так и сяк, и в общем склоняются к тому, что это Маяковский. (Забавным исключением является только статья Филиппова в двухтомнике под редакцией его и Струве: Филиппов утверждает, что этот, наряженный полосатой верстой — БЛОК: он, Блок, (здесь я цитирую статью Филиппова) "стоит на грани дувх столетий-эонов, потому и наряжен как верстовой столб"!). Но это в скобках. Эту оригинальную догадку приходится совсем сбросить со счетов, ибо Ахматова четко разъединяет эти две фигуры — "демона", славшего черную розу в бокале, (несомненно Блока) — и другого, наряженного верстой.

Но и почти что общепринятую теперь гипотезу — то, что это Маяковский — надо бы, мне кажется, еще хорошенько, как когда-то выражались, "провентилировать". Вот что говорит Ахматова об этом ряженом:

Полосатой наряжен верстой,
Размалеван пестро и грубо —
Ты, ровесник мамврийского дуба,
Вековой собеседник луны!
Не обманут притворные стоны:
Ты железные пишешь законы —
Хаммураби, ликурги, солоны
У тебя поучиться должны.

Существо это — странного нрава:
Он не ждет, чтоб подагра и слава
Впопыхах усадили его
В юбилейные пышные кресла,
А несет по цветущему вереску,
По пустыням свое торжество.

И ни в чем не повинен: ни в этом,
Ни в другом и ни в тертьем...
Поэтам
Вообще не пристали грехи...

Вот что говорит Ахматова. Версия о Маяковском представляется литературоведам соблазнительной, потому что Маяковский был высокого роста, и, если не ходил наряжен полосатой верстой, то гулял, как вы помните, в желтой кофте. Третьим обстоятельством в пользу этого предположения — критики очевидно считают то, что у Ахматовой есть стихотворение о Маяковском — и именно о Маяковском в 1913 году, т. е. в ту же эпоху, что и новогодняя ночь ПОЭМЫ БЕЗ ГЕРОЯ.

Однако у персонажа стихотворения ("Я тебя в твоей не знала славе") и у персонажа Поэмы совсем нет общих характерных черт. Первый — "недоволен", "нетерпелив", урбанистичен. Второй — "собеседник луны", "железные пишет законы", уходит "в пустыни".

У меня давно складывается догадка. Мне кажется, что персонаж в Поэме — это поэт Максимилиан Волошин. Макс, ходивший в туниках и хламидах. Макс, уж подлинно — "собеседник луны", создавший монументальный венок сонетов — "Lunaria". Макс, писавший действительно "железные законы": вот выдержка из его замечательной поэмы "Подмастерье":

Стих создают — безвыходность,
необходимость, сжатость,
Сосредоточенность...
. . . . . .
Речение,
В котором все слова
Притерты, пригнаны и сплавлены
Умом и терпугом, паялом и терпеньем —
Становится лирической строфой,
Будь то
страница Тацита
ИЛЬ МЕДНЫЙ ТЕКСТ ЗАКОНА.

Макс Волошин, неразрывно слитый с пустынными просторами Коктебеля —

"Костер мой догорал на берегу пустыни..."

И тогда так естественно звучит у Ахматовой:

А несет по цветущему вереску,
По пустыням свое торжество...

Наконец, строки Ахматовой —

И ни в чем не повинен: ни в этом,
Ни в другом и ни в третьем..."

тоже очень подходят к Максу Волошину, потому что, если вы помните, во время гражданской войны, при частых сменах выбивавших друг дружку боем властей, на Макса неодобрительно косились и те, и другие, за то, что он, с невозмутимостью поэта и философа, укрывал в своем "доме на горе" и тех, и других:

И красный вождь, и белый офицер —
Фанатики непримиримых вер —
Искали здесь, под кровлею поэта,
Убежища, защиты и совета.
(Поэма Волошина "ДОМ ПОЭТА").

По всему этому я думаю, что домысл мой может быть и правилен. Вот еще пара косвенных соображений, делающих эту догадку не невероятной: появляющаяся в ПОЭМЕ БЕЗ ГОРЯ "голова мадам де Ламбаль", ассоциативно связана у всего серебряновечного поколения со стихами Волошина под таким же названием:

... Я на пике взвилась над толпой
Хмельным тирсом...

И еще штришок: Чуковский в своей работе об Ахматовой, говоря о персонаже ПОЭМЫ БЕЗ ГЕРОЯ, близкой приятельнице Ахматовой, Ольге Глебовой-Судейкиной, — вспоминает, что он встречал Судейкину "у Сологуба, у Вячеслава Иванова, иногда вместе с Блоком, а иногда с Максимилианом Волошиным". Значит, эти нити близко сходились.

Но довольно об этом! Этими мыслями мне очень хотелось с вами поделиться, — они давно занимают меня.

О чем я еще хочу сегодня сказать — даже с риском повторить уже известное и много раз отмечавшееся: это то, что, пожалуй, больше всего поражает в Ахматовой — это та "потрясающая народность", о которой говорила очень давно, в 23-м году в своем Литературном дневнике Мариэтта Шагинян. (Тогда, в 23-м году Мариэтта была еще живой человек, живой и думающий поэт и писатель; это потом она, с годами, засохла и

закостенела, превратилась в изъеденного молью начетчика, бюрократа мысли). Так вот, в своем Литературном дневнике Мариэтта говорит:

Ахматова (с годами — все больше) умеет быть потрясающе народной, без всяких квази, без фальши, с суровой простотой и с бесценной скупостью речи. Изысканная петербуржанка, питомица акмеизма — она таит под этой личиной чудеснейшую, простейшую простонародную лирику, воистину простонародную и вечную именно в этом неувядаемом, подпочвенном ее естестве.

Это слова Шагинян, но конечно эту черту отмечали и другие исследователи. Эта черта действительно потрясает, потому что она так ненавязчива и глубоко естественна.

Народность без подчеркивания.

Народность без аффектации.

Невольно тут сравниваешь Ахматову с Цветаевой. Цветаева — второе чудо, второе гениальное поэтическое явление русского XX века. Она — Марина — как костер, — слепит, гудит, полыхает. Народность у Марины? Да, конечно! Сверкающая как фейерверк:

Говорила мне бабка лютая,
Коромыслом от злости гнутая:
Не дремить тебе в люльке дитятка,
Не белить тебе пряжи вытканой...

Изумительно — и все-таки — великолепно СДЕЛАНО. Великолепная роль. Великолепный костюм, с блеском на себя надеваемый. А у Ахматовой — это совершенно свое, кровное, природное:

А Смоленская нынче именинница...

Помните этот ее плач по Блоку?

Принесли мы Смоленской Заступнице,
Принесли Пресвятой Богородице
На руках во гробе серебряном
Наше солнце, в муке погасшее —
Александра, лебедя чистого.

Без вскриков. Без взрыдов.

Послушайте еще отрывок из такой колдовской, лесной вещи:

Почернел, искривился бревенчатый мост,
И стоят лопухи в человеческий рост,
И крапивы дремучей поют леса,
Что по ним не пройдет, не блеснет коса...

Это не платье, не одеянье народности, как у Марины: это собственная, своя кожа. Быт народный, не наблюдаемый с любованьем, а каким-то чудом въевшийся, впитавшийся в эту утонченную изящную женщину Серебряного века:

Лучше б мне частушки задорно выкликать,
А тебе на хриплой гармонике играть,
И уйдя обнявшись на ночь за овсы,
Потерять бы ленту из тугой косы...

Лучше б мне ребеночка твоего качать,
А тебе — полтинник в сутки выручать,
Да ходить на кладбище в поминальный день,
Да смотреть на белую Божию сирень.

Ведь какое исконное, и простое, и тихое! Право, хочется вспомнить тот кусочек из Войны и мира, — да вы догадались, конечно, какой? Где Наташа у дядюшки пляшет русскую, — и Толстой говорит:

Где, как, когда всосала в себя из того русского воздуха, которым она дышала, — эта графинечка, воспитанная... француженкой — этот дух? Откуда взяла она эти приемы?.. Но дух и приемы эти были те самые неподражаемые, неизучаемые, русские.

Я не знаю, — может быть имеет значение — (да, наверное даже имеет!) то, что Ахматова коренным образом связана с церковным бытом, и быт этот опять-таки так просто, так неаффектированно составляет часть ее жизни и ее русскости.

... Тому три года, в Вербную Субботу... —

говорит она. И опять — это так естественно и просто: вот обыкновенная русская женщина идет к вербной всенощной.

... О вечер богомольный!
Слегка хрустел апрельский тонкий лед,
И над толпою голос колокольный
Как утешенье вещее звучал,
И черный ветер огоньки качал.

Так слито это с жизнью, с устоявшимся бытом:

Моя рука, закапанная воском...

Если рука закапана воском, — значит, человек вернулся из церкви, где стоял со свечей. И это, должно быть, дает окраску и звучание всему душевному строю человека — когда этот человек — поэт.

Я не знаю, помните ли вы изумительную вещь Ахматовой, написанную в 22-м году, когда шло так называемое "изъятие ценностей" из церквей, — серебряных риз, окладов; шло снятие колоколов, так как заводам нужен был металл... Словом, когда начиналось черное дело осквернения и разрушения храмов. Эту вещь Ахматова назвала "Причитание", и вещь эта в новые советские сборники Ахматовой НЕ ВКЛЮЧАЕТСЯ. Вещь эта пронзает болью, но тон, звук взят поражающе верно, без истерики, без экзальтации. "Церковный голос", — говорят про певчего на клиросе, когда он так поет. А эту вещь почти хочется петь на тропарный пятый глас:

Господеви поклонитеся
Во Святем Дворе Его...

Но, конечно, я лучше прочту вам целиком эту драгоценную вещь; ее, повторяю, теперь почти невозможно найти, она не перепечатывается:

Господеви поклонитеся
Во Святем Дворе Его.
Спит юродивый на паперти,
На него глядит звезда.

И крылом задетый ангельским
Колокол заговорил
Не набатным грозным голосом,
А прощаясь навсегда.

И выходят из обители,
Ризы древние отдав,
Чудотворцы и святители,
Опираясь на клюки.

Серафим — в леса Саровские
Стадо сельское пасти,

Анна — в Кашин, уж не княжити, —
Лен колючий теребить.

Провожает Богородица,
Сына кутает в платок,
Старой нищенкой оброненный
У Господнего крыльца.

Поистине — Златоустая Анна Всея Руси, по слову Марины Цветаевой.

Этим я закончу. Скажу еще только вот что. Мы собрались сегодня в ее память. И я верю, что ушедшая от нас — сейчас среди нас. Помните, как пушкинский Шенье просит друзей собираться после его смерти и читать его стихи, — и Пушкин вкладывает в уста своего Шенье эти бесконечно трогательные слова:

... А я, забыв могильный сон,
Взойду невидимо, и сяду между вами,
И сам заслушаюсь...

Ольга Анстей

Цыганский табор осени разбросан
Между домами. Неопрятна осень,
Но грандиозна, ветряна, пестра.
И с осенью нет никакого сладу —
Листва деревьев пляшет до упаду,
Горят костры посереди двора.

Я восхищаюсь этим понапрасну,
Я с каждым из деревьев этих гасну.
Вот лист, что закружился по двору,
Свалился, об окно мое ударясь.
Цыганская взлохмаченная старость,
Раскачиваясь, плачет на ветру.

Да, осень пляшет, и поет, и плачет,
И, кажется, переполох весь начат
Лишь для того, чтоб я мое житье
Измерил этой лавой листопада.
Но как ни мерь — а жизнь длиннее взгляда,
Стремящегося охватить ее.

Как заключенный в камере тюремной
Под камнем пола роет ход подземный,
Чтоб выбраться на волю из тюрьмы, —
Так в памяти я котловины рою,
Чтоб выломать из многолетней тьмы
Обломок дня, утерянного мною.

Есть где-то настоящее, и это —
Веселием сверкающее лето,
А будущее там — в полях весны,
Но осень — это прошлое, и людям
Оно нужней. О нем мы не забудем,
Зимой небытия занесены.

Как будто еду в поезде я скором,
И осень мне махнула семафором,
И дал мой поезд резко задний ход,
И содрогнулись все мои вагоны,

Пошли они во дни катиться оны,
И весь мой поезд в прошлое идет.

Я с поездом моим куда-то двинусь
По направленью в юность и невинность,
Где ждут меня на полустанке том,
И к старому знакомцу благосклонны,
Ко мне из детства нависая, клены
Расскажут миф о веке золотом.

А там и жизнь была совсем иная,
Там комната в квартире проходная,
Там очередь за хлебом поутру,
Там, тапочки надев на босу ногу,
Пускаясь в ежедневную дорогу,
Пенал и книги я с собой беру.

От школьной парты, школьного урока
До осени цыганской так далеко!
Разрозненные времени куски
Барахтаются в памяти, как в дыме,
Толпятся государства между ними,
И океаны, и материки!

Он уплывает, этот полустанок,
И клен, и дом, и несколько полянок —
И вот уже, огнями залита,
Мерещится вечерняя столица.
И я не знаю — эта жизнь мне снится,
Или когда-то мне приснилась та.

Последние октябрьские недели.
Деревьев закружились карусели.
А где-то там за тридевять земель,
За тем холмом, где свалены за годы
Мои закаты и мои восходы —
Там в парке над рекою карусель.

И друг за другом в сказочной погоне
Кружатся размалеванные кони

И движутся по стержню вверх и вниз.
Вся карусель плывет под звуки вальса...
Еще я помню, — вальс тот назывался
Немного старомодно: вальс-каприз.

И красный конь, по воздуху гарцуя,
Навстречу вырывается! И сбруя
Железками позвякивает блях,
И, как бывает среди сна ночного,
Конь снова появляется, и снова
Куда-то пропадает второпях.

Болтаются, позвякивая, бляхи,
И мальчик на коне взлетает в страхе,
За гриву уцепился он рукой.
Сегодня ветра музыкальный ящик,
Оркестр ветвей поющих и скрипящих
Вернули мне тот полдень над рекой.

И кажется — в одном порыве страшном
Сегодняшнее обнялось с тогдашним,
Кленовый лист, что над окном повис,
Колотится о стекла с перепугу,
А красный конь, летающий по кругу,
Скользит то вверх, то вниз — то вверх, то вниз...

Иван Елагин

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ХУДОЖНИКИ ЗА СВОБОДУ ТВОРЧЕСТВА

1974-1976 гг.

15 сентября 1974 года загремел колокол. В Москве художники устраивают выставку на открытом воздухе. Переодетые сотрудники милиции жгут картины, врезаются на бульдозерах в зрителей. Западная общественность и ряд государственных деятелей возмущены неприкрытым варварством советских властей. Радио передает: художники не сломлены и через две недели повторят на том же месте выставку.

Интеллигенция восприняла это событие как прорыв плотины. И когда власти уступили, дав согласие не устраивать погрома 29 сентября, многим показалось, что в стройном здании централизованной системы начали рушиться основы, что, наконец, найден тот рычаг, которым можно опрокинуть монолитную глыбу — советский тоталитаризм. Но как показали последующие события — рычаг-то, может быть, и найден был, да точки опоры не оказалось.

КРАТКИЙ ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИВОПИСИ

Считается, что в двадцатых годах в советской России был расцвет изобразительного искусства. Но есть мнение, что это был не столько расцвет, сколько пустоцвет.

Политика партии в отношении искусства и литературы к этому времени еще не определилась. Пока большевики

занимались гражданской войной, установлением единомыслия в своих рядах, искусство было предоставлено самому себе. В нем происходила борьба различных группировок за право быть выразителями революционных потрясений "старого" мира. Всем этим художникам от революции казалось естественным объединить свое разрушение основ классического искусства с большевицкой расправой с монархией, со свободой личности, с церковью.И многие из них участвовали в расправе над теми собратьями по кисти, кто ориентировался на религию, на устоявшиеся духовные ценности, с теми, кто воплощал в своем творчестве идею Вл. Соловьева о теургическом искусстве. Лишить права на выставку, на хлебную карточку "консерваторов", "реакционеров" было для "новаторов" вполне справедливым делом, не вызывавшим сомнения. Наконец-то, считали они, была достигнута желанная свобода.

Но это был пир во время чумы. Одним росчерком пера ЦК установил единообразие формы и содержания не только в изобразительном искусстве, но и во всех других видах творчества.

Часть успевает выехать за границу, другие начинают держать нос по ветру и работают в границах, предписанных Великим Кормчим. Строптивых отправляют на перевоспитание и уничтожение в концлагеря. Некоторым удается спрятаться в тени, законспирироваться за ширмой партийных заказов. В Петербурге, как и во всей России, устанавливается кладбищенская тишина. После войны (45-й год и далее) рудиментарные остатки памяти о свободном искусстве сохранились лишь среди немногих преподавателей средней руки в школах живописи, среди этих старых чудаков, веривших, что в тиши своих квартир наиболее чистым ученикам они расскажут неумирающую сказку о спрятавшейся от большевиков богине искусства. Перемежая попойки с рассказами о былых временах, с мечтами о гениальных открытиях, они создают вокруг себя кружки художественной богемы. Из этой среды выходят такие художники, как Александр Арефьев, Рихард Васми, Михнов, Михаил Шемякин, Татьяна Кернер и др.

Когда началось хрущевское развинчивание гаек, то оно благоприятно сказалось и на искусстве. Начались первые попытки

организации независимых выставок вне Союза художников, хотя зрителями их всегда оказывались только цензоры из Смольного.

Но не только кружки богемы и эстетов определяли лицо свободного художественного Петербурга. К шестидесятым годам (а это было бы значительно раньше, если бы не война, на какой-то период объединившая общество) среди части российского общества свершился разрыв с марксизмом. Часть интеллигенции осознала, наконец, что спасение лишь в Вере. Религиозные поиски стали их основной доминантой. Этот процесс нигде так ярко и зримо не проявлялся, как в Петербурге. Уступая Москве по количеству интеллектуалов, современный Петербург отличается от неё большей духовной целеустремленностью своих сынов. Это объясняется и историческими традициями: Москва всегда была носительницей национальной идеи, Петербург — выходом России в мир, той чертой, где встречается свободный мир Запада с Востоком. В этом искусственно созданном городе личность особенно остро чувствует свою духовную обездоленность и муки духовных поисков — традиционное петербургское явление. В этом городе, обладающем глубокими духовными и культурными традициями, обдумывает интеллигенция смысл жизни. И, решая проблему личности, — тем самым решает судьбу России.

Поиски истины шли и идут в направлении обращения к первичным источникам Духа. Евангелие, проповедь Будды, Ветхий Завет, Яков Бёме, Мейстер Эккарт, Игнатий Лойола, попытки разгадать древнеегипетскую мистику — все оживотворяло иссохшую землю. Интеллигенция обнаружила, что проблемы, встающие сегодня перед личностью, отрезанной колючей проволокой от мира, были поставлены и решались религиозно-философским ренесансом начала века — Бердяев, Франк, Булгаков, П. Струве и др.

Тенденция самостийного религиозного поиска проявлялась во вне: в духовном подвижничестве и разработке новых форм искусства. Личность, лишенная церкви, начала искать и строить свой храм, возводить его на фундаменте своего нравственного подвига и наполнять его новым ритуалом и новыми иконами — разрабатывая новые эстетические концепции. Художники, вырываясь из самозамкнутости эстетизма и деградирующей

богемы, приходили на пути религии, универсальной духовности, обретая основу и для жизни, и для творчества. Последовательный и деятельный поиск истины со своей стороны вел к необходимости оформить истину в подобающую для нее одежду — обновленную эстетизированную форму. И все, кто осознавал глубинный смысл творчества, искусства, понимали, что не может быть никакого внутреннего компромисса или диалога с идеологией, сущность которой активно антидуховна, что невозможно сожительство с советской "действительностью" — с тотальным порабощением личности.

2. СВОБОДНЫЕ ВЫСТАВКИ В ПЕТЕРБУРГЕ. 1974-1975 гг.

29. 09. 74 года — выставка в Измайловском парке в Москве. Проходит при громадном стечении народа. Впервые после почти пятидесятилетнего перерыва художники сами, независимо от партийного контроля, устраивают демонстрацию своих достижений.

Для многих зрителей выставка стала открытием, чудом. Они увидели, что под тяжелым гнетом официального искусства незримо существовало и развивалось свободное искусство со множеством направлений, со сложившимися мастерами.

Устроители выставки берут обязательство не выставлять работы с религиозным содержанием. Они решили, что художников с открыто религиозной тематикой не так много, да и у последних что-нибудь найдется помимо религиозной живописи. "Главное — положено начало, и мы постепенно добъемся свободы". Увы, надежды оказались напрасны.

В выставке 29. 09. 74 г. участвовали четверо художников из Петербурга: Юрий Жарких, Александр Леонов, Евгений Рухин, Игорь Синявин. Вернувшись в Ленинград, они требуют от властей выставку, создают организацию вольных художников.

Художники Петербурга сумели добиться двух выставок: 22-25. 12. 74 г. и 10-20.09. 75 года. Объединились в Товарищество вольных художников, просуществовавшее с октября 1974 года по июнь 1976 года. И это последнее (организация) для общего самосознания интеллигенции имело не меньшее значение, чем выставка. Полтора года просуществовала организация, независимая от официальных органов. Не сумев включить ее в

свою систему, тоталитарный режим расценил это предприятие как опасное, и предпринял усилия, чтобы ликвидировать его.

В идеологизированном обществе любое независимое проявление общественной жизни, тем более в области творчества, приобретает неизбежно оппозиционно-политический характер. Для правящей элиты не дано третьего — всех делят они или на верноподданных или на чужаков, а значит врагов. Некоторые пытаются обхитрить власть имущих, провозгласив свою аполитичность. Но монистическое коммунистическое сознание они этим не усыпляют, себя же дезориентируют. И когда судьба ставит их перед решающим выбором — они оказываются растерянными, и не они вершат свою судьбу — а рок их тащит.

В 1964 г. в Петербурге вокруг Огурцова сложился кружок последователей Бердяева. Эта группировка при ленинградском университете стала постепенно превращаться в конспиративную партию. В 1967 году КГБ разгромило "Всероссийский социал-христианский Союз освобождения народа" — как стала называться эта организация. Как ни сочувствовала и не поддерживала морально их подвиг петербургская интеллигенция, как ни ловила она всякую весточку в ВСХСОН, просачивавшуюся из зала суда, она решила, что этим путем с режимом не справиться. Нужно идти с открытым забралом и воевать с большевиками не их оружием, а тем, которым они не владеют. Нужно создавать новый мир, который прорвет решетки и оковы, нужно творить новую культуру, новые духовные ценности. Нужно держать в руках не пистолет, а кисть, ручку, Евангелие, нужно идти путем созидания, а не насилия. Большевики прошли школу подпольной борьбы, конспирации, вооруженного захвата власти, и на этом поприще они непревзойденные мастера. "Политического соперника надо уничтожать в зародыше" — это догма для них, это первичный инстинкт самосохранения. Но, несмотря на принципиальный отказ от постановки проблемы власти, движение за свободу творчества невольно приобрело характер политической оппозиции, поскольку в сегодняшней Россиии иначе и быть не может.

Столкнувшись с необычным для себя явлением — с

организованным независимым искусством — власть имущие вначале оказались в растерянности, и потому организация вольных художников смогла на виду у КГБ просуществовать полтора года, пока не распалась из-за утраты внутреннего единства. Пока сохранялось единство, художники выдерживали и психушки, и угрозы, и шантаж, и заключение на 15 суток, и лишение работы, прописки, и отравляющие вещества (художнику Ж. обожгли ипритом ступни ног). Но как только внутреннее единство было утрачено — властям уже не понадобилось больших усилий, чтобы ликвидировать опасное для себя явление.

Но есть надежда, что движение за свободу творчества, начатое художниками, несмотря на временное поражение, обретя новые формы, будет продолжаться. Но этому движению нужна точка опоры. А чтобы ее обрести, недостаточно лишь провозгласить единство и прекратить внутреннюю полемику. Прочная консолидация может быть лишь на основе общей Веры, общих духовных ценностей. Пребывающие во внутренней эмиграции уверены, что пред лицом режима все едины, что у всех общие цели и общие интересы. Но как только наступает время выхода на сцену, игроки обнаруживают, что сценария, согласовывающего разрозненные действия, нет. И после короткой импровизации представление разваливается на части.

Сразу же после выставки в Измайловском парке Жарких, Леонов, Овчинников, Синявин от имени вольных художников Петербурга стали вести переговоры с властями о предстоящей выставке. Эта группа с самого начала, не в пример московским художникам, решила организовать выставку, опираясь на коллективную волю всех свободных художников города. Регулярно стали проводиться общие собрания. Открыто, без конспирации. КГБ пытался убрать из организованного комитета нежелательных для себя художников и ввести своих, угрожая в противном случае сорвать выставку. Но как всегда при начальной фазе моральные нормы ещё не замутнены — никто не поддался на провокацию: "Мы пойдем на риск потери выставки, но в упряжку КГБ влезать не будем."

Подготовка выставки и сама выставка воспринимались интеллигенцией Петербурга как историческое событие. Со всех сторон слышалось: "Если вы добьетесь — и мы начнем". И сразу

же после декабрьской выставки 74 года петербургские поэты и прозаики пошли по стопам художников. Для нормального необезумевшего общества художественная выставка — обычное рутинное явление. Но после пятидесяти лет отсутствия свободные выставки воспринимались таким же чудом, каким воспринимается первый дождь после полувековой засухи. И подобно тому, как надежда на обильный урожай заглушает огорчение от убытков, принесенных ливнем, так и художники условие не выставлять работ с религиозным направлением восприняли как неизбежное. Не выставили своих работ с религиозной темой Овчинников, Филимонов, Синявин, Виньковецкий, Жарких, Исачев и другие. Пробились лишь те картины, в которых эта тема была надежно закамуфлирована. Увы! Художники сдавали рубежи, а власти наступали. Никто не протестовал, когда власти выбросили с выставки Эдуарда Зеленина на том основании, что он уже несколько лет не проживает в Ленинграде. Если бы движение художников шло от победы к победе, если бы оно не потерпело поражение, то кто бы осудил частичные жертвы? Но теперь то, что раньше было проблематично, — стало очевидным: художники несли на каждом шагу невосполнимые моральные потери, власти же после короткого шока лишь укрепились в своей наглой самоуверенности. К следующей выставке — осенью 1975 года — власти потребовали устранить уже 3-х художников: Лисунова, Синявина, Филимонова — за организацию выставки в Ленинграде в парке Сосновка 25 мая 75 года. На этот день была намечена общероссийская выставка на открытом воздухе в Ленинграде. Уведомив всех художников, что за участие в выставке не разрешенной властями, каждый участник получит до трех лет тюрьмы, партийные бюрократы откололи часть московских и ленинградских художников. Но убедившись, что значительное число, несмотря на угрозы, все же намерено участвовать в выставке, вместо кнута партийная администрация стала действовать пряником — обещала тем, кто откажется от 25 мая, выставку осенью. И накануне этой осенней выставки власти предъявили счет: от художников потребовали согласия на исключение трех вышеназванных.

Стало ясно, что движение попало под партийный контроль и

потеряло самостоятельность. И хоть большинство художников ещё питало надежду, но бюрократы уже знали, что среди них отсутствует единство. К маю 1976 г. власти заключили сделку с теми, для кого моральные и нравственные принципы имеют лишь вспомогательный характер, а свобода подчинена рублю, который можно выручить от продажи работ после выставки, превращающейся для них в рекламу, а не в духовный и творческий праздник. Эта группа оказалась немногочисленной — 8 человек (часть из них осведомители и сотрудники КГБ, другие — члены компартии), но она имеет "будущее": вскоре в советской России махровым цветом рядом с соцреализмом возникнет соцмодернизм. И официальные теоретики искусства уже торопятся подвести базу под этот новый феномен: "Напрасно вы (все свободные художники в целом) ищете своих предшественников среди художников 20-х годов. Искусство 20-х годов было высокоидейным коммунистическим искусством".

Но не только неудачи и поражения терпели художники за два года, прошедшие с осени 1974 г. Эти два года стали ренессансом в живописи. Вторая выставка (10. 09. -20. 09. 75 г.) по сравнению с предыдущей показала качественный рост. С большей философией и глубиной зазвучали работы Рухина. Неожиданно в большого художника за этот год превратился Исачев. А после второй выставки — новый этап. Картины его стали более законченными, окончательно наметился отход от эстетизма в направлении к воплощению в красках духовного откровения. Завершеннее и яснее стал Овчинников. Удивительную виртуозность, мастерство и кропотливую сделанность продемонстрировал Тюльпанов. Живопись Гуменюка стала одновременно и поэтическим воспеванием национальных традиций и воплощением глубинной идеи независимости Украины. Между первой и второй выставками, впитывая живительную атмосферу борьбы и свободы, обрел себя как художник Некрасов Владимир, нашедший адекватную форму для изображения маразма советского быта. Группа учеников Стерлигова, не потеряв единства школы, приобрела большую сочность и выразительность. По новым для себя дорогам пошли Игорь Захаров (Росс), Александр Окунь, Александр Гуревич.

Когда мне доводится сообщать западному человеку о

борьбе российской интеллигенции за свободу творчества, то постоянно задается один и тот же вопрос: "А какое у вашей группы было направление искусства?". И лишь те, кто испытал на себе хотя бы несколько лет коммунистической тирании — лишь они понимают, что в тоталитарном государстве всякое направление, кроме официального, неприемлемо и потому всё свободное искусство, независимо от направлений, находится в одинаково трудном положениии и, если идет борьба за свободу искусства, то это борьба за искусство в целом. И лишь после того, как будет преодолен этот рубеж, встанет вопрос о дифференциации направлений. И потому-то сейчас в России отдельные течения в искусстве не враждуют между собой, а сотрудничают.

Не обладая ни прессой, ни радио, пользуясь лишь информацией через цепочки знакомств, преодолевая ложные и провокационные слухи, Товарищество вольных ленинградских художников притягивало к себе всё новых и новых членов. Первая выставка — 55 участников и 200 работ, вторая — почти 90 участников и около 600 работ. На третьей, если бы ее удалось добиться, цифры бы выросли.

ТОВАРИЩЕСТВО ВОЛЬНЫХ ХУДОЖНИКОВ

На первом собрании художников, после декабрьской выставки 74 года, я предложил образовать независимую творческую организацию и добиваться от властей официального признания. Почти все были против. "Неизбежна бюрократизация. Вместе с легализацией нам навяжут профсоюз и партийное руководство". Я доказывал: "Только на этом пути мы можем обрести независимость и свое лицо. Будем иметь право снимать помещение для наших собраний и встреч, сами организовывать выставки, можем продавать свои работы, можем снимать в аренду квартиры для своих ателье". Но самый главный довод нельзя было обнародовать публично — на наших собраниях постоянно присутствовали осведомители, все записывалось на магнитофон — КГБ бросило на этот неожиданный для него феномен большие силы: вездесущей организации в срочном порядке пришлось набирать дополни-

тельный штат "искусствоведов". И поэтому приходилось делиться лишь с близкими: "Если мы добъемся независимой организации, то это будет прецедент не менее важный, чем выставка. Будет положено начало острову среди моря — облепясь вокруг него, мы создадим новую Россию".

Борьба за свободу творчества становилась одновременно и политической борьбой. Иначе в тоталитарном обществе быть не может. Но хоть политический аспект оказался неизбежным — он имел подчиненный характер. Художник творит. Сталкиваясь с агрессией, исходящей от государства, начинает защищать и отстаивать свое творчество, свою свободу. Поскольку "святая святых" тоталитарного общества — это право бесконтрольно распоряжаться личностью, стремление превратить ее в послушного раба государства, то борьба за свободу творчества становится тем пунктом, в котором решается судьба всей системы в целом. Это как раз та игла Кащея Бессмертного, сломав которую одолевают его. Борьба на другом поприще, любыми другими способами — бесполезна или имеет вспомогательное, косвенное значение.

Но горько было осознавать, что победа далека не оттого, что враг могуч и непобедим, — но ратники, вышедшие на борьбу, не свободны внутренне от того зла, с которым вышли на бой. Нет внутренней ясности, идет еще только поиск. Все лишь на подступах к тем высшим духовным ценностям, которые одни только объединят, сплотят. Убеждаешься в этой истине не только на опыте движения, но и давая отчет в мере ясности своего собственного духа, в страстях, которыми заражен и от которых не свободен.

Но в целом не поколеблена вера в силы российской творческой интеллигенции, в ее будущую победу, которая спасет мир от рабства. Необходимо сделать выводы из побед и поражений, обобщить предшествующий опыт. Многое вселяет надежду. Художники, которые объединяли, руководили — обладали большой духовной чистотой, обладали Верой. Овчинников, Леонов, Филимонов, Зубков, Жарких — верующие. Та же тенденция наблюдалась и при организации выставок еврейских художников. В рамках общей организации ленинградских художников образовалась группа "Алеф". Евгений Абезгауз

и Алек Рапопорт, ставшие инициаторами и вдохновителями прошедших с успехом первых за долгие годы выставок живописи еврейских художников — люди глубоко верующие. А разлагали единство, шли на любое соглашение с КГБ люди беспринципные, не верящие ни в Бога, ни в черта. Из них власть и набирала послушных исполнителей своей воли. Из них она и создает наряду с соцреализмом ещё одно духовное рабство — соцмодернизм. Но уже при зарождении своем он морально дескредитировал себя. Пройдет некоторое время — эти соцмодернисты, утратив свою независимость, отойдут от творчества, а тем самым от движения. Грехопадение части формалистов должно прозвучать и для западной творческой интеллигенции предостережением. Сам по себе модернизм (как стремление к постоянному обновлению в чисто формальном отношении, когда категория обновления становится самодовлеющей) не гарантирует свободы. Как показывает российский опыт, тоталитарный режим способен аккумулировать модернизм. Чистый эстетизм может опираться на самого себя и пребывать в иллюзии по поводу своей свободы лишь в демократическом обществе, в котором не он сам обеспечивает себе свободу, но свобода гарантирована ему духовными основами западной демократии. В советском же обществе эстетизм теряет свободу и неизбежно загоняется в упряжку. Но следует заметить, что и морализм в полуразвитом состоянии не застрахован от гипноза демагогии.

Не теряется вера в творческую личность в сегодняшней России еще и потому, что, как показали события, она способна перерабатывать опыт и гибко реагировать на меняющуюся ситуацию. Не только власти ломали голову, как расправиться с движением, но и творческая интеллигенция училась борьбе. Была преодолена привязанность к замкнутому индивидуализму, взращенному за долгие годы отсиживания в подполье. Все участники приобрели политический и организаторский опыт. Победили внутренний страх перед репрессивными органами. Поверили в свои силы и возможности. Многие выросли духовно, углубилось их творчество. Аморальная же богема разоблачила свою беспринципность и продажность. В феврале 1975 года общее собрание художников решает выработать устав

организации и потребовать от ленинградского исполкома признать их независимый творческий союз. К этому времени внутри Товарищества (так согласились мы именовать себя в память о существовавшем в 19 веке в России Товариществе передвижных выставок) развернулась борьба за власть — видимо, неизбежное зло всякой организации, в которой политический аспект деятельности не подчинен и не исходит из духовного принципа. Тема всех встреч, всех обсуждений на общем собрании, проходившем регулярно раз в месяц, была одна: как добиться следующей выставки, что сделано в этом направлении? Голод по выставкам был так велик, что эта проблема заслоняла все остальное. И отдельные голоса, предлагавшие направить внимание на проблемы творчества — тонули в общей мании, устремленной на одного идола — на выставку. "Факт выставки важнее всех декларированных нравственных и эстетических принципов, которые мы при этом выдвинем" — таков был прагматический лозунг. Было выдвинуто два проекта устава. Один был слепком с устава официальной организации художников — Союза художников СССР. Дух пресловутого "демократического централизма" признавался в нем как "общепринятый".

Интеллигенция декларирует свой отход от коммунизма страстно и убежденно. Но поголовно вся она прошла через марксисткий катехизис. Начиная со школьной скамьи, а затем в высших учебных заведениях сдача экзаменов по так называемому научному коммунизму, по историческому материализму, по диалектическому материализму, по истории коммунистической партии — обязательна. Как ни тошнит от обилия этого мракобесия, демагогии, лжи, наукообразности, но если не начинает выгребать человек в своей голове авгиевы конюшни, обратившись к активной переработке наследия всего человечества, — он остается в плоскости понятий, в границах мышления, заданных ему унифицированной идеологией. Нобыло в этом варианте устава все же нечто, отличное от устава любой организации в советской России, будь то общество собаководов или Союз писателей. В нем не провозглашался принцип партийной опеки и ничего не говорилось о коммунистических идеалах. Другой вариант устава отражал своеобразие нового

движения. Отличительная особенность прошедших выставок в Москве и Петербурге заключалась в признании равноправия за каждым участником выставки. Все свободно развивавшиеся направления в искусстве до этих официально разрешенных выставок находились в одинаковом положении — все пребывали в подполье. И сбросить пресс, которым все придавлены, можно только общими силами. Это продиктовало главный принцип организации выставок и деятельности Товарищества: каждый художник обладает теми же правами, что и любой другой, и всякая концепция искусства не считается более значимой, чем другая. Этим не декларировалась эстетическая уравниловка, а утверждалось лишь юридическое равноправие, да и то только в границах совместной деятельности.

Но терпимость, как и на практике, имела границы. На наших выставках не было произведений соц. реалистического направления. Художники, изготовляющие эту продукцию, сами понимали, что им нечего делать рядом с теми, кого ожидают не денежные подачки, а преследования. Случайно же забредших, или тех, кто хотел поставить сразу на двух коней, отправляли обратно в Союз художников — партийную организацию на художественном фронте. В проекте устава было сформулировано: "Пропагандистское искусство ответственно за подавление духовной свободы и потому ему не место на выставках независимого искусства". Устав предоставлял гарантии меньшинству, а так же отдельному члену Товарищества, от подавления его мнений и интересов большинством. Для защиты от диктата руководящих органов структура Товарищества проектировалась на основе разделения обязанностей (расщепления власти). Председатель общего собрания был символом единства Товарищества. Намечались пути создания Общероссийского Товарищества вольных художников.

Несколько месяцев, прошедших с Измайловской выставки явились столь интенсивным опытом для многих, что от традиционного русского анархизма не осталось следа. Все поняли необходимость общих действий, а потому идея юридического оформления творческого союза и разработка структуры этого союза уже не вызывала никакого протеста. Поэтому никто не выступил против возможности придер-

живаться писаных правил, хотя мало кого волновало содержание этих правил. Второй вариант устава показался большинству слишком экстремистским. "Не стоит раздражать быка красной тряпкой" Приняли первый вариант устава в надежде, что бюрократам будет легче переварить его. Из исполкома после настойчивых просьб, поддержанных прозрачными намеками, на возможность демонстрации в виде уличной выставки, поступил недвусмысленный ответ:"Если бы партийные и административные органы решили создать рядом с Союзом художников еще одну организацию, то они бы это сделали без вас. Но мы понимаем, что стоит в перспективе за всеми вашими требованиями. И мы не для того занимаем ответственные посты, чтобы позволить вам разрушить единение общества вокруг коммунистической партии. Вы напрасно ссылаетесь на отдельные пункты законодательства. Законы и инструкции носят вспомогательный характер. Источник правотворчества и толкования закона — советская власть. Не надейтесь, что вам удастся использовать пробелы в советском законодательстве — вы имеете дело не с дураками".

Но все же, не признавая Товарищество де-юре, властям приходилось признавать его де-факто, поскольку попытки игнорировать его существование вели к общему возмущению и выставкам на открытом воздухе. А подобная демонстрация пугала большевиков. Несмотря на гробовую тишину, они знают, что сидят на пороховой бочке. Да и мнение западной общественности было им не безразлично. Одним из факторов определявшим характер движения, задававшим определенный стиль и поддерживавшим его, была западная пресса и радио. Корреспонденты чутко реагировали на развитие событий, связанных с движением. Новости сразу же попадали в эфир и воздействовали на партийных боссов, которые тоже слушают и ББС, и "Голос Америки", и "Немецкую Волну". Сообщения по радио из Свободного мира поддерживали участников движения, и оказывали на них сильное влияние. Не все всегда было чисто с обеих сторон — и со стороны художников, сообщавших новости корреспондентам, и со стороны западных информационных агенств. Но в целом, если бы не было этой обоюдной связи, движение не приобрело бы такого размаха. Потому то и

обрушились сотрудники КГБ и их исполнители в административных органах на эту связь. Шантажировали не только художников: "Не получите выставку, если о всех событиях будете информировать западных корреспондентов", но обрушились на тех корреспондентов, кто более других интересовался этими событиями, их объявили сотрудниками ЦРУ. Между тем Товарищество функционировало в зависимости от складывающейся ситуации и от внутренней расстановки сил активных участников движения, не придерживаясь ни первого варианта устава, ни второго.

К маю 1976 года власти объявили: "Больше подобных общих выставок не будет". И вновь, как год тому назад, художники, отчаявшись, предпринимают попытку устроить выставку на открытом воздухе. На этот раз под стенами Петропавловской крепости. И на них опять обрушивается всей мощью полицейская машина. 30 мая, в день намеченной выставки, дома, где проживают художники, примыкавшие к движению, оцеплены. Те, кому удалось подойти к Петропавловской крепости, арестованы. Организаторов изолировали заранее. Пятеро оказываются в тюрьме на короткой срок от семи до пятнадцати суток (Клеверов, Арефьев, Синявин, Бугрин, Филимонов).

Ничто не может сломить упорство властей: ни коллективная недельная голодовка (Бугрин, Синявин, Филимонов, Вознесенская, Лесниченко, Рыбаков, Волков, Кошелохов), ни возмущения, раздавшиеся в западной прессе и радио. Если в 1974 году, после бульдозерного погрома, свободный мир возмутился и заставил пойти на уступки советских правителей, то теперь власть приобрела опыт расправы с художественным движением. Западная же общественность пресытилась — погромы художников в России стали хроническими и потеряли сенсационный характер. Но главный удар, который сразу же развалил Товарищество (как организацию, имеющую внешне выраженную структуру) и пресек всякую надежду на возможность в ближайшем времени организовать общую выставку, пришел изнутри.

Работа КГБ была не напрасной. Они наметили группу штрейкбрехеров и предложили им отдельную выставку. В группу "счастливчиков" вошли те, кто или имел партийные книжки, или

неприкрыто сотрудничал с КГБ. Но еще год назад власть имущим казалось совершенно невозможным даже в таком виде впускать в свои ряды модернизм. Теперь же ленинградское КГБ поняло, что лучше уступить частично с тем, чтобы выиграть в целом. Комитет даже нажимал на слишком неуступчивых архиконсерваторов из Союза художников и Управления культуры. Интеллектуалы комитета сообразили, что надо не гнать формализм, модернизм, а заставить его работать на себя, что пора создать наряду с соцреализмом — соцмодернизм. После первоначального испуга они поняли, что сам по себе модернизм (современное искусство) не является их кровным врагом. Если обновленческие тенденции зиждятся не на духовной основе, если они задевают лишь внешнюю форму, то их прорыв в официальную культуру лишь укрепляет ее, подновляет, наводит марафет на устаревший фасад.

Официальные деятели от культуры, потеснившись,уступили место за барским столом тем, кто приложил усилия сосать сразу двух маток — продавать свои работы не только иностранным туристам, но иметь и официальные заказы и привилегии. Этих двурушников записывают в "творческие" организации, в уставе и программе которых записано, что они средствами искусства призваны осуществлять политику партии. Чтобы убедить иностранного обывателя в высокой стоимости своих модернистских картин, эти "диссиденты" от искусства вытаскивают дипломы об окончании курсов соцреалистического искусства, свидетельства участия в выставках типа "Ленин и партия", "Советский народ — строитель коммунизма".

Движение это с другой стороны выдвинуло из своей среды радикально настроенных художников. Перед злом, усевшимся на престоле, последним аргументом у этой части движения оказалась жертва. В августе 1976 года появились надписи на Петропавловской крепости, у стен которой 30 мая художники намерены были устроить выставку. Громадными буквами: "Вы душите свободу, но душа народа не знает оков". На зданиях города: "Свободу творчеству!", "Свободу политзаключенным!". Эта группа отчаявшихся художников и поэтов выразила в такой форме протест против разгрома выставки. КГБ предъявило обвинение четырем: Юлии Вознесенской, Юлию Рыбакову,

Олегу Волкову, Наталье Лесниченко. Выбив из них сразу же по аресте признание, КГБ споткнулось на Юлии Вознесенской. Ее мужественная позиция подействовала и на остальных — те в свою очередь отказались идти на поводу у Комитета. До этого момента все движение за свободу выставок не декларировало политических лозунгов. С самого начала было провозглашено: "Никакой политики!" Для того, чтобы пробить броню полицейско-бюрократического режима, именно такая тактика обещала привести к конкретным результатам. Движение за выставки попыталось консолидироваться, выдвигая лишь прагматические задачи и отказываясь от формулирования идейной платформы.

Для первоначального выигрыша эта тактика была полезна. В начальной стадии переговоров обе стороны (власть имущие и художники) придерживались позитивного языка. И если бы обе стороны не нарушали этих правил игры, то избранная тактика могла и дальше приносить плоды. Но сразу же после первых выставок в Москве и Петербурге на художников обрушились идеологические помои — в газетах появились погромные статьи. Всех художников обозвали носителями буржуазной идеологии, пятой колонной, заброшенной ЦРУ в единое советское общество.

Мы не имели возможности ответить через прессу или радио. И были связны тактикой, приносившей ощутимые результаты. И если кто-нибудь из участников движения призывал дать достойную отповедь — на него шикали: "Ты спровоцируешь погром". Но погром так или иначе готовился — тупая каста разгорячала себя злобными статейками и не собиралась придерживаться джентльменских правил поведения. У движения в целом было еще мало опыта и трудно было выдержать золотую середину между соглашательством и экстремизмом. Сейчас политические требования, демонстрации и прочие акции исходящие из среды либеральной оппозиции с тем, чтобы быть действенными и откладываться в сознании, должны искать новые формы. С другой стороны, искусство в тоталитарной России привлекает тем большее внимание, чем большей смелостью оно обладает перед лицом Голиафа. И нужно ожидать новых проявлений этого направления творчества.

Существует мнение, что вскрывая духовный и политический смысл движения за свободу творчества, мы спровоцируем коммунистов на погром. Но оно близоруко. Погром свободного творчества у коммунистов — это хроническое состояние. И если художникам удалось на какой-то период отвоевать рубежи, то совсем не потому, что власть вдруг стала добренькой и кроткой. Художники имели выставки вопреки желанию верхов. И если молчать или еще хуже — подписаться под изъявлением в идеологической лояльности, как настаивают соглашатели, то это движение приобретет верноподданнический характер и искусство погубит самое себя. В руках у интеллигенции сейчас имеется сильное оружие — гласность и открытость. Власти проделывают свои делишки под покровом темноты, секретности. Это помогает им выигрывать тактически. Но они не способны осваивать новые идеи, переосмыслить свою структуру. И в далекой перспективе их поражение неизбежно. Отказ от анализа, глобальной оценки протекающих явлений в Советской России — это отказ от оружия, которым не владеет противник и против которого не знает защиты.

ПЕРСПЕКТИВЫ ДВИЖЕНИЯ

Прошедшие два года движения за свободу выставок поставили во всей остроте проблему общей духовной базы, на которой могла бы консолидироваться в целом вся творческая интеллигенция России для завоевания свободы. В западном мире это не является пока жизненной необходимостью. Здесь каждый вправе выступать под любым знаменем. Но скоро и Запад поймет, что это непозволительная роскошь перед опасностью мирового коммунизма.

В России личность уже осознала пути спасения: активное духовное сопротивление коммунизму. Идея соборности, сформулированная Хомяковым, вновь загорается в России. И полвека пародии на соборность, извращение ее в насильственном коммунистическом коллективизме не погубили духовные корни. Сейчас движение художников за свободные общие выставки переживает кризис. Позади полтора года активной борьбы. Этот романтический период предстоит оценить, сделать выводы из

побед, ошибок и поражений. Несмотря на то, что наметилась дифференциация по духу и по художественным направлениям — от идеи общности нельзя отказываться. При советском режиме нет и не может быть окончательной победы.

Сразу же в 74 году в Москве организаторы Измайловской выставки решили не идти на связь с либерально-демократической оппозицией, надеясь таким образом сохранить свою самостоятельность и убедить одновременно власть в своей политической индифферентности. Но два года, прошедшие с первой выставки, показали, что в условиях мощного тоталитарного государства отдельные изолированные движения в культуре не могут отстоять свою независимость — они или оприходуются системой, или подвергаются разгрому, или разлагаются изнутри. Нужно создавать общий единый фронт. Свободные художники, литераторы, диссиденты демократического толка, националисты, духовные подвижники — все должны объединиться, должны координировать свои действия. Несмотря на то, что власть имущие, используя всю силу своего государственного аппарата, обрушились на центростремительные тенденции художников (да и в целом всей творческой интеллигенции) объединительная тенденция может найти выход в других формах, а не только в общих выставках, которые без санкции бюрократов не могут состояться. Нужно максимально использовать культурные связи с Западом. Организовывать в свободном мире выставки, издание общего каталога свободной живописи, продажу работ. Причем, это должно направляться из самой России. Не все то, что считается модным для Запада, полезно для России, да и нельзя Запад безоговорочно считать вершителем судеб России и Мира в целом.

Движение художников подтолкнуло поэтов и прозаиков. Творческая интеллигенция России должна образовать единый Собор. Сейчас возникло несколько журналов. Особенно важны те, в которых культурное возрождение отражается во всем своем комплексе. Эти журналы и альманахи должны составляться в России, поскольку внутренние тенденции из-за границы не всегда понятны. Для них нужно найти средства для издания на Западе.

Предложение Джоржа Кеннана создать институт русской

культуры, который бы не столько изучал прошлое, сколько являлся бы центром развития свободной российской культуры, пока не реализовано. Сейчас нужно создавать не оппозиционную партию, а взращивать на обновленной духовной основе свободную культуру. И не только Россия нуждается в подобном институте — но и весь мир.

Страстный призыв раздается из России. Там человек осознал, что только объединение духовных сил человечества спасет мир.

Игорь Синявин

Тут все сквозь тёмные очки
Глядят, а ты из-под руки
С другого берега Оки
Сюда глядишь.
Твои глаза, как васильки,
И в них защита от тоски,
За ними — чистые пески,
Речная тишь...

На солнце блещут ивняки,
И дети наперегонки
Сбегают к берегу реки,
И ты бежишь.
Кружатся, словно мотыльки,
Прозрачных яблонь лепестки,
Привстанешь только на носки —
И ты взлетишь!..

Но дни осенние близки,
А там — зима, снега, снежки,
По брови тёплые платки,
Снега до крыш...
Всё те же свежие деньки.
Гляжу, как ты из-под руки
С другого берега Оки
Сюда глядишь.

ЛИЛИ

Где-то в южной дали,
В шумном городе, рядом с лотками
Обезьянка Лили
Низкий лоб прикрывала руками.

А в глазах тишина
Понимания, если вглядеться.
Может, знает она,
Что смешна,
Только некуда деться!

И стучат каблуки,
И прохожие быстро проходят,
И при виде тоски
Обезьянкиной
Взгляды отводят.

Ах, поймать за полу
Хоть какого-нибудь Айболита!
Перед ней на полу
Непочатая пачка бисквита.

Кто-то дарит арбуз,
Кто-то зелени свежий букетик,
А трехлетний бутуз
Через прутья навёл пистолетик.

Мир в полдневной красе
Шутит шутки, подносит подарки.
Знают в городе все,
Что ей место дано
В зоопарке.

Как во сне, по весне
Ей печальная пела шарманка
О заморской стране,
Где вовек не была обезьянка.

"Не крутись, не юли!"
Но с надеждой, почти человечьей,
Встрепенулась Лили,
Отогретая будничной речью.

А в глазах тишина
Понимания, если вглядеться.
Может, знает она,
Что одна,
Только некуда деться!

Лия Владимирова

ВЫЗОВ.

Под язык кладу пилюлю,
Смерти складываю дулю:
Ты, Курноска, погоди,
Ты ко мне не подходи,
Не гаси мою свечу,
Я еще пожить хочу!

Я еще не долюбил,
Тела жар не остудил,
К жизни жаден, сердем молод
И томит духовный голод.
Я еще стихи строчу,
Сына я женить хочу!

М. Волин

В ОТЧАЯНИИ

Ты не творил ни зависти, ни злобы,
И вот проект осуществленный Твой
По чертежу тетради чистовой:
Мир мясников и Гитлера, и Кобы!

Не готика, а вшивые трущобы,
Не райский сад с малиной и айвой,
А лязг цепей, звериный рев и вой, —
И мира быть без муки не могло бы?

Попробуем! На сутки задремли,
А я возьму черновики земли —
Хоть у Тебя из мусорной корзины,

Избытками провалы зачерчу,
До единиц восполню половины:
Ведь я и сам счастливым быть хочу!

В РОССИЮ

Стою в раздумьи на молу
и за волной слежу игривой:
взбежит, нахохлится — и гривой
покорно трется о скалу.

Вот так и я с моей судьбой:
то брызжу злобною слюною,
то жертвенною сединою
распластываюсь пред тобой!

Валерий Перелешин

ТРИСОЛНЕЧНЫЙ СВЕТ ПРАВОСЛАВИЯ

ЗАПИСКИ ИКОНОПИСЦА

Часть Первая: О священных изображениях

Нижеследующий текст является сводом разных заметок и мыслей, которые известный русской иконописец монах Григорий (в миру Георгий Иванович Круг — 1908-1969) записал в разных тетрадях, блокнотах и на отдельных листках. Монах Григорий провел последние годы своей жизни, главным образом, в Скиту Святого Духа, в городке Ле Мениль Сен-Дени, километрах в тридцати от Парижа, под духовным руководством Архимандрита Сергия (Шевича).

Учившись живописи и в художественном училище Таллина и в Париже в начале 20-х годов у художников К. Сомова, Н. Милиоти и Н. Гончаровой, он достиг в этой области большого профессионального уровня, как свидетельствуют об этом его иллюстрации к "носу" Гоголя или литографии и миниатюрные картины, писанные маслом, на темы городской жизни, выставленные в Осеннем Салоне 1936 г.

Став монахом, отец Григорий Круг посвятил себя всецело иконописи. С начала 40-х годов до смерти, он неустанно писал иконы для частных лиц и для храмов, расписывал несколько иконостасов и даже исполнял фресковые ансамбли на стенах нескольких церквей (его шедевром, по единству мысли и мощности иконописного вдохновения, является безусловно роспись храма в Скиту Святого Духа в Ле Мениль Сен-Дени под Парижем). До сих пор не была осуществлена настоящая эстетическая оценка художественного наледства монаха Григория и его высокого значения как в истории русской иконописи, так и в истории

искусства. Но уже теперь можно сказать, что мы имеем дело здесь с творчеством одного из наиболее тонких и самобытных иконописцев нашего времени, и по силе художества, и по динамизму богословской мысли.

Поэтому, обнаружение рукописей отца Григория Круга — особенно важное событие. Духовный отец отца Григория Архимандрит Сергий Шевич нашел, среди вещей покойного иконописца, 25 тетрадей, 4 записные книжки и несколько записей на клочках бумаги. В них разнородный материал: оконченные статьи в нескольких вариантах; неоконченные черновики, предназначенные для книги или статьи (из которых самые значительные относятся к иконографии Двунадесятых Праздников и к проблеме изобразимости Бога и к связанной с ней проблеме изображения Святой Троицы); мысли на разные темы; цитаты из святоотеческой литературы; зарисовки иконописных проектов, пейзажей или бытовых сцен.

Сестра иконописца, Ольга Ивановна Круг, переписала все тексты рукописей. Это был неимоверный труд, т. к. большинство этих тетрадей было в очень скверном состоянии из-за условий их хранения, а кроме того, было написано очень часто крайне неразборчиво. Поэтому, та работа, которую О. И. Круг проделала, разобрав и прочтя эти рукописи, их переписав и, наконец, перепечатав их на машинке, — эта работа сама по себе является настоящим подвигом. Ольга Ивановна Круг составила машинописный свод из разных рукописных текстов с целью издать его в виде книги, исходя из намеченного в рукописях желания отца Григория написать целую книгу о Двунадесятых Праздниках.

Записки отца Григория могут быть разделены на 4 части:

1) О священных изображениях (мысли общего характера),

2) Об изобразимости Бога Отца, о Святой Троице и Пятидесятнице,

3) Двунадесятые Праздники,

4) Смесь (все тексты не относящиеся прямо к трем первым разделам).

Мы здесь предлагаем читателям отредактированную Первую Часть. Заглавия и подзаголовки принадлежат редактору.

И. Маркадэ

МЫСЛИ

"Кричат мне с Сиера: сторож! сколько ночи? сторож! сколько ночи? Сторож отвечает: приближается утро, но еще ночь".

(Исаия гл. 21, ст. 11-12.)

Почитание икон в Церкви, как заженный светильник, свет которого никогда не угаснет. Он зажжен не человеческой рукой и с тех пор свет его не истощался никогда. Он горел и горит и не перестанет гореть, но пламя его не неподвижно, оно горит то ровным светом, то почти невидимо, то разгорается и превращается в нестерпимый свет. И даже когда все, что враждебно иконе ищет угасить этот свет, одев его покровом тьмы, свет этот не иссякает и не может иссякнуть. И когда от потери благочестия иссякают силы в создании икон и они как бы теряют славу свого горнего достоинства, и тут не иссякает этот свет и продолжает жить и готов опять явиться во всей силе и наполнить торжеством Фаворского преображения.

Думается, что и мы сейчас находимся в преддверии этого света и хотя еще ночь, но приближается утро.

Церковь любит иконы, которые написаны свято. И хочет, чтобы все иконы были свято написаны и хочет, чтобы иконы были чтимы, как должно.

Литература об о. Григории Круге:

— Вера Попова "Отец Григорий", *Русская Мысль*, 24/7, 1970.

— Архимандрит Ефимий (Вендт) "Только свидетельство". *Вестник Русского Студенческого Христианского Движения*, № 93 — 1969, стр. 55-59.

— В. Васютинская-Маркадэ "Светлой памяти отца Григория Круга", *Возрождение*, № 216, декабрь 1969, стр. 88-97 (перевод по-французски в Le Messager Orthodoxe, N 48 — IV, 1969, p. 52-64).

— Е. Асланова "Инок-иконописец Григорий Круг (1908-1969), *Журнал Московской Патриархии*, 1970, № 3, стр. 13-19 (перевод с французского из Messager de l'Exarchat du Patriarche russe en Europe Occidentale, N 68, 1969, p. 212-217; эта статья была переведена в Stimme der Orthodoxie, N. 9, 1970, p 20-25).

— Л. Зуров "Монах-иконописец Г. И. Круг", *Новый Журнал*, № 124, 1976, стр. 283-288.

Иоанн Богослов, в первом своем послании, определяет исповедание Христа словами, которые как бы ставят границу света и тьмы.

"Всякий дух, который исповедует Иисуса Христа пришедшаго во плоти, есть от Бога, а всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа пришедшаго во плоти — не есть от Бога, но есть дух антихриста, о котором вы слышали, что он придет и теперь есть уже в мире".

Исповедание воплощения Божия может выразиться и в слове и в начертании святого изображения — иконы. Почитание святого изображения и есть исповедание Бога принявшего плоть, исповедание вочеловечения Христова, не менее полное, чем исповедание словом.

Священное изображение — икона может стать вполне священным только там, где непреложно и во всей чистоте исповедание Святой Троицы и чтится Божия Матерь.

Как в Пятидесятнице, Дух Святой, почив на главах Матери Божией и апостолов, освятил не главу только, но и всего человека, и не главу только Церкви — Сионский собор, но всю Церковь, так и Седьмой Вселенский Собор, освятив и утвердив священное изображение — утвердил и всякое изображение, имеющее в себе добрые начатки.

При каждении храма священник или диакон кадит иконы, воздавая им честь, а так же и священнослужителей, если они присутствуют в храме, и клироса и народ. В этом каждении народа, собранного в храме на богослужении, отмечается его святость. Воздается такая же честь, какая воздается иконам.

Взирающие на иконы, возбуждаются к воспоминанию о самых первообразах, приобретают возбуждение, воздавая им лобзания, почитание и поклонение.

"Если Творцом все выведено из небытия в бытие, то естественно оно имеет стремление к бытию, а не к небытию".
(Иоанн Дамаскин — "Точное изложение православной веры".)

В иконоборческих спорах защитники почитания икон были движимы именно этим стремлением к бытию, а не к небытию, стремлением, которым исполнено все призванное к бытию от сложения мира. Этим стремлением были воодушевлены защитники, потому что защита утверждения иконы есть утверждение бытия в самой его сути, в то время, как отрицание икон, в самом сокровенном, и в самом тайном его возникновении, есть отрицание бытия, как блага.

Одним из доводов иконоборцев утверждавших, что создание иконы Христовой вообще немыслимо заключается в том, что изобразима только человеческая природа Христа. Божественное же существо неописуемо и неизображаемо, и, таким образом, в изображении Христа изобразимой может быть лишь человеческая природа Спасителя. Таким образом, по мысли иконоборцев Христос — Воплощенное Слово — неизобразим. А в силу этого самое писание икон, а так же и их почитание, становится бессмысленным. Отцы Седьмого Собора (отклоняя этот довод) утверждали, что должно изображать Спасителя, так как Бог явился осязаемым, видимым образом и такое изображение возводит сознание к первообразу, утверждая таинство Божие — Боговочеловечание, развивая и догматически обосновывая почитание икон. Патриарх Герман Константинопольский в созданных им богослужебных построениях дает, как бы в противовес иконоборческим основоположениям, завершенное православное исповедание иконопочитания.

Празднование памяти святителя Григория Паламы, так же как восстановление и обновление опустошенных иконоборцами храмов, сопряжено с торжеством Церкви. В обоих этих торжествах проявилась слава верного исповедания Церкви. В обоих этих торжествах — исповеданию церковного учения предшествовало время ожесточенной борьбы и всамой этой борьбе за чистоту Церкви родился и стал всем видим свет. Свет исповедания Церкви хранящий в себе самый живой источник истины — триипостасную Божественную славу. Григорий Палама был изъяснителем природы Фаворского Света, Света Преображения, явленного Спасителем на Фаворе лучшим ученикам: Петру, Иакову и Иоанну и своим собеседникам: Моисею и Илье.

Этот свет Божества, освятивший Спасителя на Фаворской горе, не угас в Церкви, не прекратил своего преображающего вселенную действия, но хранился и хранится в Церкви, никогда не переставая изливаться в ней иногда скрытым, иногда видимым, ощутимым, доступным познанию образом.

Празднование Торжества Православия сопрягается с торжеством почитания икон и этим определяется в сильной мере смысл иконы — участвовать в торжестве церкви. Потому что без прославления икон не может быть полноты церковной славы. Таким образом, икона неразрывно сопряжена с торжеством правого исповедания Церкви и вне почитания иконы не сможет осуществиться это торжество.

Праздник Торжества Православия определяет значение иконы. Нельзя органичиться в защите иконы утверждением, что почитание икон является только одним из благочестивых обычаев церкви.

Торжество Православия сопрягается с восстановлением почитания икон, с обновлением и восстановлением икон в храмах после страшного иконоборческого опустошения, и думается, не вполне исчерпывающей является мысль о том, что опустошение это плод чисто человеческого действия и чисто человеческого заблуждения. Человеческая омраченная воля, отравленная отрицанием икон, послужила извечному иконоборцу диаволу — диаволу нестерпевшему напечатленного образа Христова, диаволу поползнувшемуся изгладить всякое изображение, изгладить самое свидетельство Божия воплощения — ибо икона непреложное свидетельство вочеловечения Христова и в нем утверждена. Празднование Торжества Православия, думается, не есть только праздник относящийся к одному лишь определенному событию, но можно сказать, это праздник непрестанного торжества Церкви, непреложная и непрекращающаяся победа Божия Образа над безобразным царством небытия.

Как часто священные изображения, почти не отличаясь

своим видом друг от друга, в деле домостроительства несут совершенно различное служение.

Знамена — хоругви, внесенные в храм вливаются в поток литургического действия, становятся достоянием богослужебной жизни храма.

Знамя же — стяг, собирающий войско, совершенно иначе (но так же благословенно), участвует в жизни народов,определяя их судьбы на полях брани.

Так, мы видим образ Знамения Божией Матери, догматически выражающий воплощение Бога Слова, в запрестольном своде алтаря, в пророческом чине иконостаса, на хоругвях, государственных печатях и наконец на монетах, в особенности чеканеных повелением византийских императоров. В этом последнем применении сказывается с особой силой освящающая сила священных изображений! В этом обычае, созданном волей византийских императоров, земное непросвященное царство поклонилось легкому игу Христову и осветилось лучами божественных сил, приобщаясь новой неведомой дотоле жизни. Образ Христов погружается в темницу падшего мира, как закваска в тесте, заставляя его вскиснуть, кваситься, зарождая в нем таинственное брожение, изменяющее всю его природу.

Так иконы "молённые", назначение которых служить молитве, осуществляют свое спасительное действие в мире, могут покинуть храм, оказаться в музее или у любителей искусства, попадать на выставки. Такие, как бы несоответственные условия для иконы, не случайны, не бессмысленны. Это действие неустанной божественной заботы о мире, ищущее привлечь, собрать расточенное и возвести низверженное. Этим действием пламенной любви Божией к падшему наполнена вся Церковь, наполнено и почитание икон и в свете этого благодатного произволения, и только в нем, становится понятным отсутствие раз навсегда отмеренных границ в жизни священных изображений.

Так иногда скромное, лишенное высоких достоинств, изображение, по своему строго более близкое светской живописи, чем иконам, Божием смотрением возводится на высоту полного богослужебного почитания.

В ознаменование Торжества Православия, победы иконопочитателей, в Церкви стали водворяться хоругви — знамена с изображением Христа и Божьей Матери, и хоругви эти стали носиться в торжественных ходах в ознаменование победы Церкви над иконоборцами.

И именно знамя стало образом церковного торжества.

Плат, на котором назнаменован образ Христа-Царя и был первой иконой — иконой не рукотворенной, данной Самим Спасителем Церкви. Знамя-хоругвь может послужить примером двуединого смысла почитания икон.

В образе-знамени ясно виден двуединый смысл почитания икон.

Хоругвь в церкви сопрягается с богослужебным порядком. Образ на боевом знамени выносится в жизнь. Освящает повседневную деятельность воинов, собирает войско воедино, освящает жизнь полка, решает на полях сражений судьбу народов в их житейских столкновениях, вызванных иногда очень насущными и не высокими причинами.

Жизнь священных изображений, их смысл и их спасительное действие в мире, бесконечно многообразно.

Вот несколько случайных примеров: икона на шлеме воина предназначена не охраняться от удара, но принимать удар.

Московское Царство посвятило себя Георгию Победоносцу и поместило изображение святого на своем гербе. Это изображение утвердилось на различных печатях и знаках и особое место заняло на монете — копейке. Самое название монеты произошло от копия, которым святой поражает змия.

Какая теплота, какое благословение сообщается монете напечатленным на ней образом святого и какая действенная сила.

Как очевидно в монете, понесшей на себе образ святого, действо Божиего домостроительства.

Сила Москвы собиралась по копейке. Малая медная монета, благодаря начертанному на ней образу, стала великой силой в создании государства, призванного служить Церкви.

У Христофора Колумба передний парус корабля нес изображение Божией Матери со Спасителем на руках и, надо думать, образ Божией Матери, начертанный на парусе, дал силы

Колумбу совершить свой подвиг, оправдать свое имя, стать Христоносцем, подобно своему святому перенести Христа через воды в незнакомую землю к народам, не знавшим доселе имени Иисуса.

Как неслучайно то, что Церковь, начиная от апостольского времени, восприняла не культовое искусство, не искусство связанное с изображениями, предназначенными для языческих храмов, но искусство простое и легкое, которое было связано непосредственно с жизнью. Быть может, наиболее близким иконе изображением были портреты и в особенности портреты, которые писались для того, чтобы сохранить черты покойного человека. По обычаю, сложившемуся еще до Рождества Христова, в склепах помещали надгробные портреты усопших; особенно много сохранилось надгробных портретов Александрийской школы, написанных способом энкаустики. Несколько таких портретов, прекрасно сохранившихся, находятся в Лувре и глядя на эти портреты, сразу и невольно, приходит мысль о ранних иконах. Так близки, так сродны им эти портреты.

Видимо и апостол Лука — первый в Церкви иконописец, иконописец, на котором почило, по преданию, благословение Божией Матери, был в своем искусстве очень не далек от созданий современных ему портретистов и близость эта не случайна. До нас не дошли иконы непосредственно написанные апостолом; по преданию это изображение Матери Божией с Младенцем Христом на руках, а так же изображение Христа. Хотя многие иконы приписываются апостолу Луке, надо думать, что эти иконы ведут свое возникновение от икон, написанных апостолом Лукой, приближаются к ним, сохраняют некоторое преемство, но вряд ли какая либо из дошедших до нас икон является непосредственно трудом святого апостола и евангелиста; таким образом, нельзя судить об иконах апостола Луки окончательно, но можно до некоторой степени представить их себе.

Апостол Лука был образованным в античном смысле человеком, видимо изучал он и современную ему живопись и надо думать, что когда он писал Матерь Божию и Христа, то

придерживался правил и приемов того искусства, которому был обучен. Судить об этом хотя бы отчасти можно по тем священным изображениям, которые сохранились от первых веков христианства. Думается, что такая преемственность иконы от живописи античного мира была, и преемство это бесконечно драгоценно. Так благославилась, так не осталась чуждой Церкви, культура не знавшая полноты откровения, так не было отвергнуто человеческое усилие многих поколений создать достойное изображение человеческого лица, изображение человека, которое всегда до некоторой степени является священным, вернее имеет в себе, едва зримым образом, эту возможность.

Икона является святым завершением не окончательно поврежденных человеческих усилий создать образ — изображение.

Икона стремится возглавить всякое чистое усилие, выраженное в искусстве. Усилие запечатлеть, сохранить для жизни все, что дорого и, думается, в первую очередь, черты человеческого лица-человеческого облика. Потому что святая икона, положенная в основу всех изображений — это икона вочеловечения Божия — Нерукотворный Лик Христа.

И всякое изображение человеческого лица возводится или ищет подняться к образу Христову и получает эту возможность силою снисхождения Христова, силою вочеловечения Божия.

Воплощение Бога Слова и вочеловечение, как дано это двойное определение в Символе Веры, и является возможностью для всякого человека приобщения божественной жизни, приобщения Христу. Дается путь сопричастия Христу и тем исполнением Духом Святым и Самой Живоначальной Троицей. Это, думается, — та святость, которая напечатлевается на иконе.

Именно снисхождение Божие породило восхождение человеческого рода к Богу. Человечество востекает к иному образу бытия и все человеческое и отмеченное исканием бытие имеет надежду приобщиться божественной жизни и все проявления человеческие, не только возвышенные, но подчас и едва видимые и совершенно незначительные, носят в себе частицу божественного света и то, что в человечестве лишено этого света, томится и мучается и неведомо для себя ищет

одеться в этот свет и измениться таинственным божественным изменением.

Седьмой Вселенский Собор не определяет какое вещество должно быть взято для создания икон и для написания иконы, только указывает, что материал избранный для иконы должен быть прочен. Собор благословляет писать иконы на стенах, и красками и мозаичными плиточками, и на досках, и делать изображения на металле и на камне и иными способами. И в этом смысле дает всякому искусству послужить созданию икон и благославляет и освящает всякий материал, различное мастерство и различные виды искусства. И Церковь не отвергает краски не только растертые на воске, какой была живопись первых веков, и не только на яичном желтке, быть-может особо избранном способе иконописания, освященном церковной традицией, Церковь благославляет и иконы написанные красками растертыми на масле и на различных видах смол, на лаках и на иных возможных составах. Все это богатство применяемых в иконах веществ может стать достоянием Церкви и освятиться и благославиться.

Апостол Лука, написавший первые иконы Божией Матери со Спасителем Младенцем на руках и Спасителя, по преданию, написал эти иконы воском — способом энкаустики. Он не создал какого либо нового способа живописи, до него не существовавшего, но написал так, как было свойственно его времени. Написал тем способом, который был распространен в античном мире. Апостол Лука не отнесся с пренебрежением к тому, что было создано в языческой, чуждой откровения, почти лишенной света культуре, но взял это скромное искусство и освятил его.

Определение отцов VII-ого Вселенского Собора о том, что поклонение иконам восходит на первообразное, определяет весь строй иконописания, определяет и природу священных изображений, принятых Церковью. Церковь чтит и воздает поклонение святым иконам, потому что то первообразное, к которому востекает поклонение иконам, свято, и уже от первообразного освящается сама икона и первообразным же определяется ее строй и художественный и богословский; и все развитие священных изо-

бражений, вся их жизнь в Церкви, их облик и их значение, определяется и обуславливается этим соборным поклонением. Образ в своих основных чертах должен писаться так, чтобы возводить сознание к первообразному, должен не затемнять, не затруднять, не являться препятствием той первообразной данности, которой он свидетельствует, но должен быть как бы лестницей, возводящей к первообразу, окном, позволяющим нам видеть солнце и позволяющим солнечнему свету проникать во тьму нашего омраченного бытия.

Смысл иконы становится видимым в Преображении и это преображение является тем, что составляет святость иконы, что является и смыслом и ее назначением.

Можно сказать что свет Преображения Христова наполняет иконы собою, освящает их, является для них тем созидательным началом, которое определяет саму природу иконы, придает иконе то, без чего икона не может в полном смысле слова именоваться святой иконой. Без этой действенной силы Преображения икона не может стать тем, чем она должна и призвана быть.

Определение Седьмого Вселенского Собора очень твердо определяет природу почитания икон, которая в Церкви должна быть. Определение образа переносится на первообразное.

К этому основанию отцы собора возвращаются неоднократно. Определение это, по своему основному смыслу, нельзя отнести к определениям временным, имеющим относительное, преходящее значение.

Такое понимание смысла и назначения образа не только определяет характер почитания икон, но в основе свидетельствует и о самом образе, о характере священных изображений, о том как природа священных изображений должна быть согласована с назначением этих изображений.

В перенесении чести, воздаваемой образу на первообразное, уже определяется и природа самого образа.

Образ, чтимый Церковью должен быть сообразен первообразному, должен никоим образом не заменять и не препятствовать восхождению молитвенного сознания к первообразу, но

должен сам как бы быть причастен этого нескончаемого бытия, должен свидетельствовать эту Божественную славу, трисолнечный свет Божества.

НЕРУКОТВОРНЫЙ СПАС

Лик Христа чудесно напечатленный на плате — убрусе Самим Спасителем в дар царю Авгарию, вот то знамя, которое укрепило Церковь. Сия победа осенила и утвердила православное почитание образа в двух естествах и единой ипостаси. И в этом почитании утвердило православное почитание всякого священного изображения.

Праздник, которым Церковь отметила это событие, известен под названием Первого Спаса и богослужебное содержание службы отмечено исключительным богословским богатством и глубиной. В составлении ее участвовали и патриарх Герман и великий защитник Церкви, творец канонов Феофан, мученически пострадавший за вдохновенную защиту иконопочитания.

Событие возникновения Нерукотворного Образа на основании свидетельств и церковного предания, представляется в общих чертах таким: царь Эдесса уже в конце земного пути Господа, пожелал увидеть Его у себя и беседовать с Ним. Для этого он отправил к Спасителю небольшое посольство, состоявшее из нескольких приближенных, с тем, чтобы посольство это встретило Господа и передало бы приглашение прибыть к царю в Эдесс и провести с ним некоторое время. Посольство эдесского царя застало Спасителя и передало приглашение своего царя. Спаситель не смог удовлетворить желание царя, потому что знал приближение крестных страданий и не хотел оставлять Иудеи, но, чтобы не огорчить царя, совершил чудо, которое стало основой и знамением той славы, которая стала неизменным и вечным достоянием Церкви, ее оплотом и красотой.

Спаситель отпечатлел чудесным образом Свой лик на куске материи, на "убрусе" и тем, как краеугольный камень, драгоценную основу, положил нерукотворное изображение Своего *Богомужного* лика, сотворил первую икону, от которой все

иконы рождаются и к которой все священные изображения восходят, как к своему источнику, потому что источником и утверждением всякого образа и есть Образ Христа и Образ этот — свидетельство непреложного вочеловечения, напечатленный Самим Спасителем на плате, дан как небесное знамя Церкви, дан всем людям навечно.

"Колеблемо лестию сопротивных оправдал еси Христе честными Твоими утвердив страстями и зрака изображением". В этом тропаре канона святый патриарх Герман приравнивает спасительную силу изображения Христова зрака к страстям Христовым.

Это действие Христа — напечатление Своего Образа на плате, на первый взгляд относящееся только к царю, пожелавшему иметь изображение Христа, на самом деле имеет более общее значение. Это бесконечная забота о всем человеческом роде, который спасается освящаясь образом Христовым.

"Христос собезначальный Сын Отцу и превечный и невидимый описанного плоти остави нам изображение на спасение душам нашим".

"Плотски изобразитеся по нам иже прежде бесплотный не отвергнися зрака дарая нам божественное изображение".

В словах тропаря говорится о том, что изображение дается на спасение душам нашим. Смысл этих слов заключается в том, что изображение Спасителева зрака на убрусе, а вслед ему и всякое священное изображение, имеет действенный смысл, является образом и путем спасения и дается нам на спасение. Подобно тому, как вочеловечение Свое Спаситель совершил "нас ради человек и нашего ради спасения", основа Боговоплощения есть спасение человека и ничто иное. Например, как представляется иным, некоторая божественная потребность сопряжения с созданным миром или слияние с человеком, имеющим некоторую сообразность с Богом, данную в образе и подобии, так же и икона в ее основном назначении является орудием и делом спасения человека. В этом, и не в чем либо ином, покоится ее основной смысл и в силу этого вся защита почитания икон рождена догматом Боговоплощения и в нем утверждена.

В чем же этот спасительный смысл святого изображения, в

чем заключался спасительный смысл напечатления Спасителем Своего лика на убрусе? В том, что в образе Христовом божественное неразрывно и непреложно сопряжено с человеческим. Нерукотворный Образ, и вслед ему всякая икона, образует как бы узел, связавший навечно божественное и человеческое начало и так икона есть видимое и осязаемое свидетельство припряжения сотворенного человеческого начала нетленному божественному бытию.

В своих определениях Седьмой Вселенский Собор неоднократно указывает, каким должно быть почитание святых икон, каким образом икона может быть спасительна. Основной смысл почитания Собор полагает не в почитании и поклонении самой материи иконы, не в почитании самих досок и красок или мозаичных плиточек, но в усилии, взирая на образ, вознести внимание к самому источнику образа — невидимому первообразу. Такое исповедание почитания икон Седьмым Собором ставит священное изображение как бы на грани видимого и осязаемого мира и мира духовного, божественного. Икона становится как бы символом этого невидимого мира, его осязаемой печатью и смысл ее — быть как бы светлыми вратами неизреченных тайн, путем божественного восхождения. Седьмой Вселенский Собор и отцы Церкви, творения которых имели особое значение на соборе, в особенности быть может Иоанн Дамаскин, подчеркивают именно такой смысл почитания икон. В основном, для отцов Собора икона Христа и икона Божией Матери, в особенности когда Она изображена с Младенцем, являлись свидетельством неложности вочеловечения Христова. Есть и другой смысл такой неразлучности икон Христа и Матери Божией, как указывает Л. Успенский, икона Христа есть образ вочеловечившегося Бога, икона же Божией Матери есть совершенный образ обоженного человека, на чем покоится наше спасение. Слово стало плоть, дабы сделать человека сопричастным Божеству.

Иконы святых являются подтверждением и развитием той же основы. Нерукотворный образ Христов является как бы первопечатью и источником всякого образа, а от него всякий образ исходит и рождается в нем. Является как бы источником реки, стремящей свои воды в бесконечную жизнь. Воды эти —

бесчисленное богатство икон порожденных и берущих свое начало от Нерукотворного Образа Христова и наполняющих Церковь в ее неустанном движении к концу времен и царству Будущего Века.

И еще думается, Нерукотворный Образ Христов является не только источником священных изображений, но и образом, изливающим свет и освящающим и изображение и искусство нецерковное. Например в первую очередь искусство портрета. В этом смысле икона в своем церковном богослужебном бытии не отделена от внешнего искусства, но подобна снеговой вершине, которая проливает ручьи в долину, наполняя ее и сообщая всему жизнь. Есть и иная сокровенная связь иконы с внешней нецерковной живописью. Икона зарождает в живописи чуждой Церкви, совершенно подчас земной, таинственную жажду оцерквиться, изменить свою природу, и икона в этом случае является небесной закваской, от которой вскисает тесто, в которое эта закваска попала.

Итак образ, чудесно напечатленный Самим Спасителем на убрусе, стал свидетельством неложности вочеловечения Христова — живой иконой истины Боговоплощения, изображением самого догмата воплощения Божия. И всякая икона находится во внутренней зависимости от Нерукотворного Образа, как вода реки имеет своим началом родник который рождает эту реку. Нерукотворный Образ становится краеугольным, ключевым в ряде других икон и именно поэтому Церковь избрала краеугольный камень, как знамя своего торжества. Она — эта икона, венчает исповедание церковное Христа воплотившегося и вслед за ней и всякая икона говорит и свидетельствует о том же.

И знамя это, поднятое церковно, делит мир пополам, разделяет его на две непримиримые части. По определению Иоанна Богослова "всяк иже исповедает Бога пришедшаго во плоти от Бога есть". Несокрушимой печатью такого исповедания и является икона Христа, равно как и Матери Божией и икона Святой Троицы. И Церковь призывает всех встать под это победоносное знамя. Отвергающие его, а вместе и почитание всякой иконы, могут не выдержать испытания и оказаться вне

исповедания полного и совершенного вочеловечения Христова. А потеряв это исповедание становятся вне спасительного града и до конца совлекаются победы. "Всяк неисповедающий Христа пришедшаго во плоти несть от Бога но тот есть антихристов". Так икона Христова, а равно и Матери Божией, Пресвятой Троицы и святых, становятся радостью для всех приявших ее и оградой и знамением победы — победившей мир.

Образ и подобие Божие, вложенное Богом в человека, при его создании, есть, так сказать, то измысленное Творцом условие, которое позволяет ощутимым, доступным созерцанию путем выявить себя в образе человеческом. Эта некоторая Богообразность и Богоподобие человека, данное ему в самом его сотворении, есть уже некоторая первообразная икона, богоданный образ, неиссякаемый источник святости. Образ и подобие Божие, которое в самом человеческом падении не может истлеть и должен неиссякаемо обновляться, оживать, очищаться и действием благодати и человеческого усилия — подвига, непрестанно как бы писаться в глубинах духа. Подвигом — преподобием вписывается образ Божий внутрь человека и это созидательное усилие, непрерывное и неотъемлемое, является основным условием жизни человека, как бы неустанным напечатлением образа Христова на основе души.

Надо думать, что чиноначалия ангелов, сотворенные раньше человека, сотворенные как высшие ипостасные существа, носят печать образа и подобия Божия иначе, чем человек, и наполняясь светом, восходят от света к свету, сопричащаются божественной триипостасной жизни, становятся "вторым светом" по образу несозданного света. Надо думать, что Господства и Силы носят божественный образ во многом непостижимо и недоступно для человеческого ума. Слава ангелов наполняется огнем божественной благодати, непрестанно одевается одеянием Божественной Славы.

Матерь Божия, поставленная волею Божией превыше всех созданий. является Царицей всего созданного, принявшей в Своем Успении поклонение небесных и земных и преисподних сил и в своем достоинстве Небесной Царицы объемлет и связует мир ангельских чиноначалий и человеческого рода.

Бог Слово вочеловечился, принял на себя все человеческое от Приснодевы чтобы спасти и восстановить образ Божий, вложенный в человека от его создания и непрестанно омрачаемый растлением падшей человеческой природы, пораженной грехом. И Христос в воплощении своем является восстановителем образа Божия в человеке и, можно сказать, более чем восстановителем, но полным и совершенным исполнением и осуществлением образа Божия, иконой икон, источником всякого святого образа — нерукотворным образом, живым Иерусалимом. Вот отчего Церковь в защите и утверждении почитания икон неизменно опирается на догмат воплощения Христова, на полноту вочеловечения Слова Божия, и иконой освящающей всякое святое изображение полагает Нерукотворный образ Христа, отпечатленный Самим Господом на убрусе.

Монах Григорий (Круг)

*

Говорила Судьба по-жабьему,
Жабьему, жабьему:
"Змей Горыныч научит вас рыбьему,
Крабьему, кк-рабьему
Уму-разуму!"

Змей Горыныч из леса дремучего —
Это чудище мучило, мучило,
Только мучиться нам наскучило.
Мы из чудища сделаем чучело,
Чучело, чучело!

Защебечет Судьба по-птичьему,
Птичьему, птичьему
И все переменится к лучшему,
Лучшему, лучшему
По щучьему веленью: по щучьему,
Щучьему, щучьему!

*

Наплывает черный парус,
Навевает холодок,
Зарывает глупый страус
В страхе голову в песок.

Тоненько песок струится
Сквозь песочные часы,
Падают его крупицы
На дрожащие весы.

Я любитель долголетья,
Оттого моя тоска,
Что останется на свете
Просто горсточка песка,

Что навеет черный парус
Нежитейский холодок,
Что зароют, глупый страус,
Наши головы в песок.

Игорь Чиннов

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО ФИЛОСОФА

С. Л. ФРАНК

В этом году исполняется (собственно, уже исполнилось) столетие со дня рождения одного из величайших русских философов,Семена Людвиговича Франка. Мне уже не раз приходилось писать об его учении. В настоящей статье мне хотелось бы не только излагать идеи Франка, но и передать самый дух его философии, а также дать понятие об его человеческом облике.

Для тех читателей, которые ничего, или почти ничего не знают о Франке, сообщаю следующие краткие, но главные биографические данные.

С. Л. Франк родился 29 января 1877 года в Москве, в русско-еврейской семье. Его отец был врачом, переселившимся во время польского восстания 1863 г. в Москву, дед — раввином.

После окончания гимназии, С. Л. поступил на юридический факультет Московского университета. Дело с окончанием университета, однако, затянулось, так как в 1898 г. он был арестован за участие в составлении революционных прокламаций, и сослан на два года. В то время С. Л. был под влиянием марксизма, но больше академически, чем практически. Его участие в революционной работе было лишь эпизодическим. В 1900 г. С. Л. отправился в Берлин, где слушал лекции по политической экономии. Там же он написал свою первую работу "Теория ценности Маркса", в которой он отнесся к учению

Мы с удовольствием печатаем статью С. А. Левицкого к столетию со дня рождения С. Л. Франка.

Маркса уже критически, оставаясь, однако, на его почве. Вскоре, впрочем "сектантский характер марксизма" его оттолкнул, и С. Л. пережил другое увлечение — Ницше. Однако, и это увлечение было кратковременным и условным. Сам Франк пишет: "Зимой 1901 г. мне случайно попала в руки книга Ницше "Так говорил Заратустра". Я был потрясен — не учением Ницше, а атмосферой глубины духовной жизни.. с этого момента я почувствовал реальность духа, реальность глубины собственной души, и... моя внутренняя судьба определилась.. Я стал идеалистом". Франк осознал себя философом.

Сдав, наконец, государственные экзамены и получив диплом, Франк стал зарабатывать себе на жизнь переводом философских книг. Он начал также писать философские статьи и, впоследствии, преподавать на высших женских курсах. В 1909 г. он принял участие в знаменитом сборнике "Вехи", для которых написал статью "Этика нигилизма".

В 1908 году С. Л. женился на своей ученице, Татьяне Сергеевне Барцевой, которая оказалась верной и преданной женой. От этого брака родились три сына и дочь.

В 1912 году Франк принял православие, в результате долгого и благодетельного внутреннего кризиса, ведшего его "от марксизма к идеализму", — и далее к христианству. В 1914 году он защитил свою магистерскую диссертацию "Предмет знания", принесшую ему имя. В 1915 году эта книга вышла в свет. С 1918 года С. Л. преподавал в Саратовском университете. В 1922 году он оказался в числе ученых, высланных советской властью. Превосходно владея немецким языком, С. Л. обосновался в Берлине, где читал лекции по русски и по немецки. В то же время С. Л. принял деятельное участие в рядах Русского Христианского Студенческого Движения и совершил несколько лекционных турнэ. В 1930 г. появился его труд по социальной философии — "Духовные основы общества", и в 1939 году — главный труд его жизни — "Непостижимое".

Жизнь Франка в Берлине была нелегка, но сносна. Однако, с приходом к власти национал-социализма в 1933 году, положение стало ухудшаться. В 1937 г. Франку пришлось эмигрировать во Францию. Во время войны Франки очутились под немецкой оккупацией. Они жили в южной Франции в неведении о своих

детях, находившихся в Англии, и под угрозой ареста. После окончания войны чете Франков удалось перебраться в Лондон, где они жили у дочери Натальи, муж которой пал на войне. В этом же доме С. Л. скончался в конце 1950 года.

В 1949 году вышла его книга "Свет во тьме" — результат переживаний и размышлений военных лет, но написанная, как всегда у Франка на вечную тему. После смерти Франка вышло еше две его книги: "С нами Бог", и "Реальность и человек".

*

На кресте, воздвигнутом на Лондонском кладбище, где он похоронен, запечатлены слова из библейской "Премудрости", которые он так любил и которые подводят итог его земному существованию: "Премудрость возлюбих в поисках от юности моея... познав же, придох ко Господу".

С. Франк был одним из тех, очень немногих, философов, которые не только создали оригинальную и стройную философскую систему, но и были исполнены подлинной мудрости, — не только ума, но и сердца. Эта мудрость, так сказать, источалась из него и ею овеяны все его книги и статьи. Мистическая глубина, насыщенность мудростью, в сочетании с сильным и трезвым, логически вытренированным интеллектом, при ясности и литературности выражения, — вот те главные качества, совокупность которых не может не покорять сколько-нибудь чуткого к мысли читателя. К Франку, больше чем к какому-либо другому русскому философу, подходят строки из стихотворения Вячеслава Иванова "Русский ум": "Он трезво судит о земле/ в мистической купаясь мгле/".

Внешнее впечатление от Франка хорошо передано А. Карташевым: "Крупная, рослая фигура. Медлителен, неговорлив, с тихим голосом. Бесстрастен, нерезв, нешутлив. Выразительно, лучисто улыбался лишь своими большими выпуклыми глазами."

По наружности, на первый взгляд он напоминал очень почтенного и мудрого раввина. Но этот "раввин" не только

принял православие, но и стал одним из самых глубоких христианских мыслителей.

Его сводный брат, Л. Зак очень проникновенно передает то духовное впечатление, которое производил С. Л. Франк:

"Я думаю, что каждый, кто познакомился с Семеном Людвиговичем, должен был испытывать то самое ощущение, которое с молодости владело мною, — ощущение огромных духовных пространств, открывавшихся при общении с ним... глубокая серьезность отличала его".

Не блеск (хотя он мог бы блистать), не только глубина мысли отличали его, но именно его проникновенная серьезность, его всецелая погруженность в стихию мыслящего Логоса.

Я помню, как, во время его гастрольной лекции в Праге в 1934 году я, да и большинство слушателей, затаив дыхание, следили за размеренным ходом его мысли, медленно, но верно погружавшей нас в глубины темы. Эта была одна из тех немногих лекций, которые запоминаются на всю жизнь.

МЕТАФИЗИКА

Одушевлявшей темой всей философии Франка было учение о Всеединстве, — об укорененности всех явлений нашего мира в некоей мистической первооснове, которая, при помощи Откровения, уясняется нашим сознанием как Бог. Это учение отнюдь не является пантеизмом, — отождествлением Бога и мира. Это — скорее "панентеизм", в духе которого, хотя мир находится в Боге, однако, Бог возвышается над миром. Главные представители панентеизма в мировой философии, это — Плотин и Николай Кузанский. Недаром сам Франк причислял себя к "старой, но нестареющей секте христианских платоников", точнее — новоплатоников. Главой неоплатонической школы был Плотин, — древне-греческий мыслитель, ближе всего стоявший к христианству. Учение Плотина было обновлено и с новой силой выражено мыслителем позднего Средневековья, епископом города Куэс, Николаем, прозванным Николаем Кузанским. Сам Франк неоднократно заявлял, что из всех мыслителей мира ему ближе всего Николай Кузанский.

Эпиграфом к своей лучшей книге "Непостижимое", Франк взял афоризм этого мыслителя: "Непостижимое постигается посредством его непостижения". В этой, исполненной высшего философского вдохновения, и в то же время изложенной предельно ясно книге, Франк высказал в гораздо более зрелой форме идеи, легшие в основание его первого крупного труда — "Предмет знания". Но в "Предмете знания" эти идеи выражены главным образом в их гносеологическом аспекте, — Франк принимает здесь интуитивизм Лосского, но переосмысливает этот интуитивизм глубоко по своему, задаваясь вопросом о метафизических предпосылках интуиции. В "Непостижимом" же он сосредотачивается на самой метафизике, стремясь показать, что за поверхностью явлений кроется породившее их и питающее их начало. Характерен в этом отношении отрывок из "Предисловия": "И, как крепко мы ни вросли в строй нашей обычной жизни, как бы мы ни срослись с нашим социальным положением, с "ролью", которую мы "играем" в социальной среде.. и как бы мы ни привыкли смотреть на себя извне, со стороны, и видеть в себе лишь то, чем мы "объективно" являемся другим людям, — порой, хотя бы изредка, — в нас шевелится и что-то совсем иное; и это иное и есть что-то непостижимое и таинственное и мы смутно чувствуем, что подлинное существо нашей души есть что-то совсем иное, что мы привыкли скрывать не только от других людей, но и от самих себя".

Этот многоговорящий отрывок дает понятие о том направлении, в котором развивалась мысль Франка. Он дает понятие также об его литературном стиле. Углубленная мысль Франка требовала длинных предложений. (Правда, он все же перемежал их с короткими). И в то же время эти длинные предложения легко укладываются в уме читателя. Заметим, что Шопенгауэр, считающийся мастером философского стиля (и отнюдь непохожий на Франка) также писал длинными предложениями, сообщавшими его мысли словесную энергию.

Однако, утверждение непостижимости бытия, взятого в своей глубине, отнюдь не равнозначно у Франка философскому иррационализму (типа Шопенгауэра или Бергсона). Наоборот, Франк называет иррационализм "вредным направлением в философии", ибо он обессмысливает разум, которому мы

обязаны столь великими достижениями, и самой философией. Иррационализм может быть ценен лишь косвенно, — как указание на границы рационального, а не как последнее слово в философии. Иначе говоря, Франк утверждает не иррационализм, а супра-рационализм. Он признает в бытии рациональную и сверх-рациональную сферы, но отрицает реальность противоразумности, иррациональности. Основной довод, при помощи которого Франк утверждает реальность сверх-рационального, в сущности прост, хотя и трудно доступен для нефилософского ума: Всякая рационально-постижимая определенность, говорит он, связана в мире с другими определенностями, и противостоит им. Между тем, говоря о бытии или о мире, мы имеем в виду их единство, или, иначе выражая эту мысль, имеем в виду "совпадение противоположностей" (выражение Николая Кузанского). Но единство противоположностей, и даже отдельностей вообще, не может быть понято как простая сумма рациональных отдельностей, но лишь — именно как единство, которое само не может быть отдельной определенностью. Следовательно, наиболее глубокая форма единства — Всеединство, может быть лишь сверх-рациональным, или, как он выражается, мета-логичным. И, если в "Предмете знания" Франк употребляет термины "металогическое", и "Всеединство", то в книге "Непостижимое" он предпочитает говорить именно о Непостижимом, как первоосновe мирового бытия. Предоставим слово философу:

"Непостижимое не есть ночь, в которой все кошки серы, и перед лицом которой теряло бы всякий смысл ясное и отчетливое восприятие "дневнего", зримого облика мира. Непостижимое есть, напротив, тот неприступный Свет, из которого, с одной стороны, вытекает сама "дневная", обыденная зримость мира, и перед лицом которой эта обычная светлость мира оказывается сама лишь чем-то темным, непроницаемым, иррациональным. Правда науки и трезвого, рационального восприятия и постижения мира оказывается производной, частичной и лишь в этом смысле неадэкватной правдой. Подлинную правду нам открывает лишь философия, — установка, в которой рациональность, направляясь на самое себя, тем самым трансцендирует через самую себя, и опирается на общее и вечное откровение реальности, как Непостижимого".

Учение Франка о Непостижимом, как о высшем единстве бытия, следует традиции Вл. Соловьева с его учением о Всеединстве. Но Соловьев лишь наметил и набросал эту свою гениальную философскую интуицию. (гл. образом в таких его малочитаємых трудах, как "Критика отвлеченных начал", и "Теоретические основы цельного знания"). Учение же С. Франка о Всеединстве выражено с большей глубиной, стройностью и последовательностью, чем у его учителя.

Отец Василий Зеньковский прав в том, что самое оргигинальное у Франка, — не столько его тезисы, сколько его способы обоснования этих тезисов.

Хотя доводы, при посредстве которых Франк утверждает металогическое единство мира, в высшей степени философски поучительны, — все же наиболее интересны доводы, при помощи которых он обосновывает связь нашей личности с другими личностями и со Сверхмировым Началом.

Само сознание, говорит Франк, направляет наш взор в глубину собственного "я". И, вдумываясь в свое "я", мы находим, что оно есть духовное ядро нашей личности. Но духовное начало есть всегда сверх-индивидуальное в индивидуальном, ибо оно есть обнаружение абсолютной первоосновы в личности. Можно было бы сказать (хотя Франк так прямо не говорит), что оно есть образ Божий в человеке. "Эмпирический (данный в опыте) человек в своей глубине неразложимо слит со сверхиндивидуальным началом в нем, с абсолютной первоосновой душевной жизни. Наше единичное "я" носит в себе связь с абсолютным корнем".

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

В книге "Духовные основы общества", и, особенно в "Свете во тьме" Франк применяет эти идеи к социальной философии и к этике. В общественной жизни, говорит он, связь нашего "я" со сверхиндивидуальной реальностью обнаруживается уже во весь рост. Общество начинается с общения и результатом общения является включенность нашего "я" в некое сверхиндивидуальное "мы". "Мы", продолжает он, вопреки грамматике, не есть множественное число от "я", оно есть единство "я" и "ты". И это

единство внутренне присутствует во всяком общающемся "я". Поясним, что Франк имеет здесь в виду не растворение "я" в некоем безличном коллективе, а единство личностей, каждая из которых сохраняет при этом свое индивидуальное своеобразие. Он пишет: "Для философии "ты" представляет собой не меньшую загадку чем "я". "Ты" вовсе не есть "чужое "я", это было бы и противоречием, так как "я", по смыслу слова, всегда мое. "Ты" есть первичная этическая категория, подобосущная "я", но не равносущная ей". И далее: "здесь совершается чудо трансцендирования непосредственного самобытия за пределы себя самого".

Таким образом, "я" и "ты" образуют глубинное единство в "мы", — этой главной категории социальной жизни. "Мы" есть для него не что иное как откровение Всеединства в социальной жизни.

"Мы" возникает во всякой любви, дружбе, во всяком подлинном общении людей. Примерами устоявшихся социальных единств могут служить семья, нация и, особенно, церковь, как общение людей в Боге.

Кончая этот краткий эскиз социальной философии Франка, мне хотелось бы отметить, что он не только наметил основные категории социального бытия, но и сумел дать читателю почувствовать сверхличную мистерию социальной жизни. Вообще, от всех книг Франка веет ощущением полноты духовного созерцания, и в этом наряду с глубиной мысли и ясностью изложения, заключается главная причина духовной насыщенности его работ.

Перед тем, как перейти к окончательному синтезу философии Франка, мне придется еще раз вернуться к его центральной идее — непостижимости бытия.

Одна из самых ценных идей Франка, это — проводимое им различие между "Непостижимым для нас" (Кантовской "вещью в себе") — и "Непостижимым в себе". Абсолютное непостижимо, по Франку, вовсе не только в силу ограниченности человеческого рассудка. Оно непостижимо, так сказать, по самой своей природе, превосходящей рамки всякой рациональности. И одна из главных философских заслуг Франка — в том, что он приходит к идее Сверхрационального, идя строго рациональ-

ным путем. Франк обнаруживает Непостижимое на дне всех слоев мирового бытия. Этому посвящена его книга "Предмет знания". Но, если в предметном, внешнем мире, и в нашей внутренней жизни сверхрациональное переплетено с рациональным, то, возвышаясь мыслью к самому источнику бытия, мы должны отбросить все логические категории. Абсолютное Непостижимое, говорит он, есть "безосновная основа мира", оно есть как бы то Ничто, в котором Фауст надеялся найти Все.

Показывая рациональную неразрешимость традиционных философских антиномий, Франк оправдывает этим частичную правду скептицизма. Он показывает, что антиномии свободы и необходимости, скептицизма и догматизма и т. д. могут быть разрешены лишь в свете "антиномического моно-дуализма", через усмотрение их мета-логического единства.

Непостижимое есть, таким образом, сфера "совпадения противоположностей" (выражение Николая Кузанского), для обозначения которого Франк и вводит термин "моно-дуализм." Мотто подлинной философии, говорит он далее, должно быть не взаимоисключающее или — или, но всеобъемлющее "И то, и это".

Но он идет еще далее, — и в этом мысль Франка достигает своего кульминационного пункта: Именно осознание непостижимости Абсолютного приближает нас к этому Абсолютному, дает нам сверх-логическое знание о нем. Франк называет такое высшее, мета-логическое знание "умудренным неведением" (опять-таки термин Николая Кузанского). Неведением, ибо высшая мудрость смиряет гордыню логического разума, умудренным, потому что это неведение "проистекает не от недостатка, а от сверх-полноты знания". Собственно, это даже не знание, а высшее духовное созерцание.

В своей последней глубине, Непостижимое есть Божество, "Святыня", приобщение которой достигается не только через философскую мудрость, хотя бы высшую, а через праведную жизнь.

ПРОБЛЕМА ЗЛА

Франк отказывается решать проблему зла в духе традиционной теодицеи — ссылкой на человеческую свободу и лжеиспользование ее. Он настаивает на том, что именно в зле мы несвободны, ибо "одержимы" (абсолютизацией собственного "я"), тогда как путь Добра (приобщения к Всеединству) приводит к истинной свободе. Он даже утверждает, что проблема зла, вообще, неразрешима рационально. Мало того, по Франку объяснить зло значило бы оправдать зло, что и нечестиво, и этически противопоказано. Зло можно лишь "описать", а не объяснять.

Этот отказ от рационального разрешения проблемы зла очень характерен для той философской позиции, которую занимает Франк: — панентеизма, т. е. черезчур тесного сближения мира с Богом (мир проистекает из Бога, тогда как христианский теизм утверждает, что между миром и Богом разверзается онтологическая пропасть, заполнимая лишь в порядке благодати).

Рассуждая в терминах своей "монодуалистической" системы, Франк мог бы попытаться разрешить проблему зла в духе того, как он разрешает основные антиномии, — признанием того, что Божество находится "по ту сторону добра и зла". Но тогда мы вправе призвать тень Достоевского с его аргументом против "мировой гармонии", купленной ценой познания "чортова добра и зла". Да и Франк был этически слишком чутким мыслителем, чтобы примириться с равнодушным к добру и злу Богом.

Вообще, в проблеме зла всегда ясная мысль Франка как бы обрывается, словно мыслитель не хотел встретиться с этой проблемой лицом к лицу. В ряде высказываний Франк, подобно Бердяеву, склоняется к идее Якова Беме о "темной природе в Боге".

"Ответственность за это лежит к тех элементах реальности, которые, хотя и находятся в Боге, но не являются самим Богом. Зло происходит из неисследимой пропасти, которая разверзается на границе между Богом и миром. В живом опыте эта пропасть дана мне как мое собственное "я", как бездонная глубина, которая и соединяет меня с Богом, и отделяет меня от Бога".

Таким образом, зло оказывается у Франка не "трансрациональным", а сугубо "иррациональным", — в противоречии с замыслом системы Всеединства, согласно которому в мире существуют лишь рациональная и сверх-рациональная сферы. Но признание зла как иррациональности, подрывает изнутри всю систему Всеединства. Франк, правда, признает, что это Всеединство "надтреснуто", но тут же добавляет, что эта "надтреснутость" существует лишь в земном плане. "В божественном же аспекте Всеединство остается нерушимым, ибо все его нарушения непосредственно заполняются положительным бытием, проистекающим из и от Бога".

Отец Василий Зеньковский в своем очерке о Франке ("История русской философии", том второй) справедливо указывает на то, что у Франка (как и у Вл. Соловьева) творение черезчур сближено с Творцом, так что идея творения фактически выпадает из его системы. Между тем, только на основе идеи творения можно объяснить зло, не сваливая ответственность за него на Творца. Зло у Франка не "преодолевается" в высшем единтсве, и сам философ говорит, что такой путь этически неприемлем. Зло остается у Франка темной мистерией, которую он только "описывает". Но описывает, нужно сказать, мастерски. Однако в проблеме зла мысль Франка претерпела некую эволюцию, которую можно формально охарактеризовать как переход от христианского платонизма к христианскому экзистенциализму. В книге "Свет во тьме", написанной после "Непостижимого", имеется налицо явная перестановка метафизических ударений: от укорененности в Непостижимом философ становится скорее на точку зрения нашего мира, с его резким дуализмом добра и зла.

В основу замысла книги "Свет во тьме" положены слова Евангелия "И свет во тьме светит, и тьма не объяла его". В этих словах Франк справедливо видит основную загадку, основное противоречие этики: между явным нравственно-религиозным превосходством света над тьмой, с одной стороны, и упорством и видимой мощью зла, с другой. Указывая на внутреннюю анти-

номичность слов Евангелиста, Франк дает им такую формулировку: "Свет во тьме светит, и тьма противостоит свету, не будучи в силах поглотить его, но и не рассеиваясь перед ним. Евангелист исходит из дуалистического, а потому трагического представления о противоборстве между силами света и силами тьмы".

И далеее, он в изумительно четких выражениях вскрывает трагическую метафизику, скрывающуюся за словами Евангелиста: "В этих словах описывается ненормальное, противоестественное состояние мирового бытия. Метафизически всемогущий и победоносный, по своему существу, свет, который есть обнаружение самого Господа Бога и потому "просвещает" всякого человека, оказывается в мире в состоянии безвыходного противоборства с тьмой... Это есть величайший парадокс... зло есть нечто, чего, в сущности, нельзя понять и объяснить, но что необходимо констатировать именно в этой его непонятности и противоестественности... логически объяснить эту тайну нельзя... это значило бы оправдать упорство тьмы... здесь допустимо и возможно только такое толкование зла, которое было бы не его оправданием, а, наоборот, его обличением".

Трудно было бы лучше сформулировать всю загадочность власти тьмы, чем в вышеприведенном отрывке. Перед описанной Франком метафизическим языком трагедией бледнеют все искуственно-утрированные псевдотрагические упражнения современных экзистенциалистов.

Единственно возможный здесь выход и единственно оправданная теодицея заключается в указании на сияющий образ Христа, сошедшего в мир, чтобы принять на себя грехи мира и спасти мир от зла. Ведь сам Христос сказал "Мир во зле лежит... но мужайтесь, ибо я победил мир".

В своих последних книгах "Свет во тьме", и "С нами Бог" Франк вступает на путь именно такого "кенотического" понимания отношения между Богом и миром. (Кенозис — нисхождение Божества в мир).

Он по прежнему учит, что наш мир укоренен в Абсолютном.

Но наш мир оказывается уже не со-причастным вечности, а сам подлежит преодолению. "Если в мире всемогущество Божие остается до времени незримым, сочетаясь с еще непреодоленной эмпирической силой тьмы, то сама форма бытия, которую мы называем "миром", внутренне шатка и некогда.... должна быть преодолена. Поэтому "в мировом бытии не дано никаких гарантий для торжества начал добра и разума. Борьба между добром и злом вековечна. Мало того, так как "мир во зле лежит", то борьба против него имеет смысл совершенно независимо от веры в победу над ним".

Иными словами, под конец жизни Франк пришел к трагическому миропониманию. Если прежде Франк более подчеркивал мировую гармонию ("укорененность мира и человека в Абсолютном"), то под конец жизни он сосредоточился более на дисгармонии, на силе тьмы, упорно противящейся свету. Однако, это отнюдь не означает пессимизма. Зло, по Франку, осуждено на поражение. Однако, лишь тогда, когда будет "новая земля и новое небо". И это новое миропонимание Франка (не противоречащее прежнему, но возводящее его на высшую ступень) более соответствует духу христианства, чем прежний исключительный упор на Всеединстве. Сама идея Всеединства при этом не претерпела ущерба, но была модифицирована и христианизирована.

Если мировоззрение Франка было им самим охарактеризировано как "христианский платонизм", то в период его расцвета ударение падало на существительное "платонизм", к концу же его жизни — на прилагательное "христианский".

Близкие лично Франку лица говорили, что его вера в Бога, в которой он был тверд со дня своего обращения к христианству (1912 г.), к концу жизни стала преобладать в нем над всеми прочими интересами. В период второй мировой войны, когда он жил изгнанником в южной Франции и когда ему каждый день грозила гибель (достаточно было донести, что он — еврей), Франк говорил, что только тогда он понял, что такое страдание. Ранее же, по его собственному выражению, он "блаженно промечтал всю жизнь".

Последние недели и дни перед смертью, Франк скорбел, но и радовался своему возвращению в лоно Непостижимого. За несколько дней до кончины он успел послать своему близкому другу, швейцарскому психиатру Бинсвангеру, свою последнюю книгу с надписью: "Людвигу Бинсвангеру с любовью и приветом из области, уже недалекой от иного мира".

Семен Людвигович Франк был великий русский философ, большой человек и глубоко верующий христианин.

Сергей Левицкий

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ С. А. ТАНЕЕВА

ОБ ОТЦЕ

Главная черта и самое важное в характере отца моего была его любовь и преданность музыке. Еще в ранней молодости, когда его отец был на дипломатической службе в Дрездене, он был учеником известного в те времена пианиста Henselt'a. Позднее, уже в России, в Петербурге, отец, будучи уже законченным пианистом, был учеником Римского-Корсакова, изучая теорию музыки, гармонию, контрапункт и оркестровку.

Мои ранние воспоминания о музыкальных общениях отца относятся к периоду раннего детства. Мне было четыре или пять лет, я был болен, прикован к постели. Вдруг в мою комнату вошли мои родители с элегантным мужчиной, которого я принял за нового врача. Он сел около моей постели и сказал: "Маленький мальчик, не так уж плохо быть больным. Мама и папа балуют, ласкают тебя". Это был, как я узнал впоследствии, Петр Ильич Чайковский. Мой отец глубоко любил Чайковского и высоко его ценил. Помню, спустя много времени, вернувшись домой огорченным он сказал: "Добрый и великий Чайковский скончался".

Сердце и двери дома моего отца были открыты для всякого

Мы печатаем два отрывка из воспоминаний Сергея Александровича Танеева, скончавшегося 1-го февраля 1975 года в Нью-Йорке. Воспоминания С. А. написаны по-английски. Печатаемые отрывки переведены и предоставлены Новому Журналу вдовой С. А. Тинатиной Ильиничной Танеевой, урожд. княжной Джорджадзе, за что мы приносим ей благодарность. Ред.

музыканта без различия положения или имени. При его безграничной преданности музыке он любил разделять с другими ее почитателями слушание хорошей музыки. Музыкальные собрания в доме Александра Сергеевича Танеева считались важным событием. Известные певцы и певицы, пианисты, скрипачи, струнные квартеты, хоры и т. д. считали для себя большой честью исполнять концерты в его доме. Привлекало их не имя или положение Танеева, а аудитория, состоящая из высоко любящих музыку людей. Имена и положения не принимались во внимание, когда рассылались приглашения на концерт. Принималось во внимание только знание музыки и любовь к ней. Исполняя, артисты чувствовали единство со всеми слушавшими. Вторая причина была отношение Танеева — для него всякий музыкант был таким же гостем, как и приглашенные. После концерта обычно все ужинали, высокопоставленные гости и музыканты.

Такие же интимные собрания бывали во время завтрака, когда отец располагал более свободным временем. Приглашались русские и иностранные знаменитости. Я помню сидящих за столом Балакирева, Лядова, Аренского, Ляпунова, Сафонова, дирижеров Mahler'a, Mottl'я, Schuch'a и Никиша.Бывали пианистка Ванда Ландовская, Леопольд Ауэр, Шаляпин, и часто наш родственник знаменитый Сергей Иванович Танеев. С. И. Танееву всегда подавались специально его любимые блюда. Балакирев был очень уютный человек. Лысый и с бородой, он любил детей, и мы, дети, отвечали ему тем же. Он даже посвятил нам песенку и подарил нам этот манускрипт. Балакирев был тогда уже очень известным композитором и прекрасным пианистом. Помню, как он и Сергей Иванович Танеев чудесно играли на двух роялях. Балакирев был главой "дворцовой капеллы" — прекрасного хора мальчиков и мужчин.

Артур Никиш, который был непревзойденным дирижером, считал, что быть дирижером большая привилегия, ибо он играет на самом совершенном инструменте — симфоническом оркестре. Действительно, было впечатление, что не музыканты играют для него, а что он объединяет весь оркестр в единый голос. При этом Никиш был интересным рассказчиком. Я помню его рассказ о репетициях в Вене, где он впервые дирижировал оперой

Вагнера и Патетической симфонией Чайковского. Когда дошли до части Полет Валькирий, к нему явилась делегация скрипачей и доложила, что некоторые пассажи невозможно сыграть в указанном темпе. На это Никиш ответил, что если один скрипач пропустит ноту, а другой ее сыграет, смысл музыкальной мысли не изменится. Что касается симфонии Чайковского, то затруднений больше было в счете во второй части, где вместо 6 (6 forth) счет 5 (5 forth). Чтобы заставить музыкантов считать правильно 5, он заставил их под музыку Чайковского петь по-немецки "ein glass bier vor mir" (один стакан пива передо мной). По-немецки как раз счет 5.

Професор Ауэр не только был знаменитым скрипачом, но создал целую плеяду скрипачей — Эльмана, Цимбалиста, Полякина, Пиастро, Цицилию Хансен, а самым его любимым был Яша Хейфец. Он им гордился, он его оберегал. Однажды он привел его к моему отцу. Яша Хейфец был мальчик, но уже играл божественно. Слушали его с восторгом, удивлением и умилением.

В моей ранней молодости я играл на виолончели, но через некоторое время перешел на скрипку. Когда мой отец о моем решении сказал Ауэру, то Ауэр ответил, что я по возрасту запоздал, но что если у меня такое большое желание, то он рекомендует брать уроки у его ассистентки Гомевецкой. Переход от техники игры на виолончели к скрипке было не легкой задачей. Тем не менее через некоторое время моя учительница Гомевецкая захотела, чтобы профессор Ауэр меня прослушал. Она хотела показать, насколько я прогрессировал. Мы пошли в его студию. Комната, в которую мы вошли, была полна ожидающих своих экзаменов, что меня не очень ободрило. Посередине комнаты стоял пюпитр с партитурой для экзаменующихся. Когда я сыграл, профессор Ауэр сказал "aber es ist doch ganz rein". И я и моя учительница были обласканы.

Самый знаменитый концерт в доме моего отца состоялся по случаю исполнения партитуры Палестрины (1594), которую мой отец нашел в Риме. Называлась она "Missa Papae Marchelli". В этот день зала нашего дома была заполнена хором Архангельского, солистами, маленьким оркестром и органом. Музыка

была божественной, исполнение выше похвалы. Эта Missa исполнялась в Петербурге впервые.

Будучи сам музыкантом, Александр Сергеевич Танеев хотел, чтобы его дети понимали и любили музыку. Для этого он брал нас не только на все симфонические концерты, но даже на репетиции. Я всегда сидел рядом с отцом, у которого всегда была партитура. Потом он передавал партитуру мне, чтобы я слушал внимательно. Я должен был переворачивать для него страницы, и, если ошибался, вызывал его неудовольствие. Это было особенно трудно во время исполнения Вагнеровских опер, когда приходилось принимать во внимание купюры. Помню, когда мы вышли после концерта пианиста Бузони, который исполнял концерт Бетховена 5 "Emperor", я сказал отцу, что такого мастера, такого изумительного исполнения я никогда не слышал. На это отец сказал "но ты не слышал Антона Рубинштейна". Потом он улыбнулся и добавил, что когда он со своим отцом как-то возвращался после концерта, он был в таком же восторге, как и я, а его отец сказал "да, но ты не слыхал Листа".

В январе (26-го) 1918 г. (уже при большевицком режиме) музыкальный критик Николай Бернштейн написал некролог по случаю смерти Александра Сергеевича Танеева:

"Петроградское эхо", пятница 26 января 1918 г.

Памяти творца "Мести амура" (к скоропостижной смерти А. С. Танеева). Танеев считал себя последователем так называемой новой школы русской музыки, как и Вагнеровской школы. Он обладал не только благородным вкусом, но и вооружен был большим знанием музыкальной теориии и оркестровки. Создатель баллады "Алеша Попович" получил отличное музыкальное образование. Он, видимо, сильно любил музыку. Эта любовь, впрочем, чувствуется в каждом созданном им произведении, в его тщательной отделке каждой детали. Все его забыли, особенно, артисты, которые так ему обязаны. Ведь не так давно, когда праздновалось 25-летие его композиторской деятельности, артистический комитет Петроградской консерватории преподнес ему почетный диплом. После исполнения в Мариинском театре его оперы "Метель" — критики с похвалой отозвались в печати. Говорю я не потому, что по

традиции об умерших полагается говорить только хорошее, но скорее, чтобы подчеркнуть человеческую неблагодарность и несправедливое отношение к этому композитору. Его положение в Государственной иерархии затрудняло его музыкальную деятельность. Одни льстили ему, другие хотели демонстрировать свою "независимость". Александр Сергеевич Танеев создал две оперы: "Месть Амура" и "Метель", три симфонии, две музыкальные сюиты, "Hamlet" — увертюру, симфоническую балладу "Алеша Попович", несколько квартетов для струнных инструментов, концерт для рояля и несколько романсов".

Незадолго до I войны мой отец начал работать над новой оперой "Oedipus Rex" (Цар Эдип). Главную роль он писал для Шаляпина. В тяжелые дни войны эта работа его отвлекала. Я помню, когда во время моего короткого отпуска из армии, я видел, как он исправлял партитуру в 30 листов. Не знаю, какая судьба постигла этот манускрипт. Возможно, все утеряно, как и многое другое. Во всяком случае, Шаляпин приходил просмотреть и прорепетировать арию, предназначенную ему. Отец прислушивался к мнению Шаляпина.

Кроме малой популярности музыки моего отца, упоминаемой Николаем Бернштейном, можно еще прибавить следующее. В то время, как он занимал высокое положение в Петербурге и посвящал музыке все свободные часы, в Москве его знаменитый родственник Сергей Иванович Танеев был не только музыкантом по профессии, но, быть может, самым большим авторитетом по теоретическим вопросам музыки во всей России. Блестящий пианист, одно время директор Московской консерватории, он был кроме того большим композитором. Было естественно, что представление о "музыке Танеева" всегда ассоциировалось с Московской знаменитостью. И, в соответствии с тем, что говорит в своем некрологе Н. Бернштейн ("они хотели показать свою независимость") — и говоря о Петербургском и Московском Танеевых многие отзывались о Петербургском с пренебрежением. Так например, Сабанеев в биографии Сергея Ивановича Танеева, изданной в Париже в 1930 году, говорит о моем отце: "Александр Сергеевич Танеев — любитель-композитор, но при этом главноуправляющий Его Величества Канцелярией и отец Анны Вырубовой". Сабанеев,

вероятно, не знал, в каких дружеских отношениях были оба Танеевы. Сергей Иванович постоянно, будучи в Петербурге, бывал у моего отца. Мы, дети, очень любили "Московского дядюшку", он всегда был с нами веселый и добродушный. Мои последние о нем воспоминания относятся ко времени до I Войны. Я был в Москве, в отеле, и практиковался на "немой" (mute) скрипке. Меня в это время посетил Сергей Иванович, который очень заинтересовался моей немой скрипкой. Скрипка построена так, что играющий слышит ее, а звук дальше не идет. Это дает возможность практиковаться не беспокоя окружающих. Кроме преданности музыке при своем музыкальном образовании отец мой интересовался самыми различными проблемами науки. Когда он был студентом на юридическом факультете С. Петербургского университета, он организовал философский клуб. В этом клубе собирались студенты и занимались исследованиями различных философских проблем и обменом мыслями . Кроме того отец занимался ботаникой. Он собрал редкие растения в центральной России для Ботанического сада в С. Петербурге. После его смерти была найдена тетрадь, где говоря об орнитологии он старался записать нотами пение разных птиц.

МОЯ СЕСТРА АНЯ

Во время войны в начале 1915 года стали распространяться унизительные сплетни вокруг моей старшей сестры, что огорчало и немало волновало мою семью. Я постараюсь быть совершенно беспристрастным, анализируя причины и цели таких сплетен.

Анна была старшая из детей, она была толстенькая, очень подвижная, хорошо играла в теннис. Помню, в дни нашей ранней молодости я и она выиграли состязание на итальянских пляжах Лидо. Она не обладала особым артистическим талантом, как моя младшая сестра Александра, но получила музыкальное образование и имела приятный голос сопрано, она была ученицей профессора Ирецкой. От семьи она унаследовала простоту и религиозность, простоту или простодушие, то, о чем говорил апостол Павел (I соч. III, 19) — Мудрость света для Бога безумна. Ее религиозная вера была непоколебима. Она

еще усилилась во время ее болезни, когда ей было 15 лет. Больна она была тифом, причем болезнь осложнилась воспалением легких. Врачи потеряли надежду спасти ее жизнь. Моя сестра пишет в своей книге "Memoires of the Russian Court" (Анна Вырубова, Mc Millan Co, N-Y, 1923): "Во время моей болезни я видела сон, что отец Иоанн Кронштатский явился мне и сказал не отчаиваться, что все будет хорошо и что я буду здорова. Отец Иоанн Кронштатский, которого многие считали святым, был два раза в нашем доме во время моего детства. Он произвел на меня неизгладимое впечатление, и во время моей длительной и мучительной болезни мне казалось, что знающие врачи и преданная и внимательная сестра милосердия, которая ухаживала за мной, не могут мне помочь. Я как-то умудрилась дать понять моим родителям, что я хочу отца Иоанна Кронштатского. Немедленно ему была послана телеграмма. Как только до него дошло известие, что в нем нуждаются, он прибыл в Петергоф. Как во сне я чувствовала его прибытие, и когда он появился, без всякого удивления приветствовала его движением руки. Он опустился на колени у моей кровати, покрыл меня углом епитрахили и молча молился. Потом он встал, взял стакан воды и к ужасу моей сестры милосердия окропил меня и постель и сказал: Прошу спать. Почти немедленно я заснула и проснулась на второй день, чувствуя себя много лучше".

Выздоровление было длительное, но в результате Аня стала очень привлекательной, потеряла вес и стала стройной. Вскоре начала выезжать и на балах имела большой успех. Через год она была пожалована во фрейлины. При русском дворе были фрейлины, которые жили при дворе и получали жалованье от императрицы, обе императрицы имели по четыре фрейлины. Вторая группа была так называемые "городские фрейлины", которых было гораздо больше и которые получали этот титул по заслугам своих родителей, оказавших услуги государству. Они не получали никакого жалованья, их привилегией было присутствовать во дворце при приемах, они носили бриллиантовую брошку с инициалами царствующей императрицы. Право носить брошку сохранялось за ними и после потери службы в связи с замужеством. Императрица Александра установила правило привлекать городских фрейлин к работам в случае, если какая-

нибудь фрейлина была больна или отсутствовала. Таким образом моя сестра Анна впервые познакомилась с императрицей.

Отношение сестры к императрице была искренняя и дружеская привязанность, какая бывает между двумя женщинами, тем более, что в лице императрицы Александры Анна Вырубова видела женщину старше себя, вооруженную развитым интеллектом, опытом и сильной волей. Возможно, что искренность и простота, которой обладала Анна, помогли создать такую дружбу. Среди приближенных императрицы с их преувеличенным и официальным отношением к ней в соответствии с этикетом двора, сестра Аня была неуклюжа и слишком искренна. Как раз эти качества заинтересовали императрицу.

Замужество сестры не было счастливым. Александр Вырубов был милым человеком, обладал чувством юмора. Возможно, унаследовал нервность и неустойчивость, которыми страдали многие в его семье. Эта нервность усугубилась после того, когда во время Японской войны он как морской офицер участвовал в Цусимском бою. Когда судно его было потоплено, он много часов боролся за жизнь в воде, хватаясь за разные обломки корабля. Они прожили года два вместе и развелись. Он много времени был в санатории и впоследствии женился, был счастлив и создал семью. Интересно, что задолго до своей смерти он написал моей сестре, прося простить ему то, что он ей причинил. Я очень ценю и уважаю его за этот жест, не многие обладают мужеством признать себя виновными вслух. Сестра же стала одинокой, и это одиночество все усиливалось, и дружба с императрицей поэтому стала еще большей ценностью.

Рядом с чувством безграничной преданности царствующей семье объединял ее с императрицей интерес к музыке. Анна, выросшая в музыкальной атмосфере в доме своего отца, посещавшая концерты и впитавшая в себя преданность и любовь отца к музыке, любила и понимала это высокое искусство. Анна, не будучи хорошей пианисткой или певицей, обладала приятным сопрано и пониманием серьезной музыки. Эти ее качества привлекали императрицу, у которой был альт. Их обоюдным удовольствием было петь дуэтом.

В 1915 году, возвращаясь из Петербурга в Царское село сестра оказалась жертвой железнодорожного крушения и, несмотря на то, что была перевезена в личный госпиталь императрицы, на всю жизнь осталась калекой.

С самого своего приезда в Россию императрица Александра не была счастлива. Старый двор вдовствующей императрицы и многие причастные к этому двору люди были настроены к ней враждебно. Ее врожденная застенчивость еще больше усугубляла такое к ней отношение. В самом начале своего царствования императрица Александра организовала общество "Трудовая помощь", где она была почетной председательницей, а мой отец президентом. По этой должности мой отец обязан был еженедельно докладывать императрице о деятельности "Трудовой помощи". Своим терпением и деликатностью он преодолевал ее застенчивость, и после доклада она становилась с ним более разговорчивой. Зная многие отрасли наук он рассказывал ей что-либо, давая время отойти от напряженности. В один прекрасный день она сказала, слегка покраснев: Я хочу показать вам моего младенца, и принесла на руках своего первенца — это была кн. Ольга. И потому возможно, что когда она должна была выбрать из городских фрейлин заместительницу своей, она выбрала Анну, помня, что она дочь моего отца. Когда царствующая семья совершала плаванье на императорской яхте, моя сестра была при императрице. Государыня сказала ей: Я благодарю Бога, что мне послан друг.

При дворах всегда процветают ревность, интриги и сплетни. Возможно, что критическое отношение к моей сестре началось потому, что ничем не блещущая, простая по всему девушка с каждым днем становилась ближе к царской семье. Императрица Александра была лютеранкой. По закону, став женой наследника русского престола, она должна была стать православной. И, как часто случается, стала более православной, чем рожденные таковыми. Для нее и аскетизм православной церкви, и всякая литература на эти темы стали интересны и привлекательны. Анна Вырубова, воспитанная в религиозной семье во время нашего пребывания в имении Рождествено, была свидетельницей простой веры и преданности церковным службам, веры в благословенность полей и т. д. Будучи в изгнании в Сибири

императрица написала моей сестре, цитируя Святого Серафима: "когда упрекают — будь терпелив, когда клевещут — радуйся, когда пригвождают — утешайся . Это твой путь и мой".

Первые шаги императрицы Александры в России были омрачены смертью Александра III, бесконечными панихидами, похоронами, враждебным отношением двора вдовствующей императрицы Марии Федоровны и т. д. Кроме кратких периодов жизнь ее становилась все трагичнее. Особенно со времени болезни единственного сына, страдающего гемофилией — наследие Гессенского дома. Наследник страдал кровоизлияниями. Одновременно моя сестра после счастливого детства, познала горечь неудачного замужества и привязалась к несчастной и трагической жизни своей императрицы. Дружба связала этих двух женщин — императрицу всея России и неопытную девушку общества.

Болезнь наследника побудила императрицу принять совет великой княгини Мелици Николаевны, жены великого князя Петра Николаевича (двоюродный брат императора Александра III) обратиться к помощи целителя многих недугов Григория Распутина. Она сказала Анне Вырубовой попросить Мелицу Николаевну устроить свидание с этим странным и необыкновенным целителем болезней. Вот что было поводом к сплетням, что моя сестра привела Распутина в Императорский дворец. Распутин приобрел полное доверие царицы, и она и моя сестра стали подвергаться грязным сплетням. Все это подхватывали и раздували те, которые знали, что позоря царствующий дом можно облегчить его свержение.

Моя сестра в своих мемуарах говорит: "Я слышала, что я родилась в Германии и что меня выдали замуж за русского морского офицера, чтобы затушевать мою национальность. Я читала, что я сибирская крестьянка, привезенная для восхваления Распутина". Подобная небылица проникла даже в мемуары Фон Бюлова. Он пишет, что Анна Вырубова была женщина "класса Распутина". Подобные сплетни о моей сестре показывают полное незнание или злостную ложь. Опровергнуть это можно только генеалогическими данными, что я проделал в конце моих воспоминаний. Главные обвинения были, что по своему происхождению она не имела права быть при дворе,

второе (во время войны), что она была немецкого происхождения и принимала во внимание интересы врагов. Эти ложные обвинения подхватывали политиканы и даже некоторые люди из общества, которые в своей ненависти забывали, что знали ее с детства. Все это привело к убийству Распутина, сибирского мужика, группой аристократов, утопавших в роскоши и ищущих возбуждающих эмоций.

Во время войны Германия только радовалась событиям, подрывающим престиж русского Правительства. Когда Государственная Дума добилась отречения императора, она подготовила почву для торжества большевиков. Так называемое Временное Правительство, возглавляемое кн. Львовым, а потом Керенским, образовало Высший Комитет для расследования преступных деяний Императорского правительства и, как тогда говорили "темных сил". В комиссию входили профессиональные адвокаты, все левого направления и враждебно настроенные к Императорскому правительству. Во главе комиссии стоял Муравьев. Комиссия была вооружена правами арестовывать, обыскивать, сажать в тюрьму, просматривать корреспонденцию и т. п. В. М. Руднев был назначен специальным главным следователем действий министров и всех лиц при царском дворе. Я хочу привести слова самого Руднева из его расследования о моей сестре.

"Слыша об исключительном влиянии при дворе г-жи Вырубовой, об ее отношении к Распутину, читая в прессе и слыша, что о ней говорили в обществе, я всему верил и должен честно сказать, что когда я пошел в Петропавловскую крепость ее допрашивать, я был полон недоверия и очень настроен против нее. Неприязнь продолжалась до момента ее появления в сопровождении двух солдат. Когда она вошла я был поражен выражением ее глаз, в которых было больше, чем земное смирение. Первое впечатление было подтверждено дальнейшим разговором и допросом. Стало ясно — она не могла иметь никакого влияния, ни политического, ни домашнего. Это было видно, во-первых, по ее чисто женскому подходу ко всем политическим событиям, и во-вторых, по ее неспособности держать что-либо в секрете, даже скрывать факты против себя же. Я стал убежден, что если ей доверить секрет, это означало бы разглаше-

ние повсюду, потому что если было что-нибудь важное, она считала, что нужно, чтобы об этом знали не только друзья, но и враги. Мое мнение о моральных качествах Вырубовой на основании ее допроса, что у нее совершенно всепрощающее христианское отношение к тем, кто причинил ей столько страданий во время ее пребывания в крепости. О том, как ее мучили, издевались и причиняли ей страдания, я узнал не от нее, а от ее матери. Только во время следствия она подтвердила слова своей матери. При этом с каким-то удивительным выражением сказала, что ее мучителей нельзя строго судить — они не понимали, что делают. Ей плевали в лицо, били по голове и туловищу, называли ее любовницей Государя и Распутина, срывали с нее одежды, угрожали убить эту больную женщину, которая могла двигаться только с костылями. Все это было исследовано комиссией и она была передана в дом для заключенных, бывший дом директора жандармерии".

Таково было официально написанное донесение адвокатов, врагов царского режима. После ее ареста в доме моей сестры был произведен обыск, и это было не при большевиках, а при "либеральной власти". "Я не могла вернуться в свой дом в Царском Селе, — пишет сестра, — После моего ареста он был передан в распоряжение полиции, чтобы найти матерьял против меня. Не только все было проверено, но все, что имело какую-либо ценность, было просто разграблено. Мой старый слуга Берчик, преданный, честный, который 45 лет служил в моей семье, рассказал, что ему предложили 10 тысяч, если он даст показания против меня и императрицы. Когда он возмутился, то был арестован. Тем временем были сняты ковры, подняты доски пола в моей спальне, спрашивали Берчика, где секретный ход во дворец, где проведены телефонные и телеграфные провода в Берлин, где потаенные столы и другие небылицы. Очень хотели найти винный погреб и были весьма озлоблены, что такого у меня не оказалось. Они захватили письма, бумаги. Под конец обыска приказали моей кухарке приготовить еду. Захватив все мое серебро они удалились". Трудно представить, но это было не при большевиках, а при либеральном Временном Правительстве.

В августе 25, 1917 года за номером 3285 Высшая Комиссия выдала Анне Вырубовой сертификат, гласящий "Это удосто-

верение выдано Анне Александровне Вырубовой после расследования и заключения Высшим Комитетом, что нашли ее невиновной и что она к суду привлечена не будет". Выдано это удостоверение за печатью и собственноручной подписью председателя комиссии — подпись Н. Муравьева. Sapienti Sat. Казалось, что после оправдания опытными и враждебно настроенными людьми вражда к ней должна была бы угаснуть. Тем не менее среди политиканов и ее врагов в обществе неприязненность и злоба к ней продолжались вопреки разуму и совести. При Керенском она опять была арестована, на этот раз как (по мнению Керенского) контрреволюционерка. После падения Керенского и водворения большевиков, она находилась в тюрьме. Было естественно, что она должна была быть расстреляна, как и все, кто так или иначе были приближенными к царскому режиму. Но калека и почти нищая женщина оказалась для большевиков неинтересной.

Я хочу привести подробности свидания Анны Вырубовой с М. Горьким, о котором она рассказывает в своих мемуарах. "Ко мне он отнесся с симпатией. В сердце моем он вызвал надежду, когда заговорил со мной об Императоре и Императрице. Он сказал, что оба они были козлами отпущения революционеров, жертвами фанатизма тех дней. Что он изучал их комнаты во всех деталях и воочию убедился, что они не были типичными аристократами, а буржуазной семьей, сплоченной, преданной друг другу и детям и жившие согласно своим идеалам семейной жизни. Он поделился своей горечью и разочарованием в революции и в характере русского пролетариата. Он советовал мне жить тихо, скрываться от власти и от всех и по возможности, никому не давать знать о своем существовании. Ваша обязанность, он сказал, сохранить свою жизнь и посвятить ее описанию подлинной правды о жизни Императора и Императрицы".

Жизнь моей сестры с самого начала революции была сплошной мукой. Она принуждена была скрываться у разных людей. Но в сентябре 1919 года она была найдена в квартире моей матери и арестована. Опять она подверглась всяким пыткам, допросам в течение многих ночей. 7 октября под охраной солдата была отправлена неизвестно куда, быть может

— на расстрел. В эти дни она была беспомощной больной женщиной, ковыляла с трудом при помощи палки. Накануне она видела сон — отец Иоанн Кронштатский сказал: "Не бойся, я с тобой".

Когда в сопровождении солдата они дошли до Михайловской площади Петербурга, где многие трамваи скрещивались и направлялись в разные стороны, солдат велел ей стоять на месте, пока он найдет нужный им трамвай. В этот момент какой-то человек из стоящих около людей быстро вложил ей в руку деньги и шепнул — не давайся, уходи, я молюсь отцу Кронштатскому, он поможет. Моя сестра напрягла все силы и стала отходить от площади в сторону. Услышав, как солдат бежит за ней, она прислонилась к стене и молилась и давала клятву, если спасется, посвятить свою жизнь служению Богу. Солдат пробежал мимо — какое-то чудо, что не заметил ее. Так как в руках были зажаты деньги, она могла сразу взять извозчика и уехать загород. Настали дни, как затравленный зверь прятаться, голодать, страдать месяцами. В 1920 году она и ее мать, она без обуви, перешли по льду финский залив и попали в Финляндию.

Достопочтенный Президент Финляндии фельдмаршал барон Маннегхейм выдал ей сертификат. "Всем, кого это касается. Я знал в течение тридцати лет ее глубокоуважаемых родителей...". Он подчеркнул, что она искалеченная женщина, прошедшая тяжелые страдания, и что он просит всех, кто будет с ней в общении, относиться к ней с сочувствием и помогать ей. Документ этот хранится у меня. Когда моя сестра навестила Президента республики Финляндии, барон Маннегхейм, не смотря на снежную зиму и холод Финляндии, без шапки проводил ее на улицу и усадил в такси. Много ли осталось людей, которые игнорируют злостные лозунги революции! Некоторое время спустя в Финляндии моя сестра приняла "тайный постриг" и стала монашкой в миру.

Уже после того, как моя сестра опубликовала свои мемуары, в журнале, издаваемом в Петрограде, уже тогда Ленинграде, появился в печати будто бы, Дневник моей сестры. Г-н Walter Duranty, тогдашний корреспондент "N-Y Times" в Москве заявил, что дневник подлинный. Но не смотря на решение и желание уничтожить Вырубову, советы в конечном

итоге защитили ее интересы. Обратное произошло с либеральной газетой "Дни" Керенского, она опубликовала поддельный Дневник, не взирая на официальный протест самой Анны Вырубовой. Она также послала свой протест в изд. Rayost, которое издало на французском языке ее мемуары и всем заявила, что никогда не вела дневников и за всю свою жизнь написала только свои мемуары. Французы опубликовали ее протест, "N-Y Times" не опубликовал. В конце-концов советские власти обнаружили, что дневник был поддельный, и группа издавших его была арестована.

Заканчивая эти строки, я вспоминаю классическую греческую литературу. Греки в своих трагедиях говорили о трагической вине. Трагическая вина не была преступной, и быть может, герой трагедии был движим высокими идеалами, но создавшиеся обстоятельства приводили к печальному концу. В этом отношении "Голгофа" высочайшая трагедия. Возникает вопрос, в чем же была трагическая вина Анны Вырубовой? Ответ окончательный — ее безграничная преданность царской семье. В преданности моей сестры помимо ее искренней любви и привязанности присутствовало еще понимание обязанности каждого русского гражданина по отношению к монарху и его семье, понимание, что монарх и его семья — символ всей страны и что все остальное должно быть вокруг их.

Если человек совершенно убежден в правоте своих поступков, это создает в душе покой и неуязвимость для чужой критики. Моя сестра, не смотря на все пройденные страдания и унижения, освободила душу свою от всякой злобы, упреков до самых последних дней своих и обрела свободу.

С. А. Танеев

БЫТ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ

После смерти Сталина и выступления Хрущёва на XX съезде КПСС народ был дезориентирован, но постепенно начал переоценивать ценности: больше задумываться и понимать, что многолетняя борьба за генеральную линию партии — это всего лишь борьба за личную власть.

В стране начали широко проводиться всякие экономические и другие реформы. Без конца реорганизовывали министерства, многие упраздняли и тут же появлялись новые, ежегодно сокращались штаты в одном месте и расширялись в другом. В колхозах бесконечно менялись формы правления, но они по прежнему оставались нищими, а колхозники закабаленными.

При Сталине были специально выделенные показательные высокоорганизованные по последнему слову техники промышленные предприятия, на которых кроме современного оборудования, в цехах были цветы, в столовых были прекрасные по доступным ценам обеды, имелись библиотеки, детские сады. Подобно этому были показательные совхозы, колхозы, отдельные культурные учреждения, больницы и даже детские учреждения, которые должны были служить эталоном нашей действительности в глазах иностранных делегаций, которым разрешалось только их посещать в строго ограниченное время, при обязательном сопровождении специальных лиц, как правило, работников КГБ. По впечатлениям от этих учреждений посетителям следовало судить о благоденствии и прогрессе в стране.

При Хрущеве же все это было за короткое время раздуто во много раз. Каждый руководитель любого, от малого до самых

крупных учреждений старался выдвинуться вперёд, обойти своего соседа. Началось соперничество, которое зиждилось не на фактических достижениях, а на сплошных приписках, принявших характер эпидемии. Можно прямо сказать, что не было ни большого, ни малого учреждения, которое бы не лгало в своих сведениях о достигнутых успехах, способствующих победе социализма.

Собрания и политические занятия посещали только по принуждению, стараясь избежать обвинения в аполитичности. Люди разуверились во всем. Большинство населения стало вести двойственную жизнь. Каждого интересовало только его личное благополучие. Хищения государственного имущества, незаконные сделки с целью личного обогащения, взяточничество и воровство расцвело пышным цветом. Это захватило все слои населения, и это разложение зашло настолько далеко, что руководители предприятий, учреждений, колхозов как правило не могли позволить себе "роскоши" покритиковать, а тем более уволить своего подчиненного за плохую работу, нарушения трудовой дисциплины и по многим другим причинам, заведомо зная, что последний использует против него, начальника, его незаконные дела. Получался порочный круг, когда один нарушитель закона, этики и морали брал под защиту другого только с целью не быть самому уличенным.

Хорошо снабжались продуктами и товарами широкого потребления Москва, Ленинград, курортные города союзного значения — Сочи, Ялта. Туда ведь приезжали иностранцы. В то же время жители, проживающие даже под Москвой и Ленинградом и ежедневно отправляющиеся туда на работу, возвращались домой с набитыми сумками — хлебом, сахаром, маслом и другими продуктами, которых на расстоянии 30-50 километров уже купить было нельзя. Зато на месте в каждом подмосковном и других поселках и даже отдаленных населенных пунктах всегда можно найти водку и всякие вина в неограниченном количестве. В магазинах столицы выстаивали в очередях многочисленные командировочные и спекулянты, которые вывозили много продуктов, мануфактуру, одежду, обувь в различные города страны.

Интересно вспомнить случай, когда председатель и бухгалтер экономически преуспевающего колхоза были привлечены к

судебной ответственности за хищение из общественной колхозной кассы. На суде председатель колхоза пытался лавировать, возлагая всю вину на главного бухгалтера. Последний долго отрицал свою причастность, а затем рассердился и заявил, что он чистосердечно расскажет всю правду. И поведал, что колхоз является передовым, его часто посещают разные делегации в сопровождении всякого ранга начальства. Ни одно такое посещение не обходится без банкета. Он прямо на суде заявил, что инструктора и другие средней руки работники советского и партийного аппарата требуют самых лучших вин и закусок в достаточно больших количествах, особенно вин. При этом они никогда не интересовались их стоимостью и кем это оплачивается. И он, бухгалтер уже устал конфликтовать с председателем, и не устояв перед его требованиями, начал на это выдавать деньги из кассы колхоза. Вот это и есть причина расхищения общественных колхозных средств. Конечно, руководители остались в стороне, а бухгалтер в тюрьме.

Простому народу тоже надоело жить в нужде, тем более, имея постоянно перед глазами пример райской жизни элиты. Всем стало ясно, что если жить честно на нищенской государственной зарплате, то будешь прозябать так всю жизнь, и никто о тебе не вспомнит и не проявит заботы о твоем благополучии.

Постепенно каждый начал находить для себя дополнительный источник доходов. Можно прямо сказать, что в настоящее время почти нет предприятия, откуда не выносятся какие нибудь мелкие детали машин, части готовой продукции, а затем дома собирают телевизоры, транзисторы и другое. На трикотажных и текстильных фабриках выносят т. н. образцы тканей, пряжу, нитки и готовые изделия. Но все-таки пальму первенства держат в этом отношении предприятия пищевой промышленности.

Обвес и обсчет граждан при покупке любых продуктов стали повседневным и обычным явлением, или вернее, нормой работы торговых работников. Мне в г. Одессе пришлось услышать в Гастрономе такой диалог: "Вы неправильно взвесили и меня обсчитали". Продавец с возмущением отвечает: "если бы вы нас не обманывали, откуда же взяли бы деньги покупать эти продукты, не из зарплаты же?!". А спокойно стоящая рядом благо-

воспитанная на вид дама уточняет: ведь всем жить надо!

И вот так, ежечасно, ежеминутно идет обман друг друга. Часть людей прибегает к этому дополнительному "заработку" для удовлетворения повседневных потребностей, а менее скромные — для обогащения.

На большинстве предприятий и учреждений, особенно там, где преобладает женский труд, постоянно происходит бойкая торговля всем, что производится в стране и даже за рубежом. Работающие женщины могут на месте у себя на работе приобрести все, что им нужно, начиная от мяса, рыбы, колбас, шоколада, модельной обуви, отрезов материала, готового платья, белья, мехов и др. — все, что трудно или вовсе невозможно купить в магазинах. Все это выносится из складов, баз и для взаимного удобства продавцов и покупателей доставляется на дом или по месту службы почти во всех городах страны.

Примеров аморальности ответственных работников можно привести немало. Стоит рассказать о случае, когда видный партийный работник, любитель азартной карточной игры, проиграл весьма крупную сумму коммунисту в военной форме с высокими знаками различия на погонах. И вот для уплаты карточного долга он нашел оригинальный выход из создавшегося положения. Через секретаршу срочно были вызваны директора крупных магазинов города, он доверительно им рассказал о затруднительном положении, в котором оказался, и что требуется их немедленная помощь. Все переглянулись и молчаливо решили, что долг чести должен быть погашен, и деньги своевременно были доставлены. И этот партийный босс спокойно мог продолжать свою деятельность, а директора магазинов знали, что в накладе не останутся, они с лихвой восполнят выданные ему деньги.

До еще большего падения дошли другие руководители. Как известно, проблема жилья везде в стране является одной из важнейших. Решение ее сосредоточено в руках городских хозяев. Кооперативное строительство приняло большой размах и выросло в такую же большую спекуляцию. Редко люди, занимающиеся квартирами, придерживаются устава кооператива. Оборотистые товарищи, как правило берут это дело в свои руки и действуют надлежащим образом. Они продают квартиры

направо и налево. Им никто не указ. Начальство не без корысти подписывает им все документы. Развелись посредники, которые неожидано являются скажем к родителям, давно внесшим деньги на кооперативную квартиру для своих детей молодоженов, которая совершенно не продвигается вперед, а наоборот, все отдаляется по каким-то "объективным причинам". Когда же они с возмущением обращаются с жалобой на нарушение сроков очередности в получении квартиры, и что из-за этого задерживается брак детей, посредник немедленно берется уладить эти конфликты. Он объясняет, что все, что делается, законно и никакие жалобы не помогут, лучше дать для начальства некую довольно солидную сумму и тогда не через один-два года, а в пределах месяцев квартира будет, и можно сыграть свадьбу.

Аналогичное положение наблюдается и при распределении государственных квартир. Господа начальники, не задумываясь при любом удобном случае обогащаются, не брезгуя при этом использованием своего служебного положения в корыстных целях, и в обход закона просто продают квартиры. До сих пор еще немало людей живет в подвалах и даже в трущобах, они годами стоят в очереди по месту работы на получение квартиры, но просьбы и жалобы не помогают. Начальство объясняет, что квартир строят мало, а нуждающихся много. Приходится платить им или терпеть годами.

Приблизительно такое же положение с получением высшего образования. Средние школы ежегодно выпускают большое количество молодежи, многие из них желают поступить в институты, особенно еврейские юноши и девушки, потому, что только диплом может обеспечить им относительно приличную работу. И вот, поступление в специальные средние, а особенно высшие учебные заведения тоже стало предметом купли-продажи. Через маклеров, а нередко и непосредственно из рук в руки, ректор получает крупную сумму денег, чтобы при поступлении в институт, около фамилии оплаченного абитурента не стояла зловещая галочка — что "его нужно зарезать". Довольно часто в эти дела вмешиваются ответственные партийные и советские работники. Они якобы справедливости ради, с высоты своего поста, дают устные указания принять такого-то. Все это выполняется беспрекословно, а затем хорошо оплачивается родителями.

Таким же образом делаются переводы студентов из Сибири, Читы, Новосибирска, Иркутска, Красноярска и других отдаленных от центров страны мест в средние города. Все это широко практикуется во всей стране. Не остаются в стороне и военные, которые за особую плату находят отдельных вполне здоровых юношей непригодными к службе в армии. Прямое вымагательство тоже на вооружении чиновничества. Все средства хороши, лишь бы побольше денег, лишь бы разбогатеть! К молодоженам, занимающим неплохую комнату у родственников, являются работники городского совета и заявляют им, что они эту площадь заняли незаконно и требуют ее немедленно освободить. Никакие юридические доказательства не помогают. В момент наибольших волнений появляется незнакомый, скромного вида человек и говорит, что спорить и доказывать здесь бесполезно, что мол они не дети и должны понять, что уж если комната понадобилась начальству, начальство ее получит. Не лучше ли все урегулировать по хорошему. Для этого нужно только уплатить столько-то денег, и комната будет предоставлена.

Весь народ ведет двойственную жизнь, почти каждый в меру своих сил и способностей повышает свой жизненный уровень путем незаконных, часто преступных заработков. При этом народ и его руководители лицемерят, восхваляя социалистический строй и марксизм-ленинизм, сами давно в нем разуверившись. Высокостоящие чиновники могут тратить для себя лично огромные средства за счет бедноты. Причем многие из них отдают себе отчет в том, что это продолжаться вечно не может и стараются обеспечить себя на черный день. Некоторые министры, отдельные высшие партийные и советские деятели вовсе не отказываются от весьма дорогих, соответствующих их рангу подношений, многие действуют методом накопления богатств через подставных лиц.

На международных выставках, как правило демонстрируется все лучшее, что производится в стране, в том числе прекрасные сервизы, гарнитуры мебели, ковры, меха и др. В дальнейшем все это возвращается в страну и многое списывается. А изворотливые хозяйственники с согласия некоторых министров или их заместителей, все это через доверенных лиц

продают и за вырученные деньги скупают драгоценности и нередко валюту. Даже делаются попытки переправить добро за кордон, чтоб еще лучше сохранить. Это фарисейство уже давно никого не смущает, каждый только думает, как бы побольше себе отхватить.

В послехрущевские времена лицемерие, ложь и двойственность в поведении каждого жителя "первой в мире социалистической страны" продолжает быть обыденным явлением. И если лицемерие простых труженников легко объяснить тем, что сомнение в святости режима карается строго и незамедлительно, то объяснить заведомую ложь правителей можно только желанием подольше удержаться у власти — желанием, ничего не имеющим общего с благом народа. В сталинское время задавленный народ нищенствовал, прозябал в трущобах, мирился с этим и притом повторял лозунг — "жить стало лучше-жить стало веселее". Перешагнув во вторую половину XX столетия, испытав тяжелые лишения второй мировой войны, побывав в Европе и чуть приглядевшись к образу жизни рабочего и среднего классов в "проклятом загнивающем капиталистическом мире", люди уже не могут и не желают принимать, как должное, подмену истинного благополучия трескотней газетных передовиц, не могут бездумно закрывать глаза на вопиющую разницу между словом и делом в жизни страны.

Это рождает неудовлетворенность и оппозицию. Абсолютное большинство населения потеряло веру и интерес к политике партии и правительства, проявляет все больше потребительских тенденций. Почти никакой заинтересованности в труде, безразличное и порой безответственное отношение к своим обязанностям. Поневоле посещаются нудные собрания, где никто не слушает избитые фразы о превосходстве марксистско-ленинской идеологии, благодаря которой партия и народ достигли величайших успехов. Большинство на таком собрании занимается своей частной беседой и только послушно голосует за неинтересующую его, а порой и неуслышанную им резолюцию. И поскольку отсутствующие "идеалы" требуется чем-либо заменить, то советскому трудящемуся великодушное правительство предлагает как отдушину пьянство. Верхушка

хорошо понимает, что 250 миллионов человек невозможно держать в постоянной узде в трезвом состоянии. Все в стране находится в состоянии упадка. Автодороги примитивны, нехватает жилья и товаров широкого потребления. Промышленность за исключением военной отстала от капиталистической. Моральный износ ее очевиден. И с целью обновления оборудования и внедрения новых отраслей промышленности приходится прибегать к договорам с капиталистическими странами, народу при этом делается разъяснение, что, дескать, преследуется цель обеспечить занятость рабочего класса той страны, с которой заключается договор.

Как и раньше во всех городах, поселках, магазины и оптовые базы и склады завалены товарами не имеющими спроса, а самого необходимого нет. Сельские жители в настоящее время живут лучше. Истины ради нужно признать, что за последние годы государство направило в колхозы немалую технику, широко стали внедряться химические удобрения. Повысилась урожайность хлебных культур. Уменьшились налоги на каждую усадьбу. Выплачивается зарплата и пенсия как и в городах, но как и во всей стране, здесь тоже царит обман и лицемерие. Председатели колхозов теперь не забитые малограмотные активисты, как это имело место в прошлом, а люди все больше с высшим образованием и нередко даже с учеными степенями. Понемногу они разбираются в агротехнике, бухгалтерии и, главным образом, в торговле. Первостепенная задача — во-время посеять, снять урожай и в срок, а еще лучше досрочно сдать государству хлеб за гроши, затем начинается подсчет, что можно вывезти в большие города для продажи по высоким спекулятивным ценам. Это — главная статья дохода, за счет чего можно выплатить колхозникам мизерную зарплату, купить у тех же колхозников молодняк и показать в отчетах, насколько они увеличили свои колхозные стада благодаря социалистическому отношению к труду.

Относительное материальное благополучие не пришло к колхозникам за счет правильной организации труда и рентабельности колхозов. До сих пор на полях советской родины трудится во много раз больше человек чем в Америке, которые производят значительно меньше продуктов, чем там.

В большинстве городов страны, кроме может быть крупных центров, можно наблюдать, как на рынках с ранней весны т. н. "частники" продают свежие овощи, ягоды, зелень по дорогим ценам, доступным только высокооплачиваемым слоям населения. И так как эти товары в магазинах появляются значительно позже и в очень неприглядном виде — лежалые, неопрятные и несвежие, то население вынуждено покупать на рынке по спекулятивным ценам у обогащающихся колхозников-частников.

Так тянется круглый год. Осенью, когда с колхозных полей снимается даже обильный урожай, можно видеть на полках магазинов огромные корнеплоды, годные только для скармливания скоту. Картофель, наоборот мелкий, мокрый, покрытый землей и даже приморожденный. Поэтому большинство городского населения вынуждено все-таки покупать на частном рынке. Колхозники выполняют минимум трудодней, а все остальное время работают на своем приусадебном участке, выращивая те фрукты и овощи, которые имеют больший спрос и дают прибыль. Обеспечив государственные поставки колхозная верхушка занимается незаконной, но выгодной для себя торговлей, самоснабжением и обогащением. Она закрывает глаза на то, что колхозники с полей забирают к себе в кладовые значительную часть урожая, перепродавая его потом на рынке. Таким же образом они обеспечивают кормами свой домашний скот и птицу. Все хорошо усвоили, что можно поменьше работать и побольше забирать себе. Все это происходит безнаказанно. Это стало общим явлением. Главное, чтобы выполнялись государственные поставки и своевременно об этом торжественно рапортовать вышестоящему начальству.

Систематически проводится политическая учеба, главными темами которой являются "воспитание социалистического отношения колхозников к труду и сохранение государственной собственности". Как и в городах, крестьяне в принудительном порядке посещают эти всем надоевшие собрания, делая вид, что они верят в эти басни. А фактически все стемятся только к обогащению и многие в этом немало преуспевают. Предприимчивые председатели колхозов совместно с бухгалтерами, отправляя в магазины и на колхозные рынки свои продукты

учитывают только часть их, а другая часть идет тоже туда же только как "левая продукция". Иначе говоря, за первую половину вырученные деньги идут в колхозную кассу, а за вторую в карманы руководителей колхозов и торговцев, реализующих колхозные продукты.

Пьянство в стране приняло настолько широкий размах, что почти в каждой избе и во многих городских домах варят самогон. Много издано тайных и явных указов, правительственных постановлений о борьбе с самогоноварением и строгих мерах наказания, но фактически все это делается открыто и почти никто за это не привлекается к ответственности.

Страшно подумать, насколько продажность, формализм и бюрократизм проникли во все поры советской действительности. Во всех учреждениях можно видеть праздношатающихся людей или наоборот, работников, суетящихся, делающих вид кипучей деятельности, а на самом деле ничем не занимающихся. Даже в министерствах можно наблюдать, как утром во-время пришедшие на работу чиновники начинают делиться с сослуживцами тем, как они добрались на работу, какие были происшествия и приключения в автобусах, обсуждать программу телевидения накануне, наконец, новости спорта и международное положение. А за дверью посетители ждут, пока их примут. Часа через полтора-два начинается чаепитие, между столь производительной работой принимается 1-2 посетителя, печатается пара бумажек и вот уже все ждут обеденного перерыва, чтобы успеть сбегать в магазин за покупками для дома, а мужчинам выпить стаканчик другой. А затем повторение утреннего разговора о сделанных в перерывах покупках, встречах. Между этими разговорами вызовы к начальству, деловые совещания — и так проходит день за днем.

Существует закон о всеобщем обязательном и бесплатном начальном, а теперь уже и среднем образовании. Много университетов и педагогических институтов готовят учителей. Однако качество учебы в школах находится на довольно низком уровне. Мариэтта Шагинян дает самую отрицательную оценку уровня знаний школьников в результате плохого качества преподавания. Она говорит о недостаточной подготовленности

учителей, их перегрузке, а также перегрузке программ ненужными предметами. Педагоги сами мало читают и совсем не прививают умения и любви к чтению детям. Но зато педагог является ответственным за показатели успеваемости у своих учеников. Это расхолаживает многих детей, они знают, что к ним будут прикреплены лучшие ученики и педагог все равно поставит удовлетворительную оценку, иначе он сам будет привлечен к ответственности, как не обеспечивший высокую успеваемость своего класса. В старших классах наблюдается большой ажиотаж. Сынки и дочери высокопоставленных папаш обязательно должны быть отличниками, а то и медалистами. Многие ловкие мамаши делаются активистками, занимаются общественной деятельностью в школе, обеспечивают подготовку и оформление всех праздников. В первую очередь занимаются сбором денег у родителей для подарков педагогам. Лучшие подношения получают те педагоги, в которых данная родительница заинтересована. И в жизни школьной молодежи, у старшеклассников та же двойственность, тот же разрыв между жизнью и преподносимой им с трибуны ложью об идеальном социалистическом обществе. Лозунги и действительность противоречат одно другому, поэтому молодежь мало проявляет интереса к окружающей жизни. Большинство юношей и девушек скучают, им не во что верить и нечему тут удивляться, им надоела повседневная серость жизни. Их не захватывает ни дальнейшая учеба, ни чтение книг, ни работа. Ко всему относятся пассивно. Ходят по улицам целыми косяками, рассказывают политические и скабрезные анекдоты, и к сожалению, главное удовлетворение находят в вине. Их вечером можно видеть в каждой подворотне, где они в компании с девушками пьют из горлышка вино, поют непристойные песни, спорят, ругаются и нередко дерутся.

За последние годы многие из них пристрастились к наркотикам. Торговля наркотиками тоже стала обыденным явлением и с каждым днем приобретает все больший размах. Конечно, подпольной продажей наркотиков занимаются аптечные и медицинские работники. Известны случаи, когда медицинские сестры за достаточно высокую оплату извлекают содержимое ампул и вводят наркоману, а больной, которому врачом

назначено это болеутоляющее средство, получает инъекцию с какой либо нейтральной жидкостью. Немало примеров продажи наркотических средств родственниками не без ведома провизора, давно умерших больных, которым при жизни они были прописаны. Отдельные ретивые аптекари ухитряются всякими подделками скопить и продавать за большие деньги по многу тысяч ампул наркотического зелья. А контролирующие органы об этом узнают только тогда, когда много молодежи и даже подростков уже к нему пристрастились. Кроме этого есть, конечко, крупные торговцы этим товаром.

Конечно, есть немало прекрасных юношей и девушек, целеустремленных, много читающих, изучающих языки, занимающихся наукой, музыкой, посещающих театры и концерты. Они, как правило, скромные, способные, много работающие и всегда ищущие новое. Из них куются люди науки, летературы и инакомыслящие. Жаль, их все-таки пока еще досадно мало.

Большим достижением народа после революции было провозглашение закона об обеспечении бесплатной медицинской помощью всех слоев населения. Однако в СССР хорошая идея при практическом осуществлении становится своей противоположностью. Хронический недостаток ассигнований, больничных коек, врачей и их низкая квалификация не способствовали повышению здоровья людей. Значительно позже, чем в других странах, были ликвидированы или доведены до незначительного количества случаев многие инфекционные заболевания — малярия, дифтерит, дизентерия, тиф, инфекционный гепатит и другие. В течение многих лет и в настоящее время нередко они вспыхивают малыми эпидемиями. Наблюдается много пищевых отравлений, несмотря на огромный штат санитарной противоэпидемической службы. Скученность, низкое санитарное состояние в детских садах и яслях, грязь и антисанитария в торговой и пищевой сети, на складах, базах и столовых, недостаточный санитарный надзор за водоемами — все это является типичным по всей стране, в результате чего борьба за чистоту и за полную ликвидацию многих существующих до сих пор инфекционных болезней — паллиатив.

И удивляться не приходится. Вот случай. В колхозе

обнаружена скважина минеральной воды. Химические и другие анализы показали, что вода содержит значительное количество полезных для здоровья человека минеральных элементов. Руководствуясь коммерческими интересами, правление колхоза в полуразрушенном грязном сарае установило аппарат для газирования и разлива этой воды по бутылкам. Примитивное производство и крайняя антисанитария довольно быстро сказались. В городе, куда поступала в продажу эта вода, появилось много кишечных заболеваний. При лабараторной проверке, были обнаружены дизентерийные микробы, но колхоз в накладе не остался.

Непростительно большое количество заболеваний инфекционным гепатитом тоже явление неслучайное. Причем, поставщиками этого заболевания нередко являются сами медицинские учреждения. В больницах в результате низкой культуры труда медицинских работников и из-за недостатка шприцев пользуются одним и тем же шприцем, да еще недостаточно дизенфецированным, для обслуживания нескольких больных. В результате выздоравливающие, выписанные из больницы через некоторое время заболевают инфекционным гепатитом. Это заболевание даже в официальных документах названо "шприцевой гепатит", борьба с которым уже в течении ряда лет пока малоуспешна.

Если посмотреть бегло можно подумать, что медицинская сеть разумно размещена по всей стране и помощь в ней организована хорошо. Но присмотревшись ближе легко убедиться, что большинство больниц и поликлиник ютятся в тесных помещениях с примитивным допотопным оборудованием и аппаратурой. Только в крупных городах можно увидеть современные медицинские центры, оснащенные передовой техникой. Но туда могут попасть на лечение редкие счастливые люди, некоторые за деньги и по запискам высокопоставленных чинов медицинской администрации. Большинство населения страны простаивает в очередях в регистратурах, чтобы записаться на прием, а затем под дверью врача. Приемы большие, врачи осматривают больных поверхностно и не разобравшись в болезни назначают много лабораторных исследований и консультаций у других специалистов. Врачи

заинтересованы в больных, нуждающихся в освобождении от работы — здесь большое раздолье для вымогательства, можно совсем не выдать больничный лист, можно выдать его на минимальный срок в три дня, за который больной заведомо не может выздороветь. Только щедрость пациента ставит все на свое место, и больной получает положенный ему по праву больничный лист. Обслуживание больного на дому тоже зависит от щедрости больного. Оплата визита врача является правилом. Редко больной попадает на больничную койку даже в самых необходимых случаях без больших хлопот со стороны родственников больного или взятки административному лицу больницы. Особое место занимает хирургия. Ни один уважающий себя хирург не оперирует бесплатно. Благодарные родственники выплачивают соответствующую сумму врачу по договоренности или по неофициально установленному тарифу. Не следует допускать ошибки, что этим грешат только врачи средней руки. Нет, многие корифеи медицинской науки тоже нуждаются в деньгах. Медикаменты стоят очень дорого, большинство из них дефицитные, и рядовым людям почти невозможно их достать, если только не по блату, по спекулятивным ценам. Даже в больницах, где больные должны обеспечиваться медикаментами бесплатно, родственникам приходится часто покупать на черном рынке из-за отсутствия их в больнице.

Но самое страшное, что и здравоохранение разъедается формализмом, бездушием и ложью. Люди самой гуманной профессии медики, нередко проявляют халатность, грубость, а порой преступное бездушие к больному человеку. Примеров, подтверждающих это можно привести немало, даже маститые хирурги и другие специалисты в погоне за наживой за счет больного отличаются этими качествами.

Мне пришлось встретиться с рядом иллюстраций к сказанному, например: в терапевтическом отделении лежит больной с невыясненным диагнозом, к нему приглашается на консультацию хирург соседнего отделения этой же больницы, но в отделении имеется профессор и ответственный хирург — заведующий отделением. В случае, если родственники до консультации были у того или другого и задобрили его соответствующим гонораром, — хирург без промедления внима-

тельно обследует больного и окажет необходимую ему помощь. Если же этот больной бесплатный, то один хирург, ссылаясь на занятость и другие причины советует пригласить своего коллегу и наоборот. Иногда переговоры длятся несколько дней. Драгоценное время упущено, больной умирает. Диагноз на вскрытии — заворот кишок, запущенный аппендицит или еще что-либо острое хирургическое, где смерть человека могла быть вполне предотвращена. Подобные случаи не единичны. Редко, когда они расследуются, и виновные привлекаются к ответственности, хотя бы административной. Вышестоящее начальство заинтересовано их скрыть, чтобы не показать изнанку своего руководства и, не дай Бог, не ухудшить показатели больницы, где все и всегда должно быть отлично в отчетах. Вот еще пример преступного мздоимства медиков: ответственный работник одного министерства в Москве тяжело заболел. Он был помещен в кремлевскую больницу, где вскоре был установлен диагноз рака. Родственникам было сказано, что, к сожалению, никакое лечение не будет эффективным и что он обречен. Убитые горем они не поверили, что нельзя помочь и начали искать помощи на стороне. Они узнали, что есть в одной из городских больниц профессор, который якобы успешно оперирует таких больных. Этому профессору было щедро уплачено за визит, внесен солидный гонорар за предстоящую операцию, которую он взялся, как он заявил, успешно произвести. Тут же он им выдал направление в больницу, где он работал, чтобы вне очереди приняли больного. Опытные врачи этой больницы, обследовав больного потихоньку, советовали родственникам не подвергать его ненужной операции, которая причинит обреченному человеку дополнительные страдания и ускорит его кончину. Однако заверения известного профессора все таки убедили их согласиться на операцию, которая вскоре была им произведена. Несчастный человек умер в страшных муках, а проффесор развел руками — дескать бывает и так.

В медицине берет верх, как и во всем, показная сторона дела. Официальные рапорты и отчеты должны иллюстрировать "постоянные достижения медицинской науки и практики, способствующие снижению заболеваемости и смертности населения". Спору нет, большое количество высших и средних

учебных заведений, научно-исследовательских институтов, а также академия медицинских наук, безусловно, повысили качество лечения больных, однако, многие важнейшие показатели здоровья населения пока еще значительно ниже, чем в других странах. И здесь на помощь приходит фальсификация и подтасовка данных.

То же с другими показателями здоровья населения. Речь идет о смертности детей до года и продолжительности жизни. Врачи научились и в этой области также подтасовывать карты. Родителям новорожденных выдают справку о рождении ребенка для регистрации только после того, когда убеждаются в его жизнеспособности. В противном случае такого новорожденного заносят в графу позднего аборта. Много умирает маленьких детей до года от различных кишечных, легочных и других заболеваний нередко на дому без достаточной медицинской помощи. Врачи и тут как могут изворачиваются, относя эти смерти к несчастным случаям.

Стоит сказать, что отношение к больным-иностранцам, туристам или деловым людям, совершенно другое — это тоже часть советского показного гостеприимства. Пусть только заболеет иностранец, стоит позвонить и немедленно к его услугам врачи, консультанты, готовые оказать любую помощь совершенно бесплатно. Здесь не может быть задержки в госпитализации в необходимых случаях. Уход за такими больными в стационаре самый лучший, отношение медицинского персонала исключительно чуткое. Совершенно не допускается случаев отсутствия необходимых медикаментов. Эти люди выписываются из лечебных учреждений только с несомненным улучшением или при полном выздоровлении. Как правило, они предлагают внести плату за лечение, но это категорически отвергается. Рекляма дороже денег. Конечно, возвратившись в свою страну человек, как правило, не перестает расхваливать постановку медицинского обслуживания в СССР, а упоминание, что все это дается совершенно бесплатно, приводит слушателей в восторг и многие из них начинают верить в превосходство социалистической системы над капиталистической, а это как раз и требуется советским идеологам. Это им позволяет вновь и

вновь трещать о благах, данных русскому народу партией и правительством.

Чтобы закончить рассказ о том, как население обеспечивается медицинской помощью, не лишне будет вспомнить как обслуживается элита. Для них, начиная от Кремля и ниже, имеются специальные, совершенно обособленные больницы и поликлиники. В каждой, даже маленькой области местные руководители представляют собой привилегированную касту. Эти руководители, кость от кости пролетариата, отгораживаются от него, считая общение с ним для себя унизительным. Им не подходит лечиться в общих для всех больницах и у тех же врачей. Поэтому для них создаются в прекрасных помещениях, специальные медицинские учреждения, хорошо оборудованные, оснащенные новейшей медицинской аппаратурой. Там всегда царит тишина и уют. Для них выделяются значительно большие ассигнования по сравнению со всеми медицинскими учреждениями, что позволяет иметь больший штат врачей, консультантов, бесплатные дефицитные медикаменты и хорошее питание. Но туда могут попасть только избранные — работники партийных и советских учреждений, нередко их бабушки, тещи и домработницы, некоторые номенклатурные работники по особому списку, которым ведает лично второе лицо в исполкоме. И мне нужно быть серьезно больными чтобы лечь в больницу, тамошние врачи проявляют постоянную заботу об их драгоценном здоровье и периодически советуют им ложится в стационар, чтобы подкрепить свои силы. Последние не заставляют себя долго упрашивать. Автору этих строк пришлось быть свидетельницей случая, когда партийный босс среднего ранга вызвал к себе руководителя медицинского учреждения и потребовал, чтобы он немедленно лично выехал в другой город достать для его дочери, страдающей недержанием мочи, специальное лекарство, о котором он случайно узнал. Врач, ссылаясь на свое нездоровье, предложил вместо себя другого, но партийный руководитель-самодур наотрез отказался и велел немедленно в ночь выехать. Пришлось подчиниться, иначе лишишься покоя и работы. Таковы нравы многих партийных руководителей, в совершенстве усвоивших учение марксизма-ленинизма.

Самая массовая в стране организация — это профсоюзы, которые объединяют весь рабочий класс, всех служащих и интеллигенцию. До революции в России и сейчас во всех странах капиталистического мира профсоюзы — самая массовая демократическая организация, призванная защищать интересы рабочих. Мы постоянно слышим, что в разных странах периодически вспыхивают забастовки, проводятся массовые демонстрации протеста против различных неугодных народу мероприятий правительств, под руководством профсоюзов. Обычно они заканчиваются удовлетворением требований народа. Вот уже скоро 60 лет после т. н. победы революции в России. Можно ли вспомнить хоть один случай гласного протеста рабочих, стихийного митинга или демонстрации. Тем более ни разу за эти десятилетия не было случая, чтобы лидеры профсоюзного движения выступали в печати и вместо хвалебных гимнов диктатуре стали бы на защиту прав угнетенных тружеников, в поте и крови добывающих свой кусок хлеба.

Редкие и стихийные "недоношенные" возмущения против нищеты и невыносимых условий всегда заканчивались жестокими репрессиями против их участников, при молчаливом одобрении профсоюзных деятелей. И в этом ничего удивительного нет. Стоит вспомнить, кто стоит во главе профсоюзов в стране советов — человек в недавнем прошлом возглявлявший КГБ. Естественно, его методы руководства жандармские и соответствуют его понятиям о демократии.

Уже в течение многих десятилетий профсоюзы стали пустым, никому не нужным придатком. Редко кто добровольно платит членские взносы. Собрания почти никто не посещает. На перевыборных же собраниях под личную ответственность администрации и партийных руководителей с трудом удается собрать кворум. Чтобы оживить профсоюзы, в их ведение было передано санаторно-курортное дело и вопрос распределения квартир. Что касается последнего, то как весьма доходное дело руководители каждого административного центра города и области крепко взяли его в свои руки. Представители профсоюзов при этом тоже ставят свою подпись. В ведение профсоюзов также отдан контроль временной нетрудоспособности населення. Контроль за правильностью выдачи

больничных листов, освобождающих от работы и разбор конфликтов в этой сфере. Но снова профсоюз всегда на страже выдавшего больничный лист, а не получившего его больного. Иллюстрацией может служить случай с рабочим А., который перенес серьезную операцию в брюшной полости. Через некоторое время его выписали на работу. Однако, выполнять свою тяжелую работу на деревообрабатывающем производстве он не мог и обратился к врачам с просьбой продлить ему больничный лист, в чем ему было отказано, и дано заключение администрации временно перевести его на легкую работу. Но на этом производстве самая легкая работа — переноска с места на место тяжелых бревен. Рабочий обратился за помощью в свой профсоюз, но те оказались не в состоянии ему чем-либо по мочь, мол у них и так перерасход средств. И больной рабочий вынужден был уволиться. Случай, к сожалению, не единичный, а довольно часто встречающийся.

Недостаточное внимание к больному человеку, укорочение сроков пребывания на больничном листе очень часто приводит к инвалидности (особенно больных ревматизмом и язвенной болезнью) , и в этом плане профсоюзное участие заслуживает немалого упрека, так как они скрупулезно доискиваясь причины завышенного по их мнению количества дней нетрудоспособности, совершенно не вникают в проблемы недолеченных больных, выпущенных из под контроля врача до полного излечения.

Профсоюзы, как правило, при разрешении трудовых конфликтов между рабочими и администрацией всегда становятся на сторону последней, формально оправдывая их действия. Мне трудно вспомнить за свою многолетнюю трудовую жизнь решения профсоюзных органов в пользу трудящегося, может встречались только единичные случаи. К примеру. Один уважаемый гражданин, хороший специалист был направлен заведовать магазином одежды. Магазин до этого хронически не выполнял финансового плана, отличался хищениями и недостачами. Менялись директора, но положение оставалось то же. Новый директор магазина много времени тратил на воспитание продавцов и кассиров, часто сам стоял у прилавка,и дело поставил так, что в течение более трех

лет в магазине не было растрат и хищений. План перевыполнялся. В книге жалоб и предложений запестрели записи благодарных покупателей. Весь коллектив во главе с директором магазина часто отмечался в праздничных приказах как передовой, работники получали денежные премии и награды.

Но порочная система всей жизни страны, ложь и обман во всем в неменьшей мере закономерны для торговли. Было много случаев, когда руководитель фирмы звонил в магазин и давал указания обеспечить направленных им лиц лучшими товарами. Честный торговец лично их обслуживал, выполняя все требования и капризы рекомендованных покупателей, подсчитывал стоимость покупок и наивно считал, что угодил начальству, обеспечив их знакомых дефицитным товаром. Очередной звонок известил его, что прибудет покупатель имя рек и нужно его обеспечить лучшим, что есть в магазине, по его требованию. Встреча состоялась в кабинете директора. Долго выбирались товары, была подсчитана их стоимость и предъявлен чек. На лице высокопоставленного покупателя появилось недоумение и он спросил: "А вы знаете, кто я?". "Да", ответил директор и назвал фамилию, которая была записана на листке календаря. — "А что я мэр города, вам разве неизвестно?". Нет, ответил тот и все-таки добился оплаты чека на отобранные дорогостоющие товары.

С тех пор начались несчастья. Бесконечные придирки, завышение финансового плана, направление в магазин не ходовых товаров и, наконец, бесконечные инспекторские проверки, ревизии и комиссии, которые так все запутали, что было возбуждено судебное дело против директора магазина. Тяжба тянулось долго и во всех инстанциях судебного разбирательства дело заканчивалось в пользу обвиняемого в виду отсутствия состава преступления. Но все-таки он с работы был уволен. Естественно, человек, не чувствовавший за собой вины (к тому же не доказанной) обратился за защитой своих интересов в профсоюз. Выслушав, профсоюзный деляга полностью с ним согласился и уверил его, что его право будет восстановлено и он будет продолжать работать. Но в дальнейшем дело приняло как раз противоположный оборот. После встречи чиновника с управляющим фирмой профсоюз

немедленно принял сторону последнего и помог ему подыскать в кодексе законов о труде редко применяющуюся статью, которая оправдала увольнение директора магазина с работы, и никакая судебная инстанция, к которой бы он ни обращался, не могла ее отменить. Собственно говоря, он был уволен с волчьим билетом, с которым устроиться на работу по специальности уже невозможно. Но еще хуже было то, что в течение двух лет, куда бы он ни был принят на работу, следовал звонок из авторитетного учреждения с неодобрением и дискредитацией данной кандидатуры. Итак, длительное время он работы не мог найти и пришлось почти все имущество продать с молотка и вместе с женой и двумя детьми переехать в другой город. Этот далекий от политической деятельности человек при прощании со мной сказал: "Я русский человек, но завидую евреям, их унижают, преследуют, но о них знает весь мир и многие их защищают и, наконец, они имеют возможность выехать из этой несчастной страны, где гнет, ложь, обман и бесправие и унижение человеческого достоинства маленьких людей доведены до уровня государственной политики".

Д. Шпиллер

УСЛОВИЯ ДЛЯ ОСВЕДОМИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ШВЕЙЦАРИИ И ХАРАКТЕР РАБОТЫ ВОЕННОЙ АГЕНТУРЫ

Ниже опубликованный документ был написан Генерал-майором С. А. Голованем, Военным Агентом царской дипломатической миссии в Швейцарии во время первой мировой войны. Когда в 1920 г. И. Н. Ефремов пытался восстановить Российскую миссию в Швейцарии, Головань и бывший консул в Женеве Л. А. Горностаев предложили ему возобновить и разведывательную сеть в стране. (Горностаев приготовил смету на 4500 шв. ф. в. месяц.) Очерк Голованя о работе Военного Агента являлся не только сводкой его деятельности, но и справочником разведывательной работы вообще.

Головань был назначен Военным Агентом в 1915 г. Он продолжал работать в качестве члена миссии и после революций 1917-ого года вплоть до мая 1918-ого года, когда швейцарское правительство секвестровало имущество и архив миссии. (Архив Голованя был также секвестрован и, следовательно, был отдан советскому правительству после второй мировой войны.) Как это видно из очерка Голованя, ему удалось как-то продолжать свою деятельность и после секвестра. Он занимался особенно наблюдением за деятельностью большевиков и представителей новых государств Восточной Европы.

Когда Головань писал свой очерк, гражданская война в России еще не закончилась: Деникина уже не было, но Врангель еще держал Крым, и польские войска стояли на Украине.

Мы получили этот документ от проф. А.Сенна, за что его благодарим. РЕД.

Данный документ был обнаружен в Гуверском институте при Станфордском университете, в архиве М. Н. Гирса. Мы печатаем его по новой орфографии.

Альфред Эрих Сенн

Положение Швейцарии в центре главнейших европейских государств всегда давало громадные преимущества в смысле удобства наблюдения за всеми событиями, происходящими в этих странах.

Вот почему, при первом же учреждении должностей Российских Военных Агентов за-границей, в Швейцарии был учрежден пост Военного Агента, причем наш Генеральный Штаб всегда придавал этому посту большое значение.

Надо отметить при этом, что в то время, как для многих мелких государств посты наших Военных Агентов иногда соединялись, т.е. одно и то же лицо являлось Военным Агентом для нескольких стран, в Швейцарии этот пост всегда был самостоятельным.

Само собою разумеется, такое значение, придаваемое должности Военного Агента в Швейцарии, вызывалось не теми отношениями, которые существовали между Швейцарией и Россией, и не тем, конечно, интересом, который представляла для нашего Военного Ведомства небольшая, милиционная швейцарская армия, а главным образом особенным удобством работы Военного Агента по наблюдению за политическими событиями и жизнью армий в соседних странах.

Этому удобству работы способствуют в значительной мере свобода прессы и большая терпимость к подобного рода деятельности со стороны местных властей, при условии, конечно, если эта работа не направлена против самой Швейцарии; для нас это последнее условие отпадает само собой, так как, не будучи непосредственным соседом, Россия не может иметь решительно никаких причин предпринимать на территории Швейцарии какие-либо действия, противные интересам последней.

То значение, которое представляет Швейцария в отношении работы Военного Агента, получило лучшее подтверждение во время войны, когда не только все государства, имевшие всегда в Швейцарии Военных Агентов, весьма значительно увеличили

личный состав своих Военных Агентур, но и страны, не имевшие до сего времени Военных Агентов в Швейцарии, не только воюющие, но даже нейтральные, учредили здесь должности Военных Агентов.

Так были вновь учреждены посты Военных Агентов в Швейцарии следующих государств: Великобритании, Бельгии, Сербии, Соединенных Штатов Сев. Америки, Голландии, Швеции, Румынии, Японии, Болгарии, Греции, Турции, Польши и Норвегии.

После окончания войны только 4 поста из вновь учрежденных не были замещены, а остальные Военные Агенты, как вновь учрежденные, так и существовавшие до войны, продолжают свою прежнюю усиленную деятельность, что, между прочим, видно из того, что личный состав этих Военных Агентур подвергся сравнительно небольшому сокращению и, во всяком случае, нынешний состав всех Военных Агентур значительно превосходит состав их, бывший до войны.

С окончанием войны характер деятельности Военных Агентов в Швейцарии, без сомнения, видоизменился. Сбор сведений военного характера и борьба со шпионством, являвшиеся главнейшею работою Военных Агентов в течение войны, в значительной мере утратили свое прежнее значение, по крайней мере в сфере, касающейся непосредственно военных операций и подготовки к ним противника. Но за то на Военных Агентов легла более обширная задача по выяснению военно-политического положения в соседних странах.

И в этом отношении Швейцария представляет наибольшие удобства для успешной работы.

Эти удобства заключаются прежде всего в географическом положении Швейцарии. Находясь в центре великих европейских держав, Швейцария естественно сделалась пунктом, куда стекаются все сведения о событиях, происходящих в соседних странах; благодаря краткости расстояний и удобству сообщений, здесь гораздо легче и быстрее, чем в других странах, можно получать интересующие сведения по тому или иному вопросу.

Но еще большие преимущества в смысле получения сведений представляют в Швейцарии известная свобода печати и вообще большая тарпимость швейцарских властей к деятельности

различных лиц, находящихся на ее территории. Эта большая свобода для всякого рода политической деятельности в Швейцарии имеет весьма серьезное значение особенно в настоящее время. Ни для кого не секрет, что тревожные времена, переживаемые почти всеми странами, происходящие повсюду забастовки, попытки крайних левых партий произвести государственный переворот, и, наконец, революции в соседних странах, — все это заставляет соответствующие правительства быть постоянно на-стороже, не позволяет им до сего времени отказаться от установленных во время войны различных ограничений в отношении свободы передвижения и рода деятельности известных групп и вынуждает иметь зоркое наблюдение за работою и образом действий лиц, принадлежащих к оппозиционным партиям.

Угроза быть арестованным и вообще затруднения, чинимые властями данной страны для свободной деятельности в избранном ими направлении, заставляют этих лиц покидать пределы этой страны и переезжать за-границу.

Как свидетельствуют примеры, таким пунктом, куда стекаются различные политические деятели, неимеющие возможности свободно работать у себя дома, является опять Швейцария. Можно с уверенностью сказать, что в Швейцарии имеются представители почти всех стран, различных групп и партий, сторонников прежде существовавшего в данной стране государственного строя, и большая часть этих людей продолжает в Швейцарии свою работу для достижения преследуемых ими целей.

Наблюдение за деятельностью подобного рода лиц представляет большой интерес и вместе с тем дает возможность очень часто иметь ценные сведения о действительном положении дел в соответствующей стране. Все эти люди, озабоченные главным образом желанием оправдать свою деятельность и обнаружить неправильные поступки правительства, находящегося в данный момент у власти, не стесняются иногда распространять, находясь в Швейцарии, такие сведения, о которых, вследствие цензуры или других мер правительства, нельзя узнать даже в самой данной стране.

Для лица, интересующегося, в силу своего служебного

положения, деятельностью таких лиц, работа облегчается еще тем, что все эти лица избирают местом своего пребывания г. Берн, где сосредоточены все центральные швейцарские правительственные учреждения и где также находятся официальные представители иностранных держав; если же местом пребывания избирается не Берн, а какой-либо другой пункт Швейцарии, то все равно указанные лица или сами часто приезжают в Берн, или имеют здесь своих доверенных.

Работа названных выше политических деятелей различных иностранных государств, конечно, хорошо известна тем швейцарским властям, представители коих по роду своей службы обязаны иметь наблюдение за этого рода деятельностью, или же просто по тем или иным причинам находятся в сношениях с этими лицами. Как бы они ни старались сохранить в тайне результаты своих наблюдений или сношений, все же при частых встречах с другими представителями эти чиновники нередко проговариваются и сообщают иногда весьма ценные сведения по интересующему вопросу.

В отношении возможности получать те или иные сведения и вообще быть надлежащим образом осведомленным, Швейцария представляет такие удобства и преимущества, каких, думается, трудно найти в любом другом государстве.

Причина этих преимуществ находится именно в незначительности размеров самой территории Швейцарии и сосредоточении всех иностранных представителей в одном небольшом пункте, каким является г. Берн. К этому надо прибавить еще, что так называемого "общества," среди коего обыкновенно вращается и, так сказать, распыляется дипломатический корпус в таких больших центрах, как Париж, Лондон, Рим, Берлин, — в Швейцарии, в сущности, не имеется. Уже одно это обстоятельство, в связи с отсутствием в г. Берне каких- либо развлечений, заставляет дипломатический корпус в Швейцарии жить одной дружной семьей, что крайне упрощает отношения между членами этого корпуса и, как-бы, сглаживает разницу их служебного положения.

Весьма скромные условия жизни швейцарцев накладывают свой отпечаток и на образ жизни находящихся в Швейцарии представителей иностранных государств; здесь редко при-

ходится иметь дело с роскошными торжественными официальными приемами, какие бывают в крупных европейских центрах, и где даже сама многочисленность приглашенных лиц не дает иногда возможности вести разговор с желаемыми лицами и на желательную тему. В Швейцарии все эти приемы ограничиваются, по большей части, небольшими, скромными обедами, "чаями," устраиваемыми женами иностранных представителей, и различными вечерними собраниями для карточной игры, музыки или танцев для молодежи. Отсутствие на всех этих собраниях характера строгой официальности позволяет членам дипломатического корпуса быстрее сближаться друг с другом, что в свою очередь дает возможность более свободно разговаривать по тому или иному вопросу.

С другой стороны скромная обстановка всех этих собраний, а также и отсутствие других каких-либо развлечений, имеют своим результатом то, что эти собрания устраиваются весьма часто, и таким образом всегда представляется возможность видеть в требуемый момент того или иного дипломата, не прибегая к официальным аудиенциям в Миссиях или канцеляриях.

Вместе с тем на этих же собраниях приходится встречаться и с лицами швейцарских правительственных учреждений, имеющими служебные сношения с иностранными представителями или же просто стремящимися пользоваться этими собраниями в целях собственного развлечения. К этому следует добавить, что в Швейцарии замечается какая-то странная разрозненность среди высших классов населения: лица лучших, аристократических швейцарских фамилий, называющие себя "патрициями," помимо общего скромного образа жизни, свойственного всем швейцарцам, живут по большей части крайне замкнуто; кроме того, эти лица, как это ни странно, не желают поддерживать близких сношений со своими же соотечественниками, находящимися на государственной службе; считая себя "патрициями," эти люди относятся как-бы с некоторым презрением ко всякого рода платной службе и вообще смотрят на правительственных чиновников как на лиц более низкого, чем они, класса. Это обстоятельство не мало способствует тому, что лица, находящиеся на государственной

службе в Швейцарии, стремятся более часто вращаться среди чинов дипломатического корпуса.

Наконец, нельзя не отметить, что всякому иностранному представителю, находящемуся в Берне, представляется возможность часто видеть депутатов Швейцарского Парламента, съезжающихся со всех концов Швейцарии во время сессий; частым встречам с этими лицами также способствуют и сравнительно небольшие размеры г. Берна, не обладающего достаточным числом хороших отелей, что в свою очередь, заставляет этих депутатов останавливаться в тех же отелях, где живут и многие чины дипломатического корпуса. Беседа с депутатами, принадлежащими к различным политическим партиям и различным классам населения Швейцарии и имеющими очень часто торговые сношения с соседними странами бывает иногда в высшей степени интересна и дает зачастую много ценных сведений.

Обращаясь теперь к выяснению характера и условий работы непосредственно Российского Военного Агента в Швейцарии, необходимо отметить нижеследующее:

1) Главнейшею частью работы Военного Агента является в настоящее время борьба с большевизмом и, в частности, наблюдение за деятельностью представителей большевиков в Швейцарии.

Как всем уже известно, именно в Швейцарии и велась вся подготовка к большевицкому перевороту в России, в Швейцарии долгое время работали главнейшие деятели большевиков, находящиеся теперь в России, и из Швейцарии и были отправлены, при непосредственном участии аккредитованных в Швейцарии дипломатических представителей Германии, в особом поезде все главари большевиков вместе с Лениным.

Своевременное осведомление Генерального Штаба об этом движении производилось Военным Агентом вплоть до захвата власти большевиками.

Но и после отправления главарей большевиков в Россию, деятельность их приверженцев в Швейцарии не прекратилась. Можно сказать, и это мнение разделяется также Союзными Военными Агентами, что Швейцария и теперь остается центром,

где сосредоточены главнейшие большевицкие агенты, работающие по распространению большевицкой пропаганды в Западной Европе и других странах. Так, по утверждению Союзных Военных Агентов, происходившие в конце минувшего года беспорядки в Соединенных Штатах Сев. Америки и забастовка в Англии были организованы и направлялись большевицкими агентами, находящимися в Швейцарии.

Точно также надо указать, что Советская Россия имеет своих представителей в Швейцарии и в настоящее время, несмотря на изгнание отсюда большевицкой миссии в 1918 году. Какое бы объяснение ни давали швейцарские власти, но факт остается фактом, а именно, что некоторые семьи членов выгнанной большевицкой миссии остались и живут и теперь в Швейцарии, равно как остался и продолжает действовать представитель большевицкого красного креста. Только нахождением в Швейцарии большевицких агентов и можно объяснить получение, время от времени, таких секретных документов, как, напр., "План революционной работы партии комунистов" (доставленный лично в Париж в апреле с.г.).

Наблюдение за деятельностью представителей большевиков в Швейцарии представляет для нас тем больший интерес, что в пользу русских большевиков работают, и даже сотрудничают вместе с ними известные швейцарские деятели; так, кроме швейцарского социалиста Карла Моора, отправившегося отсюда в Советскую Россию с особой миссией вскоре после большевицкого переворота, надо отметить усиленную деятельность бывшего депутата Швейцарского Парламента, социалиста Платтена, "друга" Ленина, находившегося долгое время в Москве и отправленного было в качестве коммерческого агента Советского правительства в Швейцарию. (Предприятие это не увенчалось успехом ввиду того, что аэроплан, на котором летел Платтен, был сбит в Литве, и Платтен был арестован литовскими властями.)

Вне всякого сомнения, Советское правительство поддерживает прямые (но, конечно, тайные) сношения со своими приверженцами в Швейцарии, а это, в свою очередь, делает еще более интересным наблюдение за их деятельностью в

Швейцарии. Все мероприятия, предпринимаемые большевиками за последнее время в Швейцарии, как-то; попытка возобновить дипломатические сношения, стремление побудить швейцарских коммерсантов первыми начать торговые операции с Советской Россией, пропаганда среди находящихся в Швейцарии русских солдат, организация поезда для отправки русских граждан в Советскую Россию, различные меры для вербовки своих приверженцев, работа их в прессе и т.п. — все это заслуживает самого серьезного с нашей стороны внимания и дает возможность постепенно выяснять действительное положение вещей в Советской России и образ действий большевицкого правительства.

Наконец, необходимо отметить, что Военному Агенту в Швейцарии удавалось до сего времени получать и сведения чисто военного характера, как-то: документы об организации и составе большевицких вооруженных сил, данные о распределении и численности большевицких войсковых единиц, о перебросках частей с одного фронта на другой, о сосредоточении их в известных пунктах и т.п. Все эти данные, как чисто военного характера, так и обще-политического, всегда представлялись по мере получения и обработки их, в Штаб Военного Представителя Русских Армий в Париже. Нельзя не отметить при этом, что, за отсутствием каких-либо специальных ассигнований, все подобные сведения всегда получались безплатно, благодаря связям, установившимся за долгое пребывание Военного Агента в Швейцарии.

2) Следующею затем, имеющею также серьезное значение, является работа Военного Агента по наблюдению за деятельностью представителей и различных бюро вновь возникших на территории России "государств," являющихся, в сущности, неотъемлемыми частями Российского государства.

Швейцария и в этом отношении явилась первою страною, где началось и продолжается до сего времени усиленная деятельность этих сторонников сепаратистских тенденций. Еще во время войны, когда в других странах даже и не упоминалось о новых "национальных движениях," в Швейцарии началась, при содействии наших противников, германцев и австрийцев, работа

литовских и украинских представителей, поставивших себе задачею на первое время ведение сепаратистской пропаганды среди наших военнопленных в Германии и Австрии, а также и в самой России.

В Швейцарии, в первой из других стран после Германии и Австрии, появились и первые "дипломатические" представители Украины, которые с первых же шагов развили крайне усиленную деятельность.

Особо благоприятные условия, представляемые в этом отношении Швейцарией, заставили, как можно предполагать, руководителей движения смотреть на представительства этих новых стран в Швейцарии как на главный центр, откуда направлялась работа соответствующих представителей в других странах. Это предположение мотивируется тем, что обыкновенно различные делегаты и представители, направлявшиеся в другие страны, предварительно останавливались в Швейцарии, вероятно, в целях более детального ознакомления с политической обстановкой. Точно также, в случае неудачной деятельности украинского представителя в другой стране, когда положение этого представительства могло быть скомпрометировано, для исправления положения обыкновенно посылался кто-нибудь из Швейцарии; так, напр., было с назначением Гр. Тышкевича в Париж, а в последнее время с командированием Василько из Берна в Берлин.

О взглядах и намерениях всех таких представителей очень часто удается узнавать от тех же швейцарских чиновников, коим эти представители охотно докладывают свои соображения, причем, очевидно желая расположить в свою пользу, допускают иногда слишком большую откровенность. Кроме того, разного рода делегаты, направляющиеся в другие страны, при обращении за разрешением на проезд, охотно беседуют с чинами того или иного посольства или Миссии, откуда эти сведения доходят и до нас.

Говоря о работе названных выше представителей следует отметить, что, благодаря их интенсивной деятельности, а также широко расточаемым денежным средствам, им удалось привлечь на свою сторону почти всю швейцарскую прессу и расположить в

свою пользу общественное мнение Швейцарии; в настоящее время почти все швейцарские газеты решительно отстаивают сепаратистские тенденции окраинных областей России, а в общественном мнении идея Великой, Неделимой России начинает утрачивать свое прежнее значение.

Противодействовать этой деятельности сепаратистов и вообще бороться с ними, за отсутствием соответствующих средств, представляется крайне трудным. Тем не менее такая борьба, по мере возможности, ведется, и в борьбе этой принимает участие и Военный Агент, так как многие дипломатические представители, как союзных, так и нейтральных стран, нередко обращаются к нему для выяснения того или иного вопроса, неверно освещаемого сепаратистами. В качестве наилучшего оружия для борьбы в этом отношении являются те ценные документы, которые получаются Военной Агентурой из областей России, незанятых большевиками или от наших представителей в Париже.

3) Большой интерес представляет также выяснение отношений к Русскому вопросу представителей Польши и Румынии. Благодаря местным условиям, всякая перемена в отношениях этих лиц к официальным представителям России, а также к представителям "новых государств," не может пройти бесследной, не говоря уже о том, что через названных представителей Польши и Румынии нередко удается получать не только точные сведения о военных действиях вооруженных сил этих стран, но и данные о наших противниках.

4) Само собою разумеется, на Военном Агенте по-прежнему остается вся та работа, которая возлагается вообще на Военных Агентов в мирное время.

Эта деятельность подтверждена за последнее время и регулируется инструкциями, утвержденными Начальником Военного Управления Вооруженных Сил Юга России 22 Марта 1919 г. и Помощником Военного Представителя Русских Армий в Париже 28 Апреля 1919 г.

В силу этих распоряжений, на Военного Агента возложена обязанность следить за военно-политическим состоянием страны и за вооруженными силами страны во всех отношениях — их составом, ходом мобилизации, новыми формированиями, их

характером и т. д. Вместе с сим Военным Агентам поручено следить за местной прессой самого разнообразного политического направления, причем на Военного Агента в Швейцарии возложено также и наблюдение за германской и австрийской прессой.

5) Значительною частью работы Военного Агента в настоящее время является заведывание офицерами и прочими русскими воинскими чинами, прибывающими в Швейцарию.

Согласно распоряжения высших военных властей, Военный Агент обязан вести учет находящимся в стране русским офицерам и содействовать всем военным миссиям и отдельным офицерам, прибывающим в данную страну со служебными поручениями; вместе с тем, в силу тех же распоряжений, Военный Агент обязан способствовать формированиям по усилению наших армий из добровольцев.

Вследствие особых условий, в коих находится сейчас Русское Представительство в Швейцарии, а также и ограниченности личного состава этого представительства, все заботы об облегчении выполнения поручений офицерами, прибывающими в Швейцарию или отправляющимися отсюда со служебными поручениями, ложатся непосредственно на Военного Агента; к этим заботам относятся, между прочим, исходатайствование разрешения швейцарских властей на въезд данного лица в Швейцарию, испрошение виз для проезда через другие страны в соответствующих Посольствах или Миссиях, и изыскание денежных средств для предоставления офицерам возможности следовать по назначению.

Кроме того, в виду крайне затруднительного материального положения больных и раненых русских офицеров, находящихся по тем или иным причинам в Швейцарии, и отсутствия у них всякой возможности получить откуда-либо помощь, Военный Агент, вследствие постоянного обращения к нему названных лиц, считает себя обязанным оказывать им посильную помощь, ходатайствуя о помещении их в лечебные заведения или о выдаче им пособий из частных благотворительных учреждений, а в крайнем случае снабжая их небольшими денежными суммами.

6) Военному Агенту приходится иногда касаться и вопроса с

пропуске из Швейцарии в другие страны некоторых лиц русского подданства.

В целях воспрепятствования распространению большевизма, в настоящее время, как известно, во всех странах приняты особые меры по наблюдению за нежелательными элементами. Поэтому, в тех случаях, когда является какое-либо сомнение относительно благонадежности лица, не только Военные Агенты, но и сами Посланники других стран нередко обращаются за справками к Российскому Военному Агенту.

Кроме того, и швейцарские власти обращаются к Военному Агенту России в целях ознакомления с мнением последнего относительно того или иного лица, ходатайствующего о разрешении въезда в Швейцарию.

Конечно, та весьма ценная помощь, которую оказывают Российскому Военному Агенту в Швейцарии в его работе другие Военные Агенты и прочие дипломатические представители в Швейцарии, в значительной степени обусловливается положением Российского Военного Агента среди прочих Военных Агентов, а также связями, установившимся за время сравнительно долгого его пребывания в Швейцарии.

Находящиеся в Швейцарии Военные Агенты союзных стран и после выхода России из войны на изменили своего отношения к Российскому Военному Агенту; последний, по их заявлению, остался таким же коллегою и союзником, каким был с начала войны, почему он, по их мнению, и должен пользоваться тем же доверием и вниманием, как и прежде. В результате этого, Российский Военный Агент принимает, как и прежде, участие во всех собраниях Союзных Военных Агентов и во всех устраиваемых ими официальных приемах и разного рода празднествах.

Такому отношению не мало способствовало то обстоятельство, что Российский Военный Агент в течение сравнительно долгого времени (до назначения в Берн нового Английского Военного Агента, старшего в чине) был старшиною союзных Военных Агентов и в силу этого должен был поддерживать более близкие сношения со всеми Военными Агентами в Швейцарии.

14 Июня 1920,
г. Берн

Генерал-Майор Головань

ШКОЛА ЭКОНОМИЧЕСКОГО СИНТЕЗА

Когда пишущий эти строки основал в начале 1930х гг. вместе с двумя видными германскими экономистами Артуром Шпитховым из Боннского Университета и Вильгельмом Флойгельсом из Кельнского Университета новое направление в политической экономии, ставшее известным как "Школа экономического синтеза", в Западной Европе никто не мог предположить, что судьба заставит его единолично представлять, развивать и распространять идеи этой школы преимущественно в Индии и Америке. Еще более удивительно, что экономисту русского зарубежья удалось организовать с помощью своих учеников автономные отделения школы экономического синтеза в трех странах, которые иной раз даже имеют членов, живущих в иных краях. Так например, главное американское отделение в Сейнт-Луисе, возглавляемое профессором Джоном Шарпом, имеет несколько членов, принадлежащих к академическому миру Западной Германии и Мексики. С другой стороны отделение в Израиле, возглавляемое профессором Иосифом Шари, и отделение в Индии, больше заинтересованы распространением своего влияния на местную интеллигенцию. Все лидеры школы экономического синтеза принадлежат к ученикам автора этой статьи, который является теперь последним еще живущим основателем этой школы и ее почетным председателем. Он также участвует в редакции журнала школы экономического синтеза, изредка издающегося в Сейнт-Луисе на английском языке под названием "Newsletter". Неволь-

но возникает вопрос, почему школа экономического синтеза имеет последнее время довольно быстрый ощутимый успех, хотя она ведется не в качестве коммерческого, а скорее в качестве чисто миссионерского недоходного предприятия. Ответ на этот вопрос составит главное содержание данной статьи.

Очень многие экономисты в настоящее время признают, что политическая экономия находится на распутьи. Сравнительно недавняя тенденция строить очень абстрактные модели вызывает расхождение между теорией и действительностью, которое подрывает доверие среднего человека к современному социально-экономическому анализу. Большой заслугой школы экономического синтеза является ее решение избегать постройки абстрактных моделей, хотя она не отрицает, что они имеют некоторое педагогическое значение. Ввиду того, что ее члены имеют "генетическую" подготовку, она концентрирует свое внимание на изучении эволюции социально-экономического строя данной страны в данный период времени. Такой метод приводит к динамическому и диалектическому анализу, имеющему большую чувствительность к социально-экономическим переменам. Благодаря рациональному и эволюционному анализу научные выводы школы экономического синтеза всегда отражают беспрерывную эволюцию и потому ее прогнозы в отношении будущего развития имеют наибольшую степень вероятности. Даже практически настроенный читатель больше ценит такой подход к социально-экономическим проблемам. Одновременно школа экономического синтеза неизбежно придает большое значение принципу исторической наследственности. В Америке Томас Джеферсон любил говорить, что всякий культурный деятель должен знать прошлое развитие, ибо "история является большой созидательной силой".

Школа экономического синтеза разделяет взгляд Джефферсона, что всякая значительная прогрессивная мера должна вызвать приспособление к ней и потому некоторое изменение в тактике. Так например, когда стало очевидным, что современная кибернетическая революция распространяется и ее главный продукт — очень сложный компютер, может решить одновременно такое количество уравнений, которое еще недавно считалось неразрешимой задачей, школа экономического синтеза стала

рекомендовать некоторое продуктивное сотрудничество с экономистами, которые, пользуясь своей мощной математической техникой, тоже помогают человечеству двигаться по дороге, ведущей к будущей кибернетической эре, когда механические роботы дадут возможность даже среднему человеку иметь так называемый "творческий досуг", что позволит ему принять хотя бы скромное участие в производстве духовных и интеллектуальных благ. Однако, школа экономического синтеза вполне отдает себе отчет в том, что эконометрика является в конечном итоге лишь вспомогательной аналитической техникой, которая не может заменить политическую экономию. Настоящий социально-экономический анализ придает особое значение междучеловеческим отношениям в сфере хозяйства (т.е. экономической социологии), социальной психологии и переменным данным качественного характера, которые не могут быть учтены математическим путем. Ввиду того, что подлинная социально-экономическая теория и эконометрика являются, как бы, противоположными силами, их продуктивное сотрудничество не может проявляться в настоящем синтезе, но лишь в форме "Прудоновской диалектики", которая выражается в напряженном, но все же в конечном итоге продуктивном сосуществовании, ибо она приводит разными путями к достижению будущей кибернетической эры. В виду общественного характера экономической науки и наличия многих существенных политических и психологических факторов, влияющих на народное хозяйство, экономика должна оставаться в основе своей дисциплиной антропоцентрической, социальной и генетической (эволюционной). Попытка эконометриков превратить ее в науку чисто количественную, покоющуюся на точном механическом прогнозе, должна окончиться неудачей, ибо даже при игнорировании качественных переменных факторов (что в принципе нереализуемо) разная идеология двух способных статистиков приводит их к противоположным выводам при разработке одинаковых количественных данных. Развитие кибернетической революции и рост объема и сложности народного хозяйства в любой передовой стране заставляет школу экономического синтеза рекомендовать государственное планирование хотя бы важнейших экономических процессов. Все

же она учитывает, что любой рациональный план, касающийся всего народного хозяйства, является лишь серьезным предположением и потому нуждается даже в течение одного года в постоянном контроле и даже пересмотре со стороны специалистов в области разных (преимущественно, социальных) наук.

Школа экономического синтеза отличается оптимистическим характером, ибо ее генетический (эволюционный) подход к анализу мирового хозяйственного развития показывает, что прогресс является его постоянной основной тенденцией, и что исторический процесс, хотя и лишен полного детерминизма, все же не хаотичен и подчиняется некоторым логическим законам эволюции. Одновременно эта школа делает возможным строго объективный анализ любого социально-экономического строя, так как руководится "принципом конгениальности", рассматривая всякий хозяйственный процесс или учреждение не с точки зрения субъективной симпатии или этики, но с точки зрения его созвучности данному социально-экономическому строю. Если например, член школы экономического синтеза критикует какую-нибудь социалистическую меру научным путем, он делает это не потому, что он ей в принципе не сочувствует, но потому, что находит ее вполне несозвучной данному экономическому строю. Так, например, в 1930 году очень многие немарксистские экономисты ошибочно утверждали, что сталинская насильственная коллективизация крестьянских хозяйств неизбежно приведет к краху советского строя. В действительности же Сталин этой мерой спас советский строй, ибо наличие многих индивидуальных зажиточных крестьянских хозяйств в конце 1920х гг., которых Ленин незадолго до своей смерти называл "полустяжателями", сделало бы невозможным создание "социалистического" народного хозяйства. Когда после второй мировой войны Черчиль сказал Сталину, что Советский Союз понес во время этой войны огромные человеческие жертвы, советский диктатор ответил, что насильственная коллективизация сельского хозяйства погубила намного больше людей, но что в обоих случаях он не мог считаться с человеческими жертвами, ибо без них нельзя было построить и укрепить социалистический строй в России. Конечно, школа экономичес-

кого синтеза, будучи идеалистическим и гуманистическим направлением в политической экономии, придает большое значение этике, но все же она предпочитает поручить этический подход особой дисциплине, называемой "социально-экономической политикой", где экономист может свободно руководиться этической субъективной оценкой мер и учреждений, будучи независим от строго научного "принципа конгениальности".В связи с этим следует отметить, что в отличие от марксизма школа экономического синтеза признает наличие абсолютной морали, независимой от данного социально-экономического строя, хотя она не может отрицать, что многие "моральные оценки" (например, в отношении к частной собственности) неизбежно меняются в случае перехода от капитализма к социализму или к фашизму и что этот факт должен быть принят в внимание при строго научном (объективном) анализе данного социально-экономического строя (или "стиля").

Главная сила притяжения школы экономического синтеза заключается в генетическом (эволюционном) подходе к анализу развития хозяйства, дающему осмысливание хода истории, и по возможности беспартийный, чисто научный анализ любого социально-экономического строя. В конце 19 столетия многие молодые люди в Европе (преимущественно, в России) были увлечены учением Карла Маркса, который в отличие от так называемых "утопических социалистов" (главным образом, во Франции и в Англии) утверждал, что мировое хозяйственное развитие отнюдь не хаотично, а детерминируется объективными законами. Маркс абсолютно не верил, что господствующие и имущие классы согласятся путем мирных реформ сверху создать справедливый социально-экономический строй. В силу этого он рекомендовал добиваться осуществления социальной революции или по меньшей мере революционного ускорения эволюции. Так как Маркс и Энгельс отвергали всякий утопический проект и интерпретировали хозяйственное развитие человечества генетическим и диалектическим путем, они в сущности имели право назвать свое движение "научным социализмом". В этом и заключается главная притягательная сила марксизма, которая заставила даже будущих русских выдающихся экономистов М.И. Тугана-Барановского, П.Б. Струве, С. Н. Булгакова и М.

В. Бернацкого начать свою научную карьеру в качестве "легальных марксистов". Булгаков, пожалуй, высказался яснее всех, когда он заявил, что в 1890х гг. марксизм был "источником смелости и активного социального оптимизма в среде передовой русской молодежи".

В настоящее время немарксистская школа экономического синтеза, применяющая генетический (эволюционный) подход к анализу мирового хозяйственного развития и скептически относящаяся к современной тенденции в капиталистических странах бороться с экономическими критическими непорядками (инфляцией, безработицей и т.п.) путем несистематической и недальновидной политики "малых дел", имеет полное право называть свое учение"НАУЧНЫМ РЕФОРМИЗМОМ". Главная цель этой школы — модифицировать капиталистический строй рациональным введением обширной системы структурных реформ мирным путем и "сверху". В отличие от революционных марксистов "научные реформаторы" не преувеличивают значение классовой борьбы в истории хозяйства, ибо они верят в активную силу моральных и интеллектуальных ценностей, а также в волевую силу выдающихся харизматических вождей, иной раз приходящих к власти демократическим путем.Прогноз школы экономического синтеза в основе идеалистичен, ибо по ее учению развитие любого народного хозяйства, независимо от его текущего социально-экономического строя, ведет постепенно к будущей кибернетической эре, в которой большинство людей сможет посвятить главную часть своей жизни философии, религии, искусству, науке и социальным услугам. Ввиду того, что школа экономического синтеза вводит в свою систему структурных реформ главным образом оптимальное и рациональное планирование народного хозяйства, "социальную ренту" (т.е. право гражданина на объективно-нормальный гарантированный годовой доход), участие служащих в правлении крупных предприятий, но не включает в нее отмену частной собственности на средства производства, научные реформаторы не могут рассматриваться в качестве социалистов. Их старания направлены на создание хозяйства народного благосостояния, сохраняющего капиталистическую основу, в котором общее благо будет более важной целью, чем

рентабельность отдельных частных предприятий. Ввиду того, что научный реформизм является в своей основе эволюционным движением, он может в отдаленном будущем случайно привести к идеалистическому и нетоталитарному социализму, но никогда не сможет вернуть народное хозяйство к ранней, чисто индивидуалистической и крайне отрицательной форме капитализма. Уже теперь постепенно созревающее хозяйство народного благосостояния является в своей основе эволюционным движением, ведущим к проявлению "социального коллективизма". Поэтому лидеры школы экономического синтеза рекомендуют своим сотрудникам иметь широкий кругозор и готовность приспособиться к структурным реформам, которые постепенно диктуются современной переходной и крайне динамической эпохой.

Если принять во внимание, что все марксисты отрицают возможность неклассового (т.е. беспартийного) социально-экономического анализа и что Ленин считал "буржуазных экономистов" интеллектуальными лакеями капиталистов, то, пожалуй, школа экономического синтеза изучающая всякий строй с точки зрения крайне объективного принципа конгениальности, является более научным анализом, чем марксизм, и это вряд ли может остаться незамеченным современной молодежью.

Многие западные экономисты и социологи признают, что развитие материальных производительных сил (в конечном итоге — технологии) часто не сопровождается необходимым соответствующим изменением в данном социально-экономическом строе. Они называют такое неравновесие "социальным отставанием". Школа экономического синтеза разделяет эту точку зрения, но уточняет ее подчеркиванием наличия "социально-психологического" отставания, которое в конечном итоге делает крайне трудным введение необходимой реформы сверху, что устранила бы рациональным и мирным путем вышеупомянутое отсутствие равновесия. В настоящее время некоторые немарксистские экономисты встревожены наличием серьезного "диалектического напряжения" в теперешней сравнительно социально-прогрессивной фазе капитализма, в которой тенденция в пользу "социального коллективизма" упорно встречает сопротивление со стороны еще сильного и узкого

индивидуализма. В сущности, это явление обсуждалось еще в 1930 гг., когда автор этой статьи принимал участие в русско-французском кружке "персоналистов", который издавал в Париже журнал "Esprit" и возглавлялся известным во Франции молодым социальным философом и оратором Эммануилом Мунье при активной научной поддержке Н.А. Бердяева. Участники этого кружка пришли к правильному выводу, что спокойное развитие капитализма в сторону социально-экономического коллективизма (т.е. хозяйства в интересах народного благосостояния) нуждается в перемене социальной психологии, которая сделала бы возможным серьезное добровольное ограничение индивидуализма и стяжательства в пользу всеобщего продуктивного сотрудничества в интересах социальной гармонии и народного благосостояния.

В общем Франко-русский кружок персоналистов сочувствовал старой русской теории "соборности", которая в конечном итоге рекомендовала некоторый синтез между индивидуальной свободой и коллективной гражданской связью на основе их общей любви к абсолютным духовным и интеллектуальным ценностям. В настоящее время школа экономического синтеза не считает, что данный индивид является подлинной личностью, если он не проявляет себя в качестве творчески мыслящего деятеля и не посвящает себя благородной задаче помочь человечеству добиться синтеза между просвещенной (т.е. разумно ограниченной) личной свободой и идеей добровольного служения общему благу. Поэтому можно сказать, что персонализм является необходимым условием для успешного осуществления научного реформизма.

Борис С. Ижболдин
(заслуженный профессор экономики Сейнт-Луисского Университета)

ДИССИДЕНТЫ И КОММУНИЗМ

Те времена, когда иностранцы в Западной Европе и Америке не верили несчастным, вырвавшимся из советских концлагерей и пытавшимся поведать миру о перенесенных ими страданиях, прошли. В наше время никто, даже коммунисты на Западе, не отрицают, что в Сов. Союзе хотя бы во времена Сталина происходили "отклонения от законности", да и сейчас не все обстоит благополучно. Конечно, официальная советская пропаганда это отрицает, но и советским пропагандистам ясно, что в свободных странах невозможно поддерживать даже тот миф, что, если при Сталине не все было в порядке, то теперь все опять хорошо и в Сов. Союзе чуть ли не рай на земле. Если официальная пропаганда и говорит нечто подобное, то Пономареву и его штабу очевидна необходимость иной тактики для свободного мира.

Лишь очень небольшое число фанатичной западной молодежи заявляет, что Сталин поступал правильно, теперешние советские руководители тем паче, потому что иначе нельзя вбить в голову несознательного населения социализм. Мне пришлось слышать такие высказывания от левых немецких студентов. Существуют такие мнения и в других западно-европейских странах. Но они могут скорее оттолкнуть, а не завоевать симпатии широких масс. С такими лозунгами европейским коммунистическим партиям пришлось бы снова уйти в подполье и рассчитывать исключительно на террор и вооруженное восстание. Массовыми партиями, побеждающими на выборах, они никак не смогли бы стать. Но они ставят сейчас на карту победы при демократических выборах, особенно, конечно, в латинских странах Европы. Недавний опыт Куньяла к тому же показал им, что

нахрапом не удалось захватить власть даже в маленькой Португалии. Куньял перешел теперь на позиции еврокоммунизма.

Какое именно тактическое средство следует применить, чтобы не оттолкнуть массы, элементарно ясно: следует отмежеваться до известной степени от советского коммунизма. Конечно, только до известной степени, потому что в противном случае трудно объяснить непрекращающееся сотрудничество и полный поворот к Сов. Союзу после захвата власти, если таковой удастся. Один из итальянских анекдотов рассказывает, что товарищи советуют Берлингуэру при встречах с Брежневым не целоваться с ним в засос, а то народ не поверит в самостоятельность итальянского коммунизма, но протягивая Брежневу обе руки, держать его на дистанции. Как и многие анекдоты, этот характеризует точно и определенно теперешнюю тактику еврокоммунизма.

Однако, еврокоммунистам самим было бы не так легко уверить широкую общественность в своей самостоятельности, в том, что они иные коммунисты и их коммунизм будет другим, чем во всех коммунистических странах без малейшего исключения, если б...им на помощь не поспешили те старые коммунисты, перед которыми даже западная некоммунистическая общественность привыкла преклоняться, и к голосу которых она прислушивается. От Милована Джиласа до профессора Иельского университета Вольфганга Леонгарда многие старые коммунисты встрепенулись как боевые кони при звуке выстрелов и бросились уверять наивную западную общественность, что отход еврокоммунистов от Сов. Союза совсем не тактика, а действительное обращение в демократическую веру. Чрезвычайно знаменательно то, что сами руководители еврокоммунистов теперь уже совсем не сильно стараются отмежеваться от Сов. Союза. В конце февраля Берлингуэр в речи по итальянскому радио иронизировал над теми, кто хочет вбить клин между итальянскими коммунистами и Сов. Союзом. Он также подчеркнул, что по его мнению и по мнению его партии, в Сов. Союзе, несмотря на некоторые недочеты, построен настоящий социализм.

Весьма знаменательно то, что ни Джиласа, ни Леонгарда, ни других старых коммунистов эти открытые заявления Берлингуэра или Марше, или других еврокоммунистов не смущают.

Вопреки очевидности они утверждают самостоятельность еврокоммунистов. Это оказалось возможным только потому, что в Европе (относительно США я лично в этом вопросе ничего не могу сказать, т. к. недостаточно внимательно слежу за американской прессой) известной частью журналистики уже создана атмосфера частичного признания еврокоммунизма, атмосфера, которая оказала некоторое влияние даже на часть христианских политиков. Если массовым медиям удается создать определенную атмосферу, рациональные аргументы и логика теряют силу. Коммунисты могут открыто издеваться над теми, кто ломает за них копья. Они могут открыто своими словами и поступками опровергать тех, кто объявил их "иными" и "независимыми", эти последние будут повторять свои тезисы, а публика будет их читать и им хотя бы отчасти верить, потому что так удобнее. Легче закрывать глаза на опасность, которая уже совсем нависла над головой, чем признать ее и начать действовать, чтобы ее отвратить. В этом последнем случае надо, очевидно, временно отказаться от удобной беспечной жизни, к которой народы Западной Европы привыкли за послевоенные десятилетия.

Если в широкой публике этот мотив превалирует, то у старых коммунистов снова возрождается та коммунистическая религия, перед которой они преклоняли колена в своей молодости. Сколько бы некоторые из них ни претерпели в коммунистических государствах, сколько бы они ни сидели в тюрьмах или прихиатрических больницах, их это не излечило от джерелигии коммунизма. Видимо, человек должен во что-то верить, и те, кто отрицают Бога Живого, верят во всякий суррогат, как бы ни был он жесток и отвратителен. Для западной общественности эти люди представляют особую опасность. В ее глазах они — мученики коммунизма, герои, и если эти люди начинают хвалить другой коммунизм, то у обычных людей, не слишком углубляющихся в политику или философию, должно возникнуть впечатление, что этот коммунизм должен быть совсем иным, чем тот, от которого эти люди пострадали. Обычному нормальному человеку непонятно, что, скажем, тот же Джилас может слушать слова Берлингуэра о связи итальянского коммунизма с советским, а затем выступать перед западной общественностью по одному из западно-европейских телевидений и утверждать прямо

противоположное тому, что говорит Берлингуэр, о том же Берлигуэре. Тем не менее именно этот факт имел место. Обычный западный зритель скорее поверит Джиласу именно потому, что ему п р и я т н е е верить Джиласу и думать, что ему, западно-европейскому обывателю, никакой опасности от еврокоммунизма не грозит.

Трудно сказать, кто из старых коммунистов субъективно просто преклоняет колена перед старым идолом, а кто понимает, что он, в сущности, работает по линии штаба Бориса Пономарева, но объективно они все помогают советской тактике. Стоит только хоть немного задуматься, и станет ясно, что Сов. Союзу и мировому коммунизму выгодна сейчас именно эта тактика: кажущееся отмежевывание еврокоммунистов от советского коммунизма. Ведь только таким путем коммунисты без войны смогут овладеть Западной Европой и под шумок забрать и Африку. Советская пропаганда время от времени обрушивается на еврокоммунистов, чтобы помочь им в их задаче представить себя независимыми. На эту удочку попадаются не только западные журналисты и политики, но даже некоторые русские эмигранты. Хотя все это до такой степени белыми нитками шито, что ума не приложишь, как еще можно попадаться на эту удочку, — да еще после 60-ти летнего опыта коммунизма!

Между прочим, и здесь коммунисты, собственно говоря, выступают совершенно открыто. В Восточном Берлине, в июне 1976 г. на конференции европейских коммунистов Брежнев "благословил" "особый путь" еврокоммунистов. Но многие европейские комментаторы тем не менее писали, что "Брежнев не смог добиться признания своих требований безусловного руководства Сов. Союза". Самое забавное, это то, что Брежнев таких требований совсем не выставлял! Но слишком большое число европейских журналистов уверены, что они лучше самого Брежнева знают, чего поледний хочет.

Но есть и другие. Есть среди европейских политиков и журналистов и сомневающиеся и такие, которые прекрасно понимают, что "самостоятельность" еврокоммунизма — всего лишь тактика. Тех, кто это ясно видит, переубедить трудно, но сомневающимся надо как-то объяснить, почему марксизм и коммунистическая доктрина дали в Сов. Союзе такие страшные

результаты, тогда как в Западной Европе тот же марксизм и тот же коммунизм построят светлое общество со счастливыми людьми. Если даже эти люди поверят в добрую волю Берлингуэра и Марше, то они все же могут спросить, возможно ли объективно построить что-либо хорошее на основе этих доктрин, столь страшно проявивших себя в других странах.

И вот тут на помощь еврокоммунистам и вообще мировому коммунизму приходит известная часть так называемых диссидентов. Они утверждают, что коммунизм, марксизм тут не причем. Все дело в "варварской истории России" (Леонид Плющ). Конечно, у диссидентов есть союзники на Западе, т. к. здесь многие относятся враждебно и необъективно именно к России, а не к Сов. Союзу. Ответ этим западным авторам был напечатан в 125-й книге "Нового журнала", — это статья В. Варшавского "Духовные корни большевизма". Мы же хотим обратить внимание как раз русского читателя преимущественно на диссидентскую деятельность.

Создается впечатление, что сейчас начался систематический поход на Россию. Коммунисты и социалисты пытаются убить ее вторично. После октября 1917 года убивали ее традиции, ее государственность, ее веру и церковь и физически миллионы лучших людей, особенно же основу ее — крепкое крестьянство. Теперь убивают ее историю и все свои собственные грехи и грехи своей доктрины пытаются свалить на русскую историю. Сборник "СССР — демократические альтернативы", изданный в левом немецком издательстве в небольшом городке Ахберге является такой атакой на русскую историю. Мы дали подробный анализ этого сборника в журнале "Голос зарубежья"№ 4. Но эти идеи проводятся не только в упомянутом сборнике. "Континент" открыл свои страницы такому же искажению русской истории особенно со стороны А. Янова, который считает, что Россия все время только и делает, что воспроизводит опричнину Иоанна Грозного. Ответа и возражения Янову мы в "Континенте", к сожалению, еще не прочли. Так как "Континент" время от времени переводится на иностранные языки, и статья Янова будет, вероятно, переведена в первую очередь, это особенно опасно. Такие статьи — оружие в руках еврокоммунистов, а тем самым и в руках всего мирового коммунизма. Граждане запад-

ных стран, которые поверят этим диссидентским авторам, что только в России может быть варварский коммунизм, потому что это ведь только она может воспроизводить свою опричнину, будут тяжко обмануты и, пережив приход к власти "своих" коммунистов, будуть горько жалеть, что были слышком доверчивы.

Нам могут возразить, что мы здесь в свою очередь говорим о тактических соображениях, если же правда то, что коммунизм мог стать таким только в России, то об этом надо писать, не взирая на опасности распространения взглядов. Вернее, тогда ведь и опасностей не будет: еврокоммунизм будет мягким и демократическим и после прихода к власти.

Вот в этом-то как раз все дело: является коммунизм тоталитарным по своей натуре, или же русское государство деспотично по своей натуре, а совсем не коммунизм. Чтобы решить этот вопрос следует спросить себя 1) Существует ли свободолюбивый и демократический коммунизм где-либо. Ведь теперь много независимых от Сов. Союза коммунистических стран! 2) Были ли в истории России относительно свободные периоды, была ли Россия когда-либо правовым государством? На первый вопрос ответ может быть только: Нет. Такие, от Сов. Союза непосредственно независимые государства как Китай, Камбоджа, Лаос, Вьетнам, Куба построили совершенно те же структуры, а в некоторых местах (Камбоджа) превзошли жестокостью даже сталинский период истории Сов. Союза. Или А. Янов думает, что Россия в XVI столетии завоевала не только Сибирь, но и Китай, Лаос, Камбоджу, Вьетнам и Кубу и везде оставила свою традицию опричнины?

Но о зверствах коммунистов в других странах э т и диссиденты не упоминают. Напротив, они всячески апеллируют к западным коммунистам и часто создают впечатление (сознательно или несознательно), что именно эти коммунисты помогли или помогают заключенным в Сов. Союзе. Особенно стараются в этом направлении Л. Плющ, А. Амальрик* и В. Делоне. Несмотря на то, что коммунисты п о в с ю д у и совершенно независимо от Сов. Союза и от русских коммунистов создают

* Согласно сообщению "Посева" № 3 Амальрик сказал в Швеции, что после распада Сов. Союза самое Россию надо расчленить на 15-30 частей, чтобы русские никогда больше не могли угнетать.

невыносимые режимы, в Западной Европе создается впечатление, что могут существовать гуманные коммунисты, коммунисты, которые заботятся бескорыстно об инакомыслящих, даже, если эти последние не являются коммунистами. Но это очевидно неверно. Если правда, что французские коммунисты помогли выехать в Европу Плющу, то они прекрасно знали, что делали: конечно, им выгодно иметь Плюща в Западной Европе, он их единомышленник. Думается, что и советскому правительству гораздо выгоднее, чтобы Плющ и некоторые другие находились на Западе: это служит целям мирового коммунизма. Мы подчеркиваем, что мы совсем не намерены судить о том, понимают ли эти люди сами, чему и кому они служат. Какие бы мотивы ни побуждали их к их действиям и высказываниям *субъективно, объективно* они служат целям мирового коммунизма, если они реабилитируют еврокоммунистов в глазах населения западных стран. Если они своими призывами к этим коммунистам помочь оппозиционерам в Сов. Союзе создают вольно или невольно впечатление, что сами эти коммунисты, придя к власти, в тюрьму инакомыслящих сажать не будут, они создают обманчивую атмосферу, дымовую завесу, за которой еврокоммунисты могут спокойнее пробираться к власти. Будет поздно, когда коммунисты захватят власть в западно-европейских странах.

Даже те из диссидентов, которые, спрошенные об еврокоммунистах, отзываются о них отрицательно (как, например, В Буковский), сами не выступают с предупреждением против этих коммунистов. Возможно, они считают своей самой первой обязанностью высвобождать товарищей по заключению и, ошибочно полагая, что в этом могут помочь еврокоммунисты, льстят им или по меньшей мере не затрагивают их. Но не говоря уже о том, что еврокоммунисты вряд ли помогут высвободить н а с т о я щ и х борцов против коммунизма,— что дало бы тем же десяткам тысяч политических заключенных (нам почему-то повторяют только несколько десятков имен, забывая о десятках тысяч!), если б такие действия фактически помогли западным коммунистам захватить власть в свои руки. Заключенные в Сов. Союзе этим не были бы освобождены, но прибавились бы еще итальянские, испанские, португальские, французские, немецкие

политические заключенные. Неужели политзаключенным в СССР было бы легче от того, что и другие нации попали под тот же топор тоталитарной диктатуры?

Мы считаем, что, наоборот, более широкое освобождение политзаключенных в Сов. Союзе может произойти т о л ь к о , если Западная Европа останется свободной и демократической. Поэтому п е р в о й обязанностью к а ж д о г о является отстаивание свободы Западной Европы, которая уже находится в опасности.

В этой связи мы спрашиваем себя, какую роль играет настойчивое желание диссидентов изменить терминологию: не борьба против коммунизма, против жестокой советской системы, а борьба за права человека, да еще во всем мире, что диссидентам из Сов. Союза явно не по силам. Мы, конечно, отдаем себе отчет, что принципиально следует протестовать против каждой несправедливости, где бы в мире она ни совершалась. Но во всякой борьбе следует выделить основные пункты, центры тяжести борьбы, т. к. редко у кого хватает сил бороться одинаково интенсивно на всех фронтах с р а з у . Надо наметить приоритет. Для нас нет сомнения, что самым опасным и страшным врагом человечества в данный момент является мировой коммунизм. Против него и надо направить главный удар. Между тем, известная часть диссидентов заявляет, что она борясь за права человека, не борется п о л и т и ч е с к и . Так была составлена декларация пяти на Сахаровском слушании, подписанная Балашовым, Григоренко, Файнбергом, Квачевским и Шрагиным. Там даже говорилось, что "политическая борьба разъединяет", а борьба за права человека "объединяет". Павел Литвинов в сборнике "Самосознание", в статье "О движении за права человека в СССР" пишет: "Мы предпочитаем название "ДВИЖЕНИЕ ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА", что несколько длинновато, зато понятно и не имеет политической претензии." (стр. 79) Но перед тем он во всей статье подчеркивает, что они борятся прежде всего за п о л и т и ч е с к и е права человека. Итак, борьба за п о л и т и ч е с к и е права не имеет п о л и т и ч е с к о й претензии! Что за галиматья! То же самое можно сказать и о "Декларации пяти". Не говоря уже о том, что борьба

за права человека является сугубо политической борьбой, т. к. вся политика вообще — это не что иное, как то или иное отношение к правам человека, их ущемление или гарантия, ограничения до того или иного предела и т. д., спрашивается: кого с кем разъединяет политика и кого с кем объединяет борьба за права человека. Объединит эта последняя Штрауса с Брежневым? Или Картера с Амином? Совершенно очевидно, что всякая борьба кого-то с кем-то разъединяет и кого-то с кем-то объединяет. Эта настолько азбучная истина, что неловко даже ее объяснять. Не верится в то, чтобы авторы всех этих излияний сами этого не понимали. Остается вопрос: зачем они пишут эту явную логическую чепуху и кого с кем хотят объединять? Не является ли это тактикой для того, чтобы включить еврокоммунистов в "борцы за права человека"? Если б эти люди назвали себя антикоммунистами, если б они признали, что самым страшным и опасным для всего человечества злом в данный момент является коммунизм, то им пришлось бы занять ясные позиции и по отношению к еврокоммунистам, которые и не думают порывать с Москвой. Но под дымовой завесой мнимой аполитичности можно создать еврокоммунистам ореол борцов за права человека.

А это, в свою очередь, может помочь еврокоммунистам захватить в их странах власть в свои руки. А если захват произойдет, то в этих, ставших коммунистическими странах, никакого разговора о правах человека больше уже не будет.

Повторяем еще раз: мы не знаем, кто из диссидентов понимает, что, собственно говоря, происходит, а кто не ведает, что творит. И нас этот вопрос, признаться честно, не очень интересует. Мы уже раз установили (в статье "Кто же настоящий коммунист?" "Голос зарубежья" №3), что если больному будет дан яд даже человеком, не намеревавшимся его убить и думавшим, что он дает лекарство, то больной все же умрет. И задача человека, заметившего, что протягивается яд, остановить руку с ядом. А уже потом будет время разобраться, какие намерения были у того, кто этот яд протягивал.

Сейчас со многих сторон больной Европе протягивают яд

той смертельной опасности, которую представляет собой еврокоммунизм. Если нам не удастся расплескать этот яд, то свободная Европа умрет, а потом будет поздно хвататься за голову и утверждать (может быть, даже совсем искренне): "Мы этого не хотели!" Эти фразы мы слышали и после октября 1917 в России и затем отчасти в эмиграции, отчасти в тюрьмах. Эти фразы были слышны в Германии после января 1933 г. И меньше всего диссидентам, пережившим на себе коммунизм, подобало бы оставаться равнодушными по отношению к опасности, нависшей над еще свободной Европой, или даже эту опасность всячески размывать, чтобы потом повторять стереотипную фразу, о том, что они мол, не хотели. Надо подумать об этих вопросах с е й ч а с , пока еще не поздно.

То же самое относится и к русской эмиграции. Диссиденты относятся к эмиграции полуотрицательно, полупрезрительно. Исключение составляют в их глазах те, кто полностью поставил себя на их службу. В этом отношении знаменательной была статью Ю. Майера в НРС от I апреля. Это нечто вроде унтерофицерской вдовы, которая сама себя высекла. Ю. Майер объявляет самоликвидацию первой эмиграции. Вторую он игнорирует полностью, и у него остается только третья, причем его нисколько не смущают коммунисты среди них. Европейской опасности он, очевидно, совсем не замечает.

Издатели сборника "Самосознание" называют большинство эмиграции вопреки фактам — националистической или православно-националистической, что в их глазах является отрицательным. Так же и Левитин-Краснов огульно обвиняет всю эмиграцию, что она, якобы не научилась демократии. Лев Копелев не относится к новоприехавшим, он еще находится в Сов. Союзе, но в сборнике "Самосознанние" написал статью именно об эмиграции, которую знает очень поверхностно. С явной неприязнью он относится ко второй эмиграции. При этом он относит несимпатичную ему организацию НТС ко второй эмиграции. На самом деле НТС возникла до второй мировой войны в 1930 г. в Югославии и была создана первой эмиграцией. После войны в нее влились и представители второй эмиграции, но НТС никак нельзя считать творением второй эмиграции, как

это утверждает Копелев. Нужно отметить, что не только левые стараются принизить вторую эмиграцию: в "Континент", например, представителям второй эмиграции доступа почти нет. Это все еще следы советского воспитания и советской пропаганды.

Отметим, кстати, что Копелев, воздавая хвалу эмигрантам разных национальностей в прошлом, хвалит Маркса и Энгельса и то влияние, которое они оказали на мир. Несмотря на все пережитое и виденное Копелевым в стране победившего марксизма, он остается марксистом! Только напрасно он причисляет Энгельса к эмигрантам. Энгельс долго жил в Германии, в то время, как Маркс был эмигрантом. Переехал он в Англию не потому, что ему пришлось эмигрировать, а чтобы быть ближе к Марксу и потому что у него в Манчестере была фабрика, унаследованная им от капиталиста-отца. Человека, который по тем или иным причинам живет за границей, но сохраняет паспорт своей страны и в любую минуту может туда вернуться, еще никогда не называли эмигрантом.

Но если почти у всех новоприехавших замечается отрицательное отношение к эмиграции, особенно к принципиально антикоммунистической, то "пальма первенства" принадлежит Белоцерковскому, издателю сборника "СССР — демократические альтернативы". В интервью, которое он давал левой французской газете, он высказывается и о предыдущих эмиграциях. Указывая на важность, по его мнению, факта выхода в свет его сборника, он говорит: "Событие важное. Потому что, в действительности, единственная идеология, которая пока нашла выражение была правая, пользовавшаяся поддержкой со стороны крупных финансистов старой царской ультрареакционной эмиграции, а так же со стороны ЦРУ (CIA)" (Политик, 14 ноября 1976 г.) В другом месте он сказал, что им трудно найти общий язык со старой эмиграцией, легче с левыми Западной Европы и затем буквально: "Последние (эмигранты) те, которые политически активны, ненавидят Запад. Большинство из них так и не поняли, что такое демократия. И видят в ней происхождение революции, которая их разорила, и они ненавидят русский народ, присоединившийся к революционному движению." (Политик, 15-24 ноября 1976 г.) Что отвечать на эту чисто

советскую лживую агитку? Где же были эти "крупные финансисты" в ...эмиграции?! Как раз первая эмиграция очень бедствовала. Работали чернорабочими, шоферами парижских такси, поварами, и если что создавали, — а создали чрезвычайно много, — то в силу своего идеализма. Совсем в ином положении "третья волна". У нее почему-то много денег, она выпускает журнал за журналом, сборник за сборником, даже чрезвычайно шикарные и дорогие альманахи. Представители "третьей волны" разъезжают по всем континентам, не затрудняясь финансово. В отношении финансов "третья волна" несравненно лучше обставлена, чем первая и вторая эмиграции.

Между прочим, Белоцерковский сам себе противоречит, потому что в другом номере той же газеты говорит, что революция разорила эмиграцию, а потому она ее, а заодно и демократию, ненавидит. Если была разорена, то откуда же великие финансы?

Все утверждения Белоцерковского до такой степени советская беззастенчивая пропаганда, что для русского читателя тут и разъяснять нечего. Да, революция разорила, но не только кучку богачей, но весь народ, или, вернее, народы. Она разорила, а многих и физически погубила, прежде всего, русское и украинское крестьянство, которое к моменту революции составляло приблизительно 80% населения страны. И эти крестьяне, да зачастую и рабочие, уходили в эмиграцию уже с первой волной, а тем более со второй. Какая советская ложь, что русский народ целиком поддержал революцию! В Белой армии сражалось много представителей всех слоев народа. А те, кто поддержал революцию, поверив лживым обещаниям большевиков, потом лили горькие слезы. И уж совсем чудовищно утверждение Белоцерковского, что эмиграция ненавидит русской народ! Это говорит тот самый Белоцерковский, который в сборнике "СССР — демократические альтернативы" предлагает русскому народу самоликвидироваться. Требует, чтобы русский народ отказался от своего имени и истории и называл себя впредь "советским". Это, мол, нужно, чтобы выбить почву из-под ног русофилов, т.е. всех тех, кто любит русский народ. Но если Белоцерковский собирается выбивать почву из-под ног любящих русский народ, то как же он сам относится к этому народу? Кто же ненавидит

русский народ — эмиграция или г-н Белоцерковский?

Не пора ли русской эмиграции встать на защиту не только себя самой, но и, прежде всего, русского народа, от имени которого присваивает себе право говорить Белоцерковский и другие социалисты и коммунисты? Не пора ли русской эмиграции стряхнуть с себя блаженный восторг по отношению ко всем новоприехавшим?

Потому что и тут цель ясна. Белоцерковский хочет подорвать политическую монополию правых в русской эмиграции. Ясно, что к "правым" он относит всех антикоммунистов в том числе и демократов, ясно также, что именно им он объявляет войну. И эта линия ведет все к той же цели: ликвидировать п р и н ц и п и а л ь н ы й антикоммунизм и обелить коммунизм как таковой, помогая еврокоммунистам захва тить власть в Европе.

Все линии ведут в одну сторону, все к одной цели: ликвидации антикоммунизма и помощи мировому коммунизму в его желании захватить власть во всем мире, помощи той самой "мировой революции", которую по утверждению Белоцерковского, поддерживал русский народ, — новая клевета на этот и так уже исстрадавшийся народ.

Хватит ли у русской эмиграции сил стряхнуть с себя навождение новоприехавших и стать снова активными борцами против коммунизма как такового? Найдутся ли среди новоприехавших такие, которые я с н о и н е д в у с м ы с л е н н о о т м е ж у ю т с я от тех, кого мы сейчас представили вниманию читателя, а заодно отмежуются и от е в р о к о м м у н и з м а?

Это н а с у щ н ы е вопросы, ответ на которые должен быть дан скоро. Время не терпит. Европа под непосредственным ударом в н у т р е н н е г о коммунизма.

В. Пирожкова

"НАРОДНЫЙ ФРОНТ" В ЭМИГРАЦИИ ИЗ СССР

... Или как иначе назвать этот союз коммунистов и социалистов, образовавшийся в недрах третьей эмиграции? Напомним возникновение этого наименования. После того, как стало ясно, что тактика коммунистов, заключавшаяся в отказе сотрудничества с социалистами для предотвращения захвата власти в Германии националсоциалистами, оказалась ошибочной, в 1935 г. в Москве был созван VII конгресс Коминтерна, на котором с согласия Сталина болгарский коммунист Георгий Димитров в большой речи наметил новую тактику. Она получила наименование "народного фронта" и предполагала сотрудничество коммунистов не только с социалистами, но и с левыми буржуазными партиями и группировками до тех пор, конечно, пока коммунистам не удастся захватить власть полностью в свои руки. Все коммунистические партии последовали этому призыву к новой тактике. Еще незадолго до этого важного конгресса французская компартия исключала из партии тех своих членов, которые пробовали в том или другом месте наладить сотрудничество с социалистами. Теперь она предложила сотрудничество всем политическим силам Франции за исключением 200 особо богатых семей. Мы видим, что "исторический компромисс" Энрико Берлингуэра ничего нового из себя не представляет. Он был испробован уже 40 лет тому назад. Трудно сказать, чем кончился бы этот эксперимент, если б не разразилась вторая мировая война, которая временно положила конец всем экспериментам подобного рода.

Эту статью В. А. Пирожковой мы перепечатываем из журнала "Голос Зарубежья", N 4. Р. Г.

Тактика "народного фронта" была применена в той или другой форме во всех сателлитах и кончилась повсюду коммунистической диктатурой. Для Западной Европы она была торжественно подтверждена в августе 1975 г., когда в Москве праздновался 40-летний юбилей VII конгресса Коминтерна. Еврокоммунисты используют пока довольно успешно эту тактику.

Какое отношение все это имеет к эмиграции? Прежде не имело никакого. Никто из социалистов первой эмиграции не пошел бы на сговор с коммунистами. Во второй эмиграции социалистов не было вообще. Но вот в "третьей волне" их немало, есть среди них и коммунисты. Они выступили теперь в печати единым фронтом левых, документировав свои взгляды в сборнике "СССР — демократические альтернативы" под редакцией В. Белоцерковского. Авторами сборника являются: Леонид Плющ, Михайло Михайлов (перепечатка одной из его старых статей, написанных до ареста), Вадим Белоцерковский, Ян Элберфельд, Герман Андреев, Юлия Вишневская, Александр Янов, Анатолий Левитин-Краснов, Ефим Эткинд и Евгений Кушев.

Через весь сборник в различных вариациях, сгущениях и разжижениях, проходят три линии: марксистско-коммунистическо-социалистическая, антирусская и антихристианская, вернее, вообще антирелигиозная. Участие "церковного христианина" (как он сам себя именует) Левитина-Краснова в этом сборнике не изменяет его общего антирелигиозного характера.

Социалистическо - коммунистическая, марксистская линия и линия антирусская обусловливают друг друга: невозможно продолжать быть марксистом, коммунистом, социалистом, если признать, что осуществление этих идей в России является последовательным их проведением в жизнь. Для того, чтобы сохранить марксистские убеждения, надо уверить себя и других, что "опыт" в России не удался по каким-то независимым от марксизма причинам. Самой удобной жертвой представляется Россия, ее история, ее народ. Не марксизм виноват в жестокостях советского режима, а русская история, которая, по утверждению Янова, все время воспроизводит свою опричнину. "Я имею в

виду, что, начиная с первой автократической революции Ивана Грозного, с его великой Опричнины, с первого Архипелага ГУЛага, уничтожившего восьмую часть нации, русская история непрерывно *воспроизводит главные политические параметры созданной в* XVI веке опричной системы" (стр. 188). Авторы сборника проводят эту мысль весьма настоятельно и, прочитав их статьи, я пришла к убеждению, что в XVI веке Россия завоевала не только Сибирь, но также весь Китай, Лаос, Камбоджу, Вьетнам и... Кубу! Она, видимо, оставила во всех этих странах традицию русской опричнины, потому что как же иначе можно объяснить то, что в этих, от Сов. Союза независимых коммунистических странах, созданы аналогичные структуры, не только не более гуманные, но, напротив, превосходящие даже жестокости Сталина, — возьмем хотя бы непревзойденные жестокости коммунистов Камбоджи или страшный Архипелаг ГУЛаг Кубы. Конечно, можно и в других странах найти немало жестоких традиций в прошлом, — где их не было? Но при чем же тут особая традиция России? Именно ее опричнина?

Присмотримся ближе к отдельным заявлениям авторов сборника по этому вопросу: Плющ, например, говорит: "Мне кажется, что сталинское варварство является прямым продолжением варварской истории России... Сталин не случайно вернулся к очень многим старым, традиционным русским формам, и совсем не случайно, что сейчас национальными героями русского народа считаются реакционер и жандарм Европы Суворов, реакционер Кутузов, царь Петр, варварскими методами насаждавший в России цивилизацию" (стр. 23-24).

Над этим пассажем не знаешь, следует смеяться или плакать. Но прежде всего бросается в глаза знакомая терминология. Ведь вот именно так учили нас в советских школах *при Сталине!* Как раз так называли Кутузова и Суворова в школах *конца* 30-х гг.! Плющ еще забыл прибавить, что эти полководцы были "псами кровавого царизма", что мы тоже должны были слушать в школе сталинского времени. Помнится мне, в 1937 г. наш класс ездил на экскурсию в Ленинград, и при осмотре Петропавловской крепости экскурсовод около гробницы каждого императора, называя дату его кончины, говорил не "умер", а "сдох". Таково было отношение к русской истории и русским

традициям в *сталинское* время. Не приходится уж говорить о ленинском, т. е. о том времени, когда было положено начало тотального террора. Правда, когда началась европейская война и выяснилось 1) что и Сов. Союз может быть втянут в эту войну и 2) что мало кто будет сражаться за коммунизм и за сталинский режим, как грибы после летнего дождя, начали появляться кинофильмы и пьесы с неожиданным прославлением вчерашних "псов кровавого царизма". Это была лишь циничная игра на патриотических чувствах.

Однако, если предположить, что теперь Кутузов и Суворов являются чем-то вроде образцов для правителей, то нужно сказать, что эти "реакционеры" оказали все же несколько смягчающее действие, потому что никто не будет отрицать, что заключенных и лагерей сейчас значительно меньше, чем при Сталине, когда Суворов и Кутузов именовались "псами кровавого царизма".

И остается спросить Плюща, хочет ли он вернуться к временам, когда никто этих русских полководцев никому в пример не ставил, т. е. к временам довоенного сталинского террора? Или же к ленинской Чека? Является ли это его идеалом?

И где же Плющ нахватался таких выражений, как "жандарм Европы" или "реакционеры" по отношению к воинам, если не в советской школе? Или он взял их из учебников сталинского времени? Ведь не мог же он сам придумать эти старые советские стандарты, эту нелепость! Если в период революций или больших перемен еще можно говорить о революции и ре-акции на эту революцию, если по отношению к политическим деятелям такой эпохи еще допустимы выражения "революционер" и "реакционер", то называть полководцев, которые исполняют свой воинский долг в отношении своей страны, особенно, если они отражают иностранное вторжение, как, например, Кутузов в 1812 г., "реакционерами" до такой степени лишено всякого смысла, что это может быть только автоматическим повторением внушенного. Если бы Плющ хоть немного подумал, он не стал бы повторять таких нелепостей.

Вообще метод, который применяют авторы, чтобы "доказать" традиционное "варварство" русской истории — это

очень старый метод всех тех, кто мало заботится об исследовании *всего* исторического процесса данной страны, а смело перебрасывает мосты от одной удобной для его взглядов эпохи к другой. Так авторы сборника большей частью перебрасывают мост прямо от Иоанна Грозного к Сталину, некоторые прихватывают как дополнительную подпорку своих конструкций Петра I. Все остальное они выкидывают из поля своих наблюдений. Впрочем, Г. Андреев сумел пристроить к Иоанну и Петру "обоих Николаев", но это уж явное повторение задов советской школы. Особенно тщательно авторы сборника обходят эпоху реформ Александра II, ее как будто в русской истории вовсе не было. А, между тем, Василий Гроссман в своем неоконченном романе "Все течет" назвал эту эпоху великой эпохой освобождения, а марксистскую революцию 1917 г. страшным срывом в варварство. Но развитие России в XIX и начале XX века нашим авторам явно не нравится, им гораздо больше по душе Иоанн Грозный, он так хорошо подходит к тому, что "требуется доказать". Впрочем, им же пользовались и нацисты. Уже в послевоенное время оставшийся по своим убеждениям нацистом Вильгельм Штарлингер пытался в своей книге в начале 50-х гг. развить точно ту же концепцию русской истории, какую теперь развивает Янов. Можно даже подумать, что Янов списал ее Штарлингера.

Но аналогичный метод применял и Гитлер по отношению к евреям, а потом некоторые американские "перевоспитатели" после войны развили подобную концепцию по отношению к германскому народу, выводя Гитлера чуть ли не от императоров Оттонов. Хотя это была полнейшая нелепость, которая постепенно отмерла, и в объективном смысле ей так же мало оправдания, как и концепциям авторов сборника, но психологически она была более понятна, так как Гитлер сам старался представить себя наследником всех великих исторических деятелей германской истории, монархов и политиков, тогда как грузин Сталин, за всю свою жизнь не научившийся правильно говорить по-русски, или интернационалист и фанатичный марксист Ленин могут быть поставлены в русскую традицию только при сознательном вычищении из этой традиции 90% всего, что там было. Кстати сказать, несостоятельные попытки

очернить всю германскую историю, делавшиеся в послевоенной Германии, чрезвычайно вредно стразились на нормальном самосознании немецкого народа, и трудно сказать, к каким последствиям они еще приведут.

Но вернемся к коммунизму и национальным традициям. В каждом народе, в каждой стране можно отыскать жестокие эпохи и потому можно утверждать, что китайские, камбоджанские, лаосские, вьетнамские и кубинские коммунисты только повторяют те или иные жестокие традиции, которые содержались в истории соответствующих народов. Испанские коммунисты зверствовали (возьмем, скажем, массовые расстрелы священников, монахов и монахинь), потому что Испания пережила период инквизиции, а если, — не дай Бог, в Швейцарии победят коммунисты и начнут совершать свои жестокости, то можно будет сказать, что они возродили традицию Кальвина, который в Женеве процентуально (если взять во внимание количество населения и время его господства) сжег больше "еретиков", чем вся испанская инквизиция. Повторяем, в каждом народе можно подобрать какую-нибудь жестокую традицию и попытаться ею обелить коммунизм и марксизм, но... тогда встанет неизбежный вопрос: отчего коммунисты возрождают в *каждой* стране ее *худшие,* а не лучшие традиции?

В. Белоцерковский идет в своей антирусскости дальше всех и предлагает русскому народу покончить духовным самоубийством. Белоцерковский предлагает навсегда уничтожить наименование "Россия" и "русский народ" и называть Россию впредь комбинацией нескольких букв РСФСР, в которой, правда, в скрытом виде есть слово "русская", но именно в *скрытом,* русский же народ должен впредь называться навсегда "советским" и стать "Иваном, не помнящим родства". "В США им стало географическое понятие, а в России, в РСФСР — государственное: советский народ, советские люди и т. д." (стр. 87). Как это напоминает "социалистическую нацию" Хонеккера! Ведь восточногерманский глава "единой социалистической партии" заявил, что в Восточной Германии живет не часть немецкого народа, а какая-то совершенно новая "социалистическая нация". Однако Хонеккер делает это по горькой необходимости: немцам

в Восточной Германии уж очень хочется освободиться от всех хонеккеров, марксистов и коммунистов и соединиться со свободной (пока еще) Германией. Так вот он и старается внушить подвластным ему немцам, что они вовсе не немцы, а члены какой-то еще невиданной "социалистической нации". И затем, Хонеккер отказывает в национальном имени части своего собственного народа, тогда как Белоцерковский хочет побудить к национальному самоубийству другой, чужой ему народ. Все же другие народы и народности Сов. Союза, по его мнению, вправе сохранить свои исторические наименования. Если это не попытка совершить духовный национальный геноцид над русским народом, то что это такое? Конечно, и это роднит авторов сборника с нацизмом, но, ясно, с нацизмом, направленным не против евреев, а против русского народа. Но какую бы жертву ни избрал себе нацизм, сущность его остается одинаковой, только степени проявления могут быть разными. Белоцерковский предлагает национальную, а не физическую смерть русского народа. Ну, а если этот народ откажется кончать самоубийством? Ведь все те, кто хотят *другим* навязать свои представления, начинают с предложения сделать это добровольно, добровольно самоликвидироваться, и только при "упорстве" жертвы они переходят к методам физического насилия, если получат в руки власть.

Правда, Белоцерковский превозносит понятие "советский" и даже вопреки очевидности утверждает, что это понятие принято всем русским народом без возражений, но ведь те, от имени кого он присваивает себе право говорить, и возразить-то не могут: у них кляп во рту. Если же ему возразят люди, живущие на свободном Западе, все равно, будь они из первой, второй или третьей эмиграции, он сразу же наклеит имкакой-нибудь ярлык и будет уверять, что он, а не они, знает истинные настроения русского народа. А ведь большинство народа спросить невозможно. Белоцерковский ссылается на Синявского, который сказал, что у него есть *своя* советская власть. Мы не сомневаемся, что у Белоцерковского и Синявского есть своя советская власть, или, может быть, для них советская власть своя, но мы сомневаемся, что так думает большинство русского народа.

Впрочем, Белоцерковский полностью выдает себя в

предыдущем абзаце. Он пишет: "Русской культуре она не грозит (перемешанность населения в России, — В. П.) — язык остается, а вот у русофилов вырывает почву из-под ног!" (стр. 87). Так вот оно, оказывается, в чем дело: надо уничтожить русофильство, т. е. любовь к русскому народу! Но любовь к одному народу — своему или чужому — никогда еще ничем криминальным не считалась. Любовь к определенному народу еще никак не означает ненависти к другим народам. Так, любовь к близкому человеку не означает непременно ненависти к другим людям или ко всему человечеству. Наоборот, чистая любовь к своему народу предполагает уважение по отношению к такой же любви к другому народу. Так чем же дурно русофильство?

Как известно, в мире существует феномен антисемитизма и таковой филосемитизма. Не покончить ли одновременно с обоими, побудив еврейский народ забыть свою историю тысячелетий* и назвать себя какой-нибудь искусственной кличкой? Пусть Белоцерковский поедет в Израиль, где на вершине горы Масада танковые войска ежегодно дают гордую присягу, что Масада не падет второй раз (а первый раз она пала, когда римские войска окончательно подавили восстание Бар Кохбы в 130 году после Р. Х.), — и сделает там предложение, чтобы еврейский народ превратился в Ивана безродного с искусственной кличкой, — он увидит реакцию!

В этой связи мы хотим обратиться к русской эмиграции со следующим призывом. Русская эмиграция в большинстве своем никогда не была антисемитской. Антирусскость разбираемого сборника, дерзкое предложение, сделанное русскому народу, совершить национальное самоубийство, могут в некоторых кругах вызвать антисемитские чувства. Но мы *настоятельно* предупреждаем русскую эмиграцию не поддаваться на эту провокацию! Авторы сборника — это маленькая кучка в числе десятков тысяч выехавших за последние годы из России евреев и тех, кто там еще остается. Мне лично пришлось разговаривать со многими. Я четыре раза посещала Израиль. Я свидетельствую, что у подавляющего большинства из них

*См. "Повесть тысячелетий" Ю. Марголина.

настроения обратные таковым авторов сборника. Большинство выехавших из СССР евреев — антикоммунисты, а не антирусские. Их любовь к их новой родине, Израилю, не вызывает у них ненависти к народу, язык которого стал их родным. Было бы крайней несправедливостью делать всех их ответственными за десяток-другой ненавистников России. Не говоря уж о том, что эти последние сейчас же воспользовались бы такими настроениями в русской эмиграции, если б они возникли, и, перепутав причину со следствием, продолжали бы свой поход против антикоммунистической эмиграции, который они уже начали.

Но этот наш призыв не означает, что эмиграция не должна бороться с лживыми и вредными утверждениями. Очернение русский истории имеет ведь целью *обеление коммунизма.* Разбираемый сборник должен выйти на английском, немецком и французском языках. Мы знаем очень хорошо, как охотно в Западной Европе и США многие готовы верить, что только "варвары-русские" создали *такой* коммунизм, а что их коммунизм будет иным. Так думали и многие восточные европейцы до коммунизации их стран. Чехи и словаки дожны были в 1948 г. убедиться, что и без присутствия советских войск их собственные коммунисты создали ничуть не менее жестокий режим. Но их опыт мало кого научил. Поэтому так опасна эта пропаганда со стороны некоторой части "третьей волны", смычка которой с еврокоммунизмом идет полным ходом. Много наивных европейцев могут поверить в иной характер "их" коммунизма, а если они попадут под его диктатуру, то поздно уже будет.Тогда они поймут свою ошибку, но избавиться от коммунизма уже не смогут. Поэтому русской эмиграции, если она еще считает себя антикоммунистической, пора открыть глаза, сбросить с себя летаргию, перестать восторгаться *всеми* приехавшими за последнее время из Сов. Союза, отличить "козлищ от овец" и снова поднять знамя *принципиального* антикоммунизма, не давая убаюкать себя сладкими напевами Берлингуэра или Марше, или Карильо, который во время гражданской войны в Испании был сотрудником испанского Чека (это "милое" учреждение так и назвало себя: Чека), и руки которого по локти в крови.

* *
*

Перейдем к разбору социалистических моделей, предлагаемых авторами сборника. Прежде всего, несколько слов о понятии "левый". В. Белоцерковский определяет слово "левый" как направление к развитию демократии в правовой и социально-экономической сфере, особенно правовой (стр. 7). Что означает "демократия в правовой сфере"? Не означает ли это знаменитый и известный у всех левых, будь то якобинцы, большевики или национал-социалисты, "суд народа", т. е. расправу с неугодными, с "врагами народа" путем голосования "большинства"? Демократия, т. е. господство большинства, в области права чревата самым страшным произволом. Репрезентативная государственная демократия остается только до тех пор правовым государством, пока право подчинено законам, а не большинству. Прежде всего необходимо сохранение естественного права, т. е. самых основных прав человека, которые не подлежат отмене никаким большинством, в том числе и репрезентативным большинством парламента.

Социалисты, правда, обычно естественного права не признают, потому у них права личности и не гарантированы. Мне как-то пришлось вести публичную дискуссию с представителем молодых социалистов в Германии (юзос). Он заявил, что не признает естественного права, самым первым пунктом которого является право личности на существование. Конкретно вопрос шел о разрешении абортов, и этот социалист был, конечно, за это разрешение. Я спросила его, что было бы, если б большинство в каком-либо парламенте решило, что разрешается убивать детей, скажем, до трехлетнего возраста, или стариков, начиная с 70-ти или 80-ти лет? Молодой социалист поежился и ответил, что он голосовал бы против этого закона. Но этого мало. А что если б большинство все же голосовало "за"? На это социалист ответа не нашел. Есть у человека права, которые никакой отмене большинством не подлежат!

Законы, не входящие непосредственно в состав естественного права, принимаются в демократических странах парламентом, а при применении права в жизни, при судо-

производстве, судьи руководствуются этими законами. Даже в суде присяжных последние выносят только вердикт, виновен подсудимый в смысле обвинения или нет. Притом в США, например, большинства голосов присяжных недостаточно. Вердикт должен быть вынесен единогласно. Пока хоть один сомневается в виновности обвиняемого, он считается невиновным. Если же предоставить на волю большинства (какого? жителей этого района, города, деревни?) и вердикт виновности или невиновности и меру наказания, тогда наступит страшный произвол. Известно, как натравленные или запуганные массы в Сов. Союзе голосовали за расстрел очередных "вредителей". И даже если б в этом не было давления, если б это было добровольное проявление убеждений народа, все равно это был бы конец всякой справедливости, конец правового государства. Когда масса начинает чинить суд и расправу, тогда начинается террор. Правовое государство только тогда может быть так названо, если оно защищает и права меньшинства от поползновений большинства их затоптать. Та тотальная демократизация, т. е. господство большинства во всех сферах жизни и, прежде всего, в правовой сфере, которую требуют многие западные левые и к которой присоединяются теперь советские левые — это преддверие тотального террора, так как крайности легко переходят друг в друга, и тотальная демократизация кончается элиминированием прав меньшинства и тем самым тотальным террором. За большинство же начинают неизбежно говорить "вожди", потому что большинство фактически не в состоянии проверить все детали каждого вопроса и создать себе квалифицированное мнение.

Но Белоцерковский прав: это и есть путь всех левых, якобинцев, коммунистов, национал-социалистов и других революционеров. Вероятно, многих удивит, что национал-социалистов я отношу к левым, но пора вернуться к правильной терминологии. Конечно, национал-социализм был разновидностью социализма. Об этом есть исследования. Особенно интересна книга Эмиля Франциля "Коричневые якобинцы". И итальянский фашизм вышел из социалистических кругов. Духовным учителем Муссолини был французский социалист

Жорж Сорель. Ни консервативными, ни правыми эти движения никак не были.

Непонятно, что Белоцерковскому надо было ездить в США, чтобы встретить там каких-то троцкистов, испугавших его тем, что они считают режим в Сов. Союзе (хотя они его отчасти критикуют) все же лучше, чем "американский империализм". Для этого Белоцерковскому не надо было ездить в Америку и искать троцкистов: почти все его европейские левые друзья, от Генриха Белля до Энрико Берлингуэра, думают так.

Но перейдем к социальным моделям советских левых. Прежде всего бросается в глаза то, что все, пережившие социализм в Сов. Союзе, предлагают в разных вариациях югославскую модель, т. е. передачу индустрии не во владение государства, а во владение рабочих коллективов. Но М. Михайлов, переживший в Югославии именно эту систему, предлагает советскую систему, т. е. передачу индустрии в руки государства. Как Михайлов, так и другие авторы объясняют неудачу приглянувшейся им системы тем, что она не могла развиться правильно из-за того, что во всех этих странах господствует диктатура. Если б в Сов. Союзе не было диктатуры, то хозяйственная система Сов. Союза дала бы прекрасные результаты. Этого же мнения придерживается, конечно, и коммунист Плющ. Но другие авторы из Сов. Союза думают, что югославская хозяйственная система дала бы самые блестящие результаты, если б там не было диктатуры. Знаменательно, что каждый считает правильным то, чего он сам на опыте не пережил, но заглянуть через забор к соседу, — на это не хватает фантазии.

Однако обе системы существуют при диктатурах, — почему? Можно ли вообще создать *любое* общество? Можно ли взять какую-нибудь систему, элиминировать ее теневые стороны и предложить как новую общественную систему? Или иначе: можно ли побудить людей добровольно отказаться от предпринимательского духа, от личной инициативы в хозяйственной области? Свободное хозяйство входит в комплекс гражданских

свобод. Если отнять у граждан полностью свободу в хозяйственной области, то о свободе уже нельзя будет говорить.

Абсолютной свободы в обществе не может быть, известные ограничения неизбежны, но они должны быть во всех областях. С другой стороны, в каждой области должно остаться достаточно свободы для того, чтобы личная инициатива была возможна. Если в какой-либо области отнять у людей свободу, то свобода начинает умирать и в других областях.

Но авторы сборника пишут, что они не хотят отнимать свободы. Наоборот, именно они претендуют на то, что они принесут людям настоящую свободу. Особенно радикален в вопросе социализма Ян Элберфельд. Он, кажется, немец, но ничего определенного о нем не сказано, только, что он участвовал в студенческих беспорядках в Западной Германии в 1968 г. Для нас, переживших эти беспорядки, такая рекомендация этого автора симпатичным не делает. Мы помним террор со стороны участников этих беспорядков, помним, как они срывали лекции, вырывали микрофоны из рук тех, кто отстаивал иные мнения, чем им хотелось, помним их дикий вой, их ругательства и распущенность. Мы помним, как они доводили профессоров и доцентов до больниц, как они физической силой старались заставить профессоров подписывать воззвания, с которыми они не были согласны, так что один профессор выпрыгнул в окно, спасаясь от насильников 1968 г. Эти люди ясно показали, что они достойны своих нетерпимых к инакомыслящим учителей-насильников. Нет, участие в этих беспорядках — плохая рекомендация. Элберфельд единственный из авторов, который открыто ставит знак равенства между Сов. Союзом и демократическими странами. В его глазах в Сов. Союзе господствует государственный капитализм, а в демократических странах монопольный капитализм. Ни свободе ("формальная свобода" по терминологии коммунистов), ни социальному обеспечению, ни жизненному стандарту он не придает никакого значения. Элберфельд пишет, что *каждый,* кто работает за плату, является *рабом,* независимо от того, сколько он получает, насколько он обеспечен социально, насколько он свободен высказывать свое мнение и принимать участие в важных для общества решениях. Уже в этом ясно проявляется идеолог-фанатик, как мы их знаем и

пережили уже много раз к несчастью человечества. Такой фанатик не замечает живого, конкретного человека, он не видит, что для этого живущего в действительности человека со всеми его конкретными заботами и радостями совсем не все равно, получает он за свою работу столько, чтобы жить со своей семьей не только безбедно, но даже иметь возможность приобрести многое сверх среднего прожиточного минимума, или же он едва сводит концы с концами и должен даже видеть, как его дети голодают. Он не понимает, что живому конкретному человеку не все равно, запрут ли его за свободное слово или нет, что ему не все равно, быть в старости обеспеченным или быть вынужденным жить на гроши. Нет, этого он не понимает. Ему все равно, сколько человек зарабатывает, как он живет: если он живет на заработную плату — он раб. Он должен быть совладельцем всех предприятий — коллективным совладельцем, конечно.

А что, если он не захочет? Что, если найдется немало людей, которые предпочтут спокойную жизнь рабочего или служащего, получающего хорошую заработную плату, ответственности, заботам и хлопотам совладения? Надо тогда предоставить ему свободу жить так, как он хочет? О нет! С максимализмом фанатика требует Элберфельд коперниканского преобразования сознания людей. Как это знакомо! Новый социалистический человек, — разве не стремились и советские коммунисты к этому? И что получилось? Недавно одна немецкая студентка-социалистка сказала мне, что все, что делали советчики, было необходимо, чтобы "вбить народу в голову социалистическое сознание". А как хочет Элберфельд достичь своего "коперниканского изменения сознания"? Проповедью? Для этого социалисты слишком нетерпеливы и слишком легко готовы применять насилие (что и доказали, между прочим, в 1968 г.), особенно, если они видят, что их проповедь привлекает только немногих. Когда те, кто требует космического изменения сознания, видят, что оно не наступает, искушение применить силу обычно побеждает. Но и насилие не приносит космического изменения сознания.

Как хорошо было бы, если б авторы сборника прочли хоть что-нибудь из того, что написано об утопиях. Хотя бы "Ересь утопизма" С. Л. Франка, столетие со дня рождения которого мы отмечаем в этом году. Но авторы сборника мало читали и вряд

ли намерены расширить свои горизонты. Если б они это сделали, не надо было бы теперь им возражать: все возражения уже давно сделаны, а нового они не придумали ничего.

Вот Левитин-Краснов предлагает другую утопию: "И полное имущественное равенство. Каждому нужно жилище, одежда, еда и питье. Каждый должен иметь возможность содержать семью, воспитывать детей, иметь время для отдыха. А что сверх того, то от лукавого. Роскошь никому не нужна, потому что никому не полезна" (стр. 228). Прочтешь такие строки и спрашиваешь себя, что это — крайняя наивность — или что еще? Ведь как легко бросаться такими фразами! А что если дело дойдет до конкретных деталей? Что именно нужно для жизни и содержания семьи, а что роскошь? Достаточно ли щей и каши для пищи и являются ли апельсины в северных странах уже роскошью? Какого качества можно иметь платья и костюмы, и с какой материи начинается роскошь? Вот мне один немецкий студент-социалист сказал, что в Сов. Союзе рабочие живут прекрасно. Когда я ему сказала, что даже если взять средним жалованием рабочего 150 руб., то надо учесть, что костюм среднего качества стоит 180 руб., а ботинки 70 руб. Он на это мне доктринерски ответил: "От роскоши надо отказаться!". Он сам был одет в костюм хорошего качества, и у него были хорошие ботинки. Для себя он это роскошью не считал. И вот главный вопрос: *кто* установит норму, что необходимо для жизни, а что — роскошь? Кто посмеет навязать другому, что именно он, этот другой, должен считать роскошью? Это все то же самое: разговоры о свободе, а на деле претензия на тотальную диктатуру, регулирующую личную жизнь человека вплоть до его мельчайших ежедневных потребностей.

Левитин-Краснов пишет, что он исходит из христианства и, как это обычно делается, приводится все одно и то же место из Евангелия о верблюде, игольном ушке и богатом. Хоть бы Левитин-Краснов объяснил несведущему читателю, что Иисус Христос имел в виду совсем не ушки иголок, которыми шьют и через которые, конечно, ни один верблюд пройти не может. "Игольными ушками" назывались тогда полукруглые ворота в городских стенах, через которые верблюды проползали на коленях. Если верблюд был чересчур нагружен, то кладь мешала ему, и он не мог пройти через эти ворота. Вот это-то и имеет в виду

метафора. Богатый может прийти в Царство Небесное, если он не чересчур перегружает свою душу заботами о своем богатстве, если он помогает бедным, если он владеет, как бы не владея, — это советует апостол Павел. Слишком часто используются надерганные цитаты из Евангелия и еще в ошибочной интерпретации для той или иной идеологии. Делает это, к сожалению, и Левитин-Краснов. Кстати и ему мы советуем почитать С. Франка, скажем, его статью "О христианском социализме". Но упростители вряд ли поймут глубоких мыслителей. Что можно ожидать от человека, который пишет о Ленине: "Я никогда не сочувствовал вульгарной пропагандистской ругани в адрес Ленина (уж слишком она напоминает басню "Слон и моська"). Кто бы он ни был, он прежде всего был гений, и нет сомнения в его субъективных честных намерениях, переходящих порой в маниакальнуюодержимость" (стр. 226). Сколько нам известно, не в адрес Ленина лилась вульгарная ругань, а Ленин вульгарно ругал всех, с ним несогласных, делал это даже в таких своих философских произведениях как "Материализм и эмпириокритицизм". Вскрытие же роковой роли и страшного характера Ленина — это не ругань. Ленин — гений? Чего? Брутальной власти? Ну, таким же гением был и Гитлер.

Забавно, между прочим, что в том же сборнике Г. Андреев пишет, что не Солженицын первый открыл отрицательную роль Ленина, а уже Василий Гроссман писал о ней. Как это понять? Кажется, новоприехавшие из Сов. Союза в самом деле думают, что они живут в вакууме, что кроме них на свете нет никого и никто ничего не писал и не исследовал. Не Гроссман и не Солженицын "открыли" роковую роль Ленина. В свободном мире она очень давно известна.

В одном из своих интервью Левитин-Краснов сказал, что эмиграция якобы неохотно разговаривает с "третьей волной", даже с правыми из них. На самом деле все обстоит как раз наоборот: третья волна неохотно разговаривает с эмиграцией, действительно, даже правые из третьей волны. И еще Левитин-Краснов думает, что русская эмиграция не научилась демократии, потому что она не достаточно широко открыла страницы своих изданий их социалистическим и коммунистическим статьям. Он не понимает, что свобода и демократия заключаются не в при-

нуждении для каждого издателя и редактора печатать в его журнале все, что ему пришлют, а в возможности людям любого политического направления создать свой журнал или свою газету.

Наиболее осторожен в вопросах экономического и социального устройства В. Белоцерковский. Он не выражает желания полностью сравнять разнообразие жизненных проявлений общества и допускает в своей модели три вида владения на средства производства: государственный, кооперативный (групповой) и частный. Он допускает свободный рынок и конкуренцию всех трех видов владения на средства производства между собой. Интервьюируя Плюща, он на заявления Плюща, что плановое хозяйство должно остаться вплоть до достижения коммунизма (*о каком* коммунизме мечтает Плющ?), возразил, что без свободного рынка хозяйство идет нехорошо. На что Плющ сейчас же ответил, что в вопросах хозяйства он ничего не понимает (а в чем, кроме математики, он что-либо понимает? Русской истории он тоже совсем не знает и ничего в ней не понимает, — это он своими выступлениями доказал). Однако Белоцерковский думает, что государство должно поддерживать кооперативную собственность и даже на деньги, которые оно получает, взимая со всех граждан налоги. Не говоря уже о том, что налоги для этого надо было бы взимать драконовские, граждан следовало бы сначала спросить, согласны ли они отдавать значительную часть своего заработка на поддержание кооперативной собственности.

Что касается идеи Белоцерковского о беспартийной демократии, т. е. такой, где кандидаты выдвигаются не партиями, а разными корпорациями и объединениями, то эти мысли возникали у многих и не только левых авторов. Эту проблему можно обсудить. Она упирается только в вопрос свободы: если часть граждан захочет организовать партию или несколько партий, — что же запрещать их? Но тогда уже не будет свободы. Ведь и в западной многопартийной демократии разным не партийным организациям не возбраняется участвовать в выборах и выдвигать своих кандидатов, что они иногда и делают, но большого успеха не имеют. В свободном государстве этот

вопрос отбалансируется сам, а всякая искусственная конструкция предполагает насилие для ее сохранения.

* *
*

Обратимся к антирелигиозной тенденции сборника. В сборнике опубликован "Гуманистический манифест II", подписанный рядом лиц, в том числе и составителем сборника В. Белоцерковским. В введении к этому манифесту говорится о манифесте I, который "оказался слишком оптимистическим". Обоснование: "Нацизм обнаружил ту глубину жестокости, на которую способно человечество" (стр. 307). Ну конечно, *только* нацизм, а не коммунизм. Снова одна и та же попытка левых обелить коммунизм и представить его менее жестоким, чем нацизм. Покойный Ю. Марголин писал в своей потрясающей книге "Путешествие в страну зе-ка", что благополучные американцы и швейцарцы выдумали, что все зло в Гитлере, и забыли о ничуть не меньшем зле коммунизма. Но если это, может быть, и простительно американцам, то *совершенно не простительно* людям из Сов. Союза, которые должны знать все зло коммунизма и если его замалчивают, то не по недоразумению, а *сознательно,* обманывая тем самым людей Запада. От этого упрека составителей сборника избавить нельзя.

Манифест содержит все старые нападки на религию, отчасти те самые, которые могли бы содержаться в "Воинствующем безбожнике". "Мы, однако, полагаем, что традиционные, догматические или авторитарные религии, которые ставят откровение, Бога, обряд или саму веру выше человеческих нужд и опыта, оказывают плохую услугу людям" (стр. 311-312). Уже в одной этой фразе столько нелепостей, что надо написать минимум целый абзац, чтобы на них указать. Что означает вульгарная терминология "авторитарная религия"? Если Бог есть и Он создал мир, — а в это верит верующий, — то, конечно, Бог Творец и Господь, а не товарищ, которого можно хлопать по плечу. Что означает перечисление в один ряд с Богом элементов веры, которые связаны с Ним не словечком "или", а связью "и"? Не может быть Бог *или* откровение, Бог *или* вера и, тем более, Бог

или обряд. Если авторы манифеста взялись писать о религии, то они должны были бы хоть немного осведомиться о ней.

А что означает ставить все это выше человеческих нужд? *Каких* нужд? Чисто материальных? Неужели авторы сборника никогда не слышали о том, что кроме материальных есть духовные нужды человека, удовлетворение которых не менее насущно нужно, чем удовлетворение нужд материальных. Или они сошли на позиции русских шестидесятников-утилитаристов, для которых сапоги были важнее Пушкина? Это уж совсем регресс. Или выше *какого* опыта ставят верующие Бога и веру? Опять-таки выше опыта чисто материалистического? Или авторы ничего не слышали об опыте веры, о мистическом опыте? Или они его высокомерно отметают только потому, что они сами лично его не имели? Но зачем идти так далеко: ни один серьезный ученый XX века не отрицает религии, большинство из них — верующие люди. Именно научный опыт если не доказал существование Бога (чисто эмпирическими средствами это сделать невозможно), то подвел их к грани познания Божества, о чем многие из них (например, Гейзенберг) писали.

Высказываемое дальше в манифесте убеждение, что человечество откроет все тайны природы, — это позитивистическая вера XVIII, отчасти XIX столетия, но совсем не к лицу людям, живущим в XX и даже на границе XXI столетия. Оттого весь манифест носит такой устарелый, реакционный характер. Когда его читаешь, то кажется ощущаешь запах нафталина от одежек XVIII столетия, вытащенных на свет Божий.

"Обещание бессмертия в потусторонней жизни, как и страх вечного проклятия, иллюзорны и вредны. Они отвлекают людей от забот и нужд сегодняшнего дня, от самовыражения, от борьбы с социальной несправедливостью" (стр. 313). Это списано с советских учебников атеизма и до такой степени уныло и нелепо, что трудно даже и возражать. Ведь авторы не приводят ни малейшего доказательства или хотя бы довода в пользу своего утверждения, что вера в потустороннюю жизнь иллюзорна. Это голословное утверждение, а то, что, мол, она отвлекает людей от устройства на земле, — то пусть бы авторы хоть бросили взгляд на Сов. Союз и посмотрели, как там устроились люди, не отвлекаемые верою в загробную жизнь.

"Традиционные религии являются, разумеется, не единственным препятствием на пути к человеческому прогрессу" (стр. 313). Мы просим всех верующих твердо запомнить, что, по мнению авторов манифеста, религии являются препятствием на пути к человеческому прогрессу, а потому авторы, очевидно, не останутся нейтральными и толерантными к религиям и верующим. Ведь препятствия надо устранять, и если только у авторов будет возможность, они непременно возьмутся за уничтожение этих препятствий. Верующие должны быть настороже.

Что же касается веры в прогресс авторов манифеста, то о ней было уже столько написано, что не хочется повторяться. Даже атеист Герцен, однако, несравненно более глубокий мыслитель и образованный человек, чем авторы манифеста, горько иронизировал над этой верой в прогресс. "Если прогресс — цель, то для кого мы работаем? Кто этот Молох, который по мере приближения к нему тружеников, вместо награды пятится и в утешение изнуренным и обреченным на гибель толпам, которые ему кричат: morituri te salutant, только и умеет ответить горькой насмешкой, что после их смерти будет прекрасно на земле". И дальше: "Объясните мне, пожалуйста, отчего верить в бога смешно, а верить в человечество не смешно; верить в царство небесное — глупо, а верить в земные утопии — умно. Отбросивши положительную религию, мы остались при всех религиозных привычках и, утратив рай на небе, верим в пришествие рая земного и хвастаемся этим" (С того берега, глава "Consolatio"). Герцен так и не нашел разрешения этому вопросу и кончил отчаянием: "Я не только смотрел на вид, но и на монаха, и на него-то именно я смотрел и с глубокой завистью, — пожил бы в этом торжественном одиночестве, но монастырь для нас заперт, это чужой отдых, покой от другого бремени, ответ на другие стремления. Куда, в самом деле, денется человек усталый, сломленный или просто неосторожно заглянувший за кулисы и понявший *оптический обман*... Для страждущих духом современное общество приготовило только *сумасшедший* дом. Психология христианства была глубже и гуманнее, — она пожалела уставших" (Письма из Франции и Италии).

Сколько после этого было написано на эти темы одними

только русскими мыслителями! Достоевский, Константин Леонтьев, Владимир Соловьев, Бердяев, Сергей Булгаков, Франк, Вышеславцев, Лосский, если остановиться на самых главных. Можно с ними не соглашаться, но писать на эти темы, беззаботно повторяя зады XVIII столетия так, как будто всех этих мыслителей, разрешивших "проклятые вопросы" Герцена возвращением к религиозной истине, вообще не было, просто нельзя. Как дискутировать с людьми, которые почти ничего не читали?

Впрочем, некоторые читали, но не поняли. Вот А. Янов даже диссертацию о Константине Леонтьеве написал, — теперь почему-то в моде его снова искажать, чем занимаются не только левые, — но у него есть фраза, ясно показывающая, что Леонтьева он совсем не понял. " 'Верхняя' идеология акцентирует на 'Самодержавии'. 'Нижняя' акцентирует либо на 'Православии', как делал Достоевский и делает Солженицын, либо на произвольно интерпретируемой 'Народности': Бакунин приписывал ей генетическое ' чувство свободы', а его антипод Леонтьев — столь же генетический 'византизм' " (стр. 196).

Нужно совершенно не понять Леонтьева, чтобы приписывать ему 1) акцентирование на народности после того, как он отошел полностью от славянофилов и 2) мнение, что "византизм" присущ народности *генетически*. Леонтьев был чрезвычайно далек от расизма. Он никакому народу не приписывал генетических неизменяемых качеств. Россиия, по его мнению, свободно и духовно приняла византийские начала, христианство в его православном виде и монархию в византийской форме. Но русский народ так же может отказаться от этих начал, именно потому, что они приняты свободно и духовно, а не присущи ему генетически. Леонтьев писал, что он хорошо может представить себе Россию, которую он не будет любить, Россию без этих качеств. Он иронизировал над французами, которые любят *любую* Францию.Еще раз: и с Леонтьевым можно соглашаться или не соглашаться, отчасти соглашаться или совсем не соглашаться, но нельзя его *искажать*. Это очень непочтенное занятие.

Авторы манифеста объявляют ограниченный человеческий разум снова идолом, как это уже было сделано в XVIII столетии.

Кажется, что с тех пор не прошло два страшных века, совершенно развенчавших этот ложный идол.

Авторы сборника насмешливо отзываются об удивлении некоторых эмигрантов, что А. Сахаров подписал этот манифест. К чести Сахарова нужно отметить, что он сделал две оговорки: 1) в наше время невозможно противопоставлять религию и науку и 2) манифест не выразил жестокости тоталитарного коммунистического режима. В самом деле, манифест написан так, как будто бы никакого зла, кроме нацизма и ... религии, на свете нет Манифест провозглашает гуманизм эпохи просвещения, но гуманности в нем найти нельзя, потому что провозглашение достоинства личности остается голословным, так как личность называется биологической функцией, а какое достоинство может быть у биологической функции? Можно ли говорить о достоинстве, например, амебы?

Этику манифест объявляет автономной и *преходящей.* Иными словами, ее в любой момент можно отменить или изменить, постулировав, например, что морально все, что служит на пользу коммунизма. Даже советские идеологи отошли в последние десятилетия от полностью преходящей этики и хотя бы в теории признают, что есть некоторые основные нравственные нормы, которые не преходят. Манифест же возвращается к преходящей этике раннего марксизма. Мы уже пережили страшные последствия этой преходящей этики, и мы не можем доверять гуманности тех, кто эту преходящую этику хочет снова оживить. И мы удивляемся, что А. Сахаров подписал этот манифест, хотя и с оговорками.

В. Белоцерковский делает слабую попытку сделать положительные выводы из принципиальной смертности людей. "Сознание дает человеку и относительную власть над природой, и одновременно ясное понимание своей смертности, недолговечности. И человек не может не испытывать сострадания ко всему живому, обреченному на короткую жизнь. Из чувства сопереживания, наверное, и рождается все лучшее в людях: доброта, совесть и нравственные нормы". Эти рассуждения напоминают сон Версилова в "Подростке" Достоевского, только изложены они у Белоцерковского гораздо более примитивно. Человеку,

отрицающему Бога, действительно, трудно найти корни совести и нравственного чувства, потому и приходится неуверенно гадать, откуда же они, наверное, происходят. При этом существование хоть чего-то Высшего a priori отрицается, не допускается даже гипотетически, что является совершенно ненаучным подходом, так как настоящая наука *ничего* не исключает до того, как она это исследует. Что же касается того, что человек не может не испытывать сострадания ко всему живому, то хочется спросить Белоцерковского, в каких благополучных сферах он прожил свою жизнь, что не заметил свойства человека не только не иметь сострадания ко всем живым, но и иметь нередко страсть к садистическому мучительству живого. Нет, человеческую жестокость не остановишь жиденькими "вероятно" в области *преходящей* этики. Если Божий закон далеко не всегда может ее сдержать, то все эти водянистые рассуждения для этого уж совсем не пригодны.

Толстовец Г. Андреев не сообщает читателю, считает ли он сам себя христианином, но он очень высокомерно поучает христиан о том, что в христианстве важно, а что нет. Начинает он с огульного нападения на сборник. "Из-под глыб". Он заявляет, что сборник выпущен теми же людьми, которые выпускали в середине XX века в России огромными тиражами учебники "Научного коммунизма"... (стр. 129). Андреев обвиняет всех авторов сборника в стремлении не доказывать, а убеждать. Это обвинение наиболее странно — как в духовных проблемах можно что-либо *доказать?* Или Андреев мнит, что он доказал абсолютную верность толстовства? Далее он инкриминирует авторам сборника презрение к инакомыслящим, мистификации, манипуляции историческими фактами и пр. и пр. Но вот этим самым озлобленным огульным наскоком он показывает, что именно он сам презирает инакомыслящих и совершенно к ним нетерпим. В сборнике "Из-под глыб" можно многое критиковать, со многим не соглашаться. Я опубликовала критику на статью В. Борисова, где не согласилась с его определением нации как личности ("Новый журнал" № 119), а игумен Геннадий Эйкалович, согласившись со мной в вопросе нации-личности, не согласился с некоторыми другими моими

тезисами ("Голос зарубежья" № 1). Дискуссия и даже полемика совершенно необходимы для поисков истины, но огульные обвинения всех очень различных между собой авторов сборника, совершенно недифференцированный наскок только показывают, что Андреев сам грешит тем, в чем обвиняет других. Вот уж поистине бревна-то в своем глазу и не заметил.

Обвинив всех авторов сборника "Из-под глыб" в манипуляции историческими реальностями, Андреев сам сейчас же начинает весьма примитивно ими манипулировать. Стараясь очернить всю русскую историю, он надергал несколько цитат из Некрасова и, видимо, думает, что доказал этим вековую нищету русского народа. Однако из того же Некрасова можно привести совсем другие цитаты. Например, в его поэме "Мороз — красный нос" в пассаже "Есть женщины в русских селеньях..." говорится:

В ней ясно и твердо сознанье,
Что все их спасенье в труде,
И труд ей несет воздаянье:
Семья их не бьется в нужде.

Затем Некрасов описывает, как нарядная крестьянка идет в воскресенье со своей сытой и одетой семьей в церковь и кончает: "И по сердцу эта картина всем любящим русский народ". Но авторы сборника русского народа не любят. Хочет же Белоцерковский выбить почву из-под ног русофилов, т. е. тех, кто любит русский народ. Вот поэтому авторы сборника и выбирают другие картины, которые им, видимо, больше по сердцу.

Андреев пишет даже такие нелепости: "Нужно определенно сказать: грабежи, насилия, ограничения свободы не придуманы Сталиным. Солженицыну хватает смелости мысли, чтобы вывести Сталина из Ленина (кстати, на это решился и В. Гроссман в романе "Все течет..."), но почему-то недостает духа признать, что Сталин — это продолжение дела и Ивана Грозного, и Петра, и Екатерины, и обоих Николаев и... Нерона, и Ирода" (стр. 145).

Тут намешано столько ерунды, что и не распутаешь. 1) Не думаю, чтобы нашелся на свете идиот, который бы думал, что Сталин впервые выдумал зло и что до него вообще никакого зла на свете не было. Думаю, что так же и А. Солженицыну известно

о том, что существовали Ирод и Нерон, Калигула и Чингисхан, Иоанн Грозный и Генрих VIII, который своим женам рубил головы, тогда как Иоанн Грозный все же только отправлял их в монастырь, и Робеспьер и пр. Но уж если Андреев довел зло до Ирода, то почему же у него не хватило смелости мысли довести его до падшего ангела света, до сатаны, с которого зло-то ведь и начинается? Или Андреев думает, что зло началось только с Ирода и, перейдя через Нерона, перекинулось на Россию, миновав все другие страны? Или надо начинать с самого корня зла и вскрывать его в истории везде, где оно появлялось, или надо ограничиться определенным историческим феноменом и спросить себя, где корни именно *этого* определенного зла. Сталинское зло уходит своими непосредственными корнями, конечно, к Ленину и Марксу, а не и Ироду или Нерону, но также и не к Иоанну Грозному и тем более не к Николаю II.

2) Совершенных правительств и режимов, конечно, нет. Повсюду можно найти отрицательное. Немало отрицательного можно найти и в непосредственно дореволюционной России. Но если Андреев ставит на одну доску тотальный и жестокий террор Сталина и мягкое правление Николая II, то он не только совершает величайший грех против справедливости и исторической правды, но он также открывает широко ворота *новому тотальному террору*. Если все равно, каково государство, только ли в нем некоторые неполадки и несправедливости, или же господствует сплошной страшный террор, то не стоит и стараться что-либо улучшить. Еще раз: совершенного общества нет и не будет, есть только градации несправедливостей, но *именно от этих градаций* зависит, выносима жизнь в данном обществе и государстве или нет. Максималисты, вроде Андреева, стараются размыть разницу, стереть границы между тотальным террором и некоторыми неполадками и несправедливостями. Этим они не делают вклада в улучшение общества, наоборот, они открывают двери террору.

Г. Андреев считает, что Л. Толстой оставался христианином, хотя он отрицал самую сущность христианства. Андреев перечисляет, что Толстой отрицал: Воплощение, Воскресение, первородный грех и искупление, таинства (стр. 163). Что же тогда остается от *христианства?* Если отрицать все

перечисленное, то остается человек Иисус, но Христа уже нет. Тот же, кто отрицает Христа, не может называть себя христианином. Нам надо, наконец, вернуться к *честной* терминологии. Каждый человек имеет полное право верить или не верить, думать так или иначе, но он должен быть честным в своей терминологии. Если кто-либо полностью отрицает то, что проповедовал Маркс, он не должен называть себя марксистом. Если человек полностью отрицает Христа, он не должен называть себя христианином. Ф. А. Степун предлагал, чтобы те люди, которые видят в Иисусе только человека, а не Сына Божия, не Христа, но хотят делать этого человека примером для других, называли бы себя иисусаистами, но не обманывали бы других, называя себя христианами.

Владимир Соловьев в своем предсмертном и бессмертном произведении "Три разговора" пишет, что лучше, честнее, совсем отрицать Евангелие, чем искажать его, как это, увы, делал Л. Толстой. Нам совершенно непонятно, как теперь можно защищать учение Толстого, не упомянув об этом произведении Соловьева. Его аргументы настолько убедительны, что тот, кто теперь считает себя толстовцем, должен был бы попробовать опровергнуть аргументы Соловьева, а не писать так, как будто "Три разговора" никогда не были написаны. Но, может быть, Андреев, в самом деле, не знает об этом произведении и не читал его?

Общее впечатление от сборника отрицательное. Авторы его не углубились в разбираемые ими темы. Почти все статьи написаны без основательного знания предмета, но зато с апломбом и довольно агрессивно (Исключение — статья Ефима Эткинда "Политика и правда". Непонятно, как она вообще попала в этот сборник). К сожалению, этот сборник только подтверждает горькое слово Солженицына об "образованщине". Непонятно только, отчего Ю. Вишневская отнесла к образованщине Г. Померанца. Померанца мы считаем самым глубоко и широко образованным, самым вдумчивым из всех авторов из СССР, какие нам в последнее время стали известны. Кроме того, Померанц — прекрасный стилист русского языка, чего нельзя сказать об авторах разбираемого сборника. Относить его к образованщине совсем несправедливо.

Но к русской эмиграции мы хотим еще раз обратиться с призывом перестать превозносить всех, кто теперь приезжает из Советского Союза, и понять, что приезжают не только антикоммунисты, не только наши союзники. Иностранцы уже используют Плюща для того, чтобы попытаться доказать, что коммунизм хорош, а Россия и русский народ плохи. Если под влиянием русофобов на Западе снова начнется борьба не против страшной коммунистической идеологии, а против России как таковой, как это делал Гитлер, если левым удастся натравить Запад на Россию, на русский народ и обелить коммунизм, то будущая катастрофа неизбежна. Русская эмиграция, может быть, сама не отдает себе отчета, что она много сделала для того, чтобы Запад не стал коммунистическим. Кто знает, быть может, без русской эмиграции и ее непрерывных предупреждений ряд западных стран уже стонал бы под диктатурой "еврокоммунистов". Но сейчас, как кажется, русская эмиграция начала забывать эту свою миссию, отдавшись восторгам по отношению ко всем новоприехавшим. Ей надо вспомнить свою миссию. Ей надо понять, что идейная борьба не кончилась, а приняла новые формы. Как уже упоминалось, левые хотят издать этот сборник, который все валит на Россию и русскую историю и фактически обеляет коммунизм, на английском, французском и немецком языках. Немецкая газета "Зюддейче цейтунг" сообщила, что деньги на эти издания они надеются получить от еврокоммунистов (а еврокоммунисты получают деньги из Москвы). Разъяснительная работа русских эмигрантов среди западных европейцев и американцев никогда еще не была так насущно нужна, как теперь.

В. Пирожкова

ПОТУГИ САТАНИЗМА

Вызвал сатир Марсий бога Аполлона на соревнование. Дикий хаос зазвучал из свирели Марсия. Содрал с проигравшего Марсия шкуру лучезарный бог.

Перед нами увесистый сборник поэзии, графики, прозы и живописи, изданный Михаилом Шемякиным. Назван "Аполлономъ — 77". Как объясняют составители — именно участники этого сборника сохраняют в чистоте традицию журнала с подобным названием, издававшегося С. К. Маковским в начале века. Но не самозванец ли Марсий, скрывшийся за именем "Аполлона — 77", вылезает из тьмы забвения?

Попробуем спокойно и внимательно рассмотреть товар, который нам предлагают за немалую цену. Начнем с главы предприятия.

Михаил Шемякин начал свой творческий путь в Ленинграде. Там же начались его первые полуофициальные выставки живописи, впитавшей в себя живительные соки неофициального искусства. Но уже в бывшем Петербурге он начинает переключаться на графику, в которой выработал своеобразный карикатурный стиль. Начал складываться он у него с иллюстраций к "Коту Муру" Гофмана и к "Преступлению и наказанию" Достоевского. Его рисунки были наполнены таинственностью, некоторой мистичностью, выводящими их за границы жанра карикатуры. В 1972 году благополучно переезжает во Францию.

Мы с удовольствием печатаем статью художника И. И. Синявина, хотя — положа руку на сердце — мы думали обойти молчанием выход этого "альманаха" как явления, стоящего вне литературы. РЕД.

Наступает перелом. Творческий поиск сменяется серийным производством. На линолеуме вырезаются контуры рисунка, которые можно заполнять постепенно меняющей свой цвет краской. Последнюю операцию не обязательно делать автору. Так место лаборатории занимает производство. Рисунок тоже уплощается до условного знака. Появляются бесчисленные ядовитые карикатуры на человека: человеко-фаллосы, политические карикатуры, в которых неизменно присутствует Вовка-морковка.

Человеку, живущему в советской России, пропаганда вбивает в голову, что Запад разложен, что сексуальная мания в лжедемократическом мире заменила религию, антисоветизм — культуру, нажива — честь. И если личность не сопротивляется активно идеологическому давлению и не противопоставляет выстраданное духовное кредо, то гвозди стереотипов, вбитые тотальной пропагандой, остаются в голове. Покидая Россию такого рода люди бросаются завоевывать засевший внутри них образ "капиталистических джунглей". Бросаются в спекуляцию, готовы заложить за доллар душу. Это явление неизбежное, но следует называть вещи своими именами. Не надо поездку за деньгами величать духовным подвигом, удовлетворение вкусов буржуа-обывателя — служением искусству, а карикатуры — иконами прарелигии.

Успех и доход позволяют Шемякину вложить средства в рекламу. Появляется "А-77". Но не одна необходимость в расширении собственного дела служит движущим стимулом. В России за время отсутствия "художника всех времен и народов" сложилась непредвиденная ситуация. Неожиданно начались официально разрешенные выставки свободного искусства. Внимание мировой общественности приковано к борьбе художников за свободу творчества, к новым именам. Как и всякому россиянину, Шемякину, конечно, больно чувствовать свою оторванность от духовных и творческих процессов протекающих в той среде, с которой некогда был связан. Но, видимо, не с радостью и надеждой реагирует он на эти события. Шемякин уверовал в свою исключительность и свое "величие" и так настойчиво пытался убедить в этом весь мир, что ему ничего другого не остается, как продолжать утверждать: "С моим

выездом в России не осталось художников. Все движение так называемых художников — не больше чем скопище бузотеров". Но мир почему-то продолжал интересоваться русскими событиями. Появилась опасность выпасть из моды. И у Шемякина рождается идея альманаха, который бы представил его не просто талантливым карикатуристом, но главой и покровителем целой школы, оставленной им в России, которая одна только и заслуживает внимания.

Художники и поэты, услышав о возможности выхода в свет предстоящего сборника, преодолевая цензурные рогатки высылают в Париж репродукции картин, фотографии с выставок, стихи. Но, увы, свежий ветер с берегов Невы пропускается через новый цензурный отбор главного редактора. Такая оценка личности и творчества Шемякина невольно рождается при обозрении его пути и работ. Но дай нам Бог ошибиться и обнаружить под нарядом клоуна власяницу подвижника.

Прежде чем браться за статью пришлось задуматься: стоит ли вносить разлад в и так непрочный мир русской эмиграции? Статья эта пишется с большой душевной тяжестью. Это скорее тяжелый труд от сознания долга, чем радостное вдохновение.

Спор, столкновение с эстетствующей богемой не нов для нас — он продолжение внутрироссийской художественной борьбы разных направлений. Беспринципная богема — друзья и наследники штанов, кистей и духа Шемякина — приезжали к месту предстоящей выставки на открытом воздухе с намерением бить нас вместе с дружинниками и милицией. Были обозлены, что им помешали в начавшемся сговоре с КГБ. Это их подсовывала вездесущая организация в руководство ленинградским свободным художникам, заверяя, что тогда всё пойдет хорошо. Это шемякинцы записались первыми в штрейкбрехеры и сейчас рука об руку с Комитетом закладывают основы соцарта. Так что осуждение "Аполлона-77" — это не раскол внутри свободного искусства, а скорее война с завтрашним официальным советским искусством.

Да и сам "Аполлонъ-Шемякин" открывает на первых же страницах пальбу и пускает плевки в разные стороны. Так что мы лишь подняли перчатку. Можно было бы все же перетерпеть все это, если бы сатано-артяне не пытались вещать от имени

всей свободной России, если бы не пытались соблазнить неподвластные им души.

Следующий по значимости участник альманаха — Мамлеев — "пронзительный духовидец" как его рекламируют составители журнала, оголяющий их подспудные страсти. Как он сам о себе свидетельствует, его путь складывался на основе изучения теософии, оккультизма, мистических учений Востока. Но восточные подвижники предупреждают человека, намеревающегося воспользоваться их опытом, о духовных опасностях и соблазнах, встающих на пути адепта. Рискнувший покинуть дом предков и вырваться из обыденного духовного состояния, вместо света может ввергнуться в тьму, вместо освобождения подпасть под еще большую власть Майи, вместо сатвического состояния духа — погрузиться в тамас. Йоги различают светлый и черный путь. На языке христианской мистики — это путь святого и путь продавшего душу дьяволу.

Как христианские мистики в своих наставлениях, так и восточные, предупреждают идущего об опасности соблазняющих видений. Нужно проходить мимо. Еще одно кардинальное правило: нужно начать с исполнения нравственных духовных принципов. Нельзя считать, что моральные нормы даны лишь человеку толпы. Как и у христиан, восточные наставления утверждают незыблемость принципов": "не убий", "не укради" и т. д. Перепрыгивающий же через этот рубеж оказывается не в мире чистых духовных сущностей, а в антидуховной тьме, не в окружении светлых ангелов, а среди черных, в объятиях люцифера.

Мамлеева это предупреждение не коснулось. И он не один среди "аполлоновцев". Шемякин был близок в Петербурге к художнику Л. Тот о себе: "Я черт, но я должен совершенствоваться и стать дьяволом". "Гений — это кто?... Обычный человек как? Ты ему добро — от тебе добро, ты ему зло — он тебе зло. А гений — ты ему зло — он тебе зло, ты ему добро — он тебе зло". "Можно не питаться, а жить энергией других. Для этого их надо выводить из себя, доводить до безумия. Тогда они выбрасывают наружу свой дух, а ты им питаешься". "В искусстве главный принцип: "Не важно что, лишь бы здорово!".

Мамлеев считает, что знакомство с сочинениями Бёме

гарантирует от стукачества. Увы, иуды не только Бёме могут читать и оставаться предателями, но даже самого Христа созерцать и слушать. Да и сам Мамлеев утверждает несколькими строками ниже, что советская элита заражена чтением оккультизма, знакома с "Четвертым путем". Почему ей не быть знакомой, если в стенах эзотерических советских учреждений этот "Путь" и реализуется? Чтобы властвовать над духом нации, одними схоластическими формулами диалектического материализма не обойдешься. Уже сообщалось о приглашении разного рода темных мистиков в Советский Союз. Тем, кто побывал в "святая святых" — прошел через руки самого эзотерического учреждения, тем — этот слух не кажется нереальным. Дьявол переключился сегодня с методов физической расправы на духовное подавление. Общество обязано включиться во всеобщую ложь, признать зло добром. Тех, кто противится — ставят на колени, признают невменяемыми. Спастись из когтей можно лишь подписав договор, в котором свою честность нужно признать за болезнь. Чтобы разрабатывать стратегию и тактику духовного порабощения человека одного эмпирического подхода современным советским властителям недостаточно. Вот и обращаются за подспорьем — ищут в истории своих предшественников. А тем временем ложь, пустившая корни в душе человека, стоящего на коленях перед богоборческой властью, порождает своих "поэтов": это они вполне серьезно обсуждают историческую необходимость Иуды Искариота. Это они воспевают предательство, это они топят своих друзей, о каком противостоянии официальной культуре и идеологии они могут лепетать, если всё их творчество порождено и вскормлено режимом и выдает его сокровенную тайну — тайну поклонения сатане? В унисон со средневековыми и с сегодняшними поклонниками дьявола Мамлеев вещает:"Истинный Христос, Истинный Бог — чудовищен, чудовищнее дьявола, который более близок людям". И тут же проливает слезы, что "опошлили черта".

Выводя Мамлеева на сцену "Аполлонъ — 77" ставит знак равенства между Яковом Бёме, Кришнамурти и ... Мамлеевым. В этом столько же логики, сколько в отождествлении святого и убийцы. Бемё пишет о Боге, о Божественном творении, о победе Бога над дьяволом. Кришнамурти учит о духовном покое, отре-

шенности. Его светоносные зарисовки состояний природы и человека — антитеза мамлеевскому дешевому и пошлому погружению в беспросветный мрак ада. Не следует похабить слово мистика, путая его с мистификацией. А уж ежели кому-то хочется расширить его применение, то следует в таком случае различать мистику спасительную, освобождающую, при водящую к благодати, и мистику порабощающую, ввергающую в дикие страсти, влекущую к преступлению. И светлая мистика научит человека, что за мамлеевскими "срисовками с миров, именуемых Царством Духов" ничего не скрывается. Достаточно ясного рассудка, чтобы маскарад патологических сновидений рассеялся, оставив лишь мокрое место. Ничего, кроме пустоты, бессодержательности огородного пугала за этими опусами не скрывается.

Откуда взялась вся эта чернуха? Неужели из недр русского народа? Которому пристало напиваться до белой горячки, объясняться на языке мата, испытывая при этом "аморальный пафос", как утверждают "исконно-русские" болтуны на страницах "А-77"? Может, действительно, гонения на христианскую церковь вернули Русь к языческим временам? Может Солженицын и Сахаров — выродки, нерусские, которых отторгает народ? Но отчего же в сегодняшней России — духовно-религиозное возрождение? Кто дочитывает до дыр литературу Самиздата и Тамиздата? Почему сочинения классиков русской культуры можно купить втридорога лишь на "черном" рынке? Можно не дожидаться следующих выпусков альманаха, чтобы услышать ответ на все эти вопросы. Ответ не сложно прочитать уже в первом выпуске. Сатаноартяне претендуют на открытие: русская свинья пахнет иначе, чем свинья французская. И если до выхода в свет "А-77" тот писатель или художник становился выразителем национальной культуры, творчество которого реализовало потенциально присущую данному народу национальную идею, то отныне мы стали свидетелями кардинального поворота: тот выразитель духа национального, у кого нюх на вонь тоньше. Мамлееву, как и другим истым сатанистам, истоки свои следует искать среди средневековых поклонников Сатаны, с их черными мессами, на которых алтарем служило тело раздетой блудницы, крест пере-

ворачивается, вместо ладана — навоз, вместо целования изображения Христа — плевки, вместо "не убий" читают "убий" и т. д. И следует включить в следующий выпуск "Аполлона" современные западные уродства, вроде осуществленных Менсоном, когда втыкали ножи в живот беременной женщине и при этом испытывали "аморальный пафос". Искусство — в реальность! Но этот пробел уже торопится заполнить Лимонов. В своих "поэтических грезах" под его предводительством Менсон и Прусаков сжигают редакции газет, громят Нью-Йорк, помогают "главнокомандующему Лимонову", проливающему слезы, отрубить голову неверной аполлонянке.

Апологеты Мамлеева производят своего "учителя" в пророка новых "глубин секса", обвиняя заранее читателя в "неспособности видеть в сексе большее чем размножение". Куда там быдлу до этих эстетов... Разве может заметить толпа как "холодный эротизм Люцифера касается глубины страдающего Божества"? Человек видит другое. Он видит не скотоложество, присутствующее чуть ли не в каждом рисунке Шемякина. Он надеется услышать о любви, дарованной Богом, он верует в святое таинство плоти и в святое таинство рождения. Мамлеев же и иже с ним видят лишь похоть, извращение и "сладострастия, пришедшего из вечной тьмы."

"А-77" не обладает стилистическим единством. Под одной обложкой расположились произведения приверженцев черной магии и такие материалы, как статья В. Иванова "Метафизический синтетизм", начинающаяся словами: "Бог есть основание Красоты" и заканчивающаяся: "Высшая цель искусства в теургическом создании иконы". Если бы это был каталог, то разностилье было бы объяснимо. Но бросается в глаза усилие составителей подать читателю не конгломератный "сбродник", а редакторское произведение, обладающее органическим единством. И потому не сложно понять смысл появления доброй половины материалов "А-77". Без подлинного творчества этот альманах предстал бы в таком обнаженно-мрачном виде, что ни одна живая душа не заглянула бы в него. Но одни авторы уже бессильны протестовать, поскольку почили, другие оттого, что у них на горле рука советской цензуры. Увы, не впервые беззастенчиво используется беззащитность авторов, проживаю-

щих в России, спекулируют на их естественном желании выйти из тьмы советского небытия.

Тот, кто не потерял литературное чутье, тот сумеет выделить из "атмосферы смердящего духа" подлинных художников, произведения которых напечатаны в альманахе как нелегальный товар. И как ни пытается объединить "А-77" весь материал иллюстрациями Шемякина, которые как паучьи лапы отравляют всех кого они коснутся, как ни тщится В. Петров и прочие проделать то же вступительными статьями — все усилия напрасны. Много материала "А-77" не укладывается в их ложе. И оценивать эти тексты и их авторов нужно вне "смердящего духа", вне контекста "А-77".

Попытаемся дать примерную шкалу, на которой расположим участников "сбродника" по степени сатано-арта: Мамлеев, Шемякин, Кузьминский, В. Петров, А. Синявский (наконец нашел своих), Марамзин, Гаврильчик, Лимонов, Глезер, Янкилевский, Н. Воронель, Кабаков, Кандауров, Сапгир, В. Лен, Бахчанян, Р. Мандельштам, Арефьев... Теперь — авторы чуждые "смердящему духу": В. Иванов, Е. Шифферс, Харитонов, А. Алексеев, Е. Ротенберг, Леонов, Ремизов, Свешников, Калинин, Тышлер, Неизвестный, Кривулин, Охапкин, Космачев, Шварцман, Пагануцци, Нежданов, В. Андреева, Тюльпанов, Зеленин, Васми, Соханевич, Волохонский, Самогит... Конечно, место в ряду не выражает степени силы и таланта.

Третьим по количеству отпущенных на него страниц идет Владимир Петров. Ему выпала честь сделать основную рекламу сборнику. Хотя "А-77" и открывается тостом некоего свадебного генерала, но главному редактору этого показалось недостаточно. Вперед выступает Петров и выполняет свою службу настолько старательно, что если у читателя и появляется желание отметить какое-то место восклицательным знаком — увы, их запас весь исчерпан. Но не будем вменять Петрову в вину его не знающее меры усердие. Ведь в советской России искусство рекламы отсутствует полностью. Предвидя реакцию покупателей и читателей, Петров использует прием, подсказанный ему Андерсеном в назидательной истории о платье короля. Там "портные", так же как и "литературовед" Петров, расхваливают несуществующую ткань несуществующего платья и объявляют

дураком всякого, кто не замечает красоты невиданного наряда.

Основные статьи Петрова — вступительная и о Мамлееве. Эпиграфом к первой служит каламбур, обыгрывающий слова: бытие — битиё. Всем, хоть немного знакомым с марксистским катехизисом, известна формула: "Бытие определяет сознание". В эпиграфе утверждается, а затем на страницах альманаха повторяется, перекроенный тезис: "Нас взрастило битиё". Т. е. они считают подлинным русским человеком взращенного советами уродца, а подлинной русской культурой — бред графомана, пропущенного сквозь сеанс галоперидола. Но мы надеемся, что потомки увидят в сегодняшней неофициальной культуре, развивающейся в России, сохранение лучших традиций докоммунистической культуры России, поразятся незамутненному образу Божию, в сегодняшнем человеке, несмотря на все ужасы советского ада.

Как и все аполлоновцы, Петров излишней скромностью не страдает. Поэтому не удивляет грамогласное утверждение, что "Аполлонъ-77" открывает миру скрытое доселе неофициальное искусство послевоенного времени. К счастью подлинное неофициальное искусство известно. Надо только потрудиться заглянуть в библиотеки и полистать каталоги издательств им. Чехова, ИМКА-пресс, журналы "Грани", "Мосты", "Новый журнал", "Континент" и др. На какие традиции опираются истые аполлоновцы Петров не скрывает. Не на Пушкина, а на старательно собранные из его личной переписки нецензурные слова, не на Ремизова с его коренным национальным русским колоритом, а на его гротескные афоризмы о сквернословии, не на Кузмина, а на то, что им понятно из его творчества. Не на Филонова, а на его плоско истолкованное неприятие духовного в искусстве. Они творца могут оценивать лишь сунув свой нос ему в зад, понять культуру лишь копаясь в ее отбросах.

Если мы "на пороге времен Апокалипсиса", как утверждает Петров, то, конечно, не "аморальный пафос" "А-77" спасет нас. В кривляньях и ужимках этого "сбродника" слышна поступь Антихриста. Это его тактика — сначала взорвать незыблемые моральные и нравственные принципы, а затем установить свою систему тотального "счастья". Объективно "А-77" служит для коммунизма правильным тараном, которым пробивают запад-

ную стену. Затем таран должен быть отброшен, и рационализированный сатана захватит власть.

Свою чертовщину, чернуху "Аполлон-77" устами Петрова пытается прикрыть авторитетом Достоевского, Гойи, Босха, Бердяева. Но как раз "Сатано-артистов" изображает Гойа в своих рисунках в виде нечисти, пытающейся поработить человека, когда его разум впадает в сон. Предвидя заражение мира подобным шабашом предрекал наступление апокалиптических времен Достоевский. И не мнение о деградации русского народа склонило Бердяева назвать его "народом конца". Бердяев считал сущностью русской души нежелание размениваться на хаос поверхностной светской культуры, но каждое дело, каждую строку оценивать в ракурсе общего смысла бытия. И с этой позиции — "А-77" — явление антинациональное, антирусское. Без роду, без племени выродок антидуховной советчины.

Вступительная статья Петрова после всех замахиваний на глобальные проблемы заканчивается сплетнями, сведением счетов. Без этого они не могут. Кто-то у кого-то картину забрал. Тот в свою очередь кого-то обокрал и т. п.

В статье о Мамлееве Петров выступает как эксперт по оккультизму. Он нагромождает термины: эзотеризм, теософия, магия, оккультизм, мистика, Учение живой этики, Четвертый путь. Но не раскрывает той элементарной правды, что за всеми этими понятиями у него скрывается лишь пустота и чушь. Мамлеев "очень *эзотеричен* сознательно прокламирует свою миссию по внесению в русское сознание интегрального теософического эзотеризма." (стр. 199) Получилось: "Эзотеричен при внесении эзотеризма? А как понять набор слов: "Очень эзотеричен сознательно прокламирует..."? с какими предлогами и окончаниями прийти на помощь Петрову? И что за "интегральный теософический эзотеризм"? Кто его изобрел? Мамлеев, Петров? И есть ли дифференциальный? До сих пор мы слышали, что существуют понятия: "эзотерическое знание, учение", т. е. тайное, для посвященных. Слышали, что вся теософия в целом эзотерична. Но вот об эзотеризме, как об особом учении, науке и пр. не слышали. Петров приоткрывая завесу над "эзотерическим эзотеризмом" сей тайны не раскрывает. Если бы те, кто задает тон в "Апполоне" не пытались прыгнуть выше своей головы, если

бы не пытались заставить "человечество" уверовать в них как в не больше не меньше новых Мессий и пророков — было бы не так скандально. Их попытка уверить читателя, что им отпущено свыше шествовать в первых рядах развивающегося модерна, на поверку именно оказывается ветхой наглостью сатира Марсия, наказанного уже единожды.

Игорь Синявин, 1977.

В КАКОЙ МЕРЕ "РУССКИЙ КОММУНИЗМ" — НЕ РУССКИЙ

Сваливать *всю* вину за русский коммунизм на других — это повторять грех наших прародителей: "Адам сказал: жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел" (...). "Жена сказала: змей обольстил меня, и я ела" (Быт. 3, 12-13). Но и взваливать ее целиком на русский народ — тоже не следует.

Вряд-ли кто-либо среди русских мыслителей посвятил столько трудов русскому коммунизму, как Н. Бердяев. Возьмем в качестве точки отправления, статью Н. Бердяева "Духи русской революции" ("Из глубины", Москва, 1918 и "Новый Журнал", 79, 1965 г.). В ней он защищает тезис, что духи русской революции — русские духи, осознанные и опознанные еще до революции тремя великими русскими писателями: Гоголем, Достоевским и Л. Толстым, причем первыми двумя эти духи критиковались, а третьим — проповедывались. Отметим, кратко, какие национальные особенности русского народа ипостасированы были этими духами — по мнению автора этой замечательной по разным причинам статьи.

У Гоголя: хамство, пошлость, властолюбие, любоначалие, ложь, обман, жадность, призрачность ценностей, нереальность жизненных концепций и целей, мошенничество, беспечность, нераскрытость и недоразвитость личностного начала.

У Достоевского: нигилизм, атеизм, экстремизм, апокалиптичность, утопизм, цинизм, сентиментализм, жестокость, бунтарство, сервилизм, податливость на антихристовы соблазны, максимализм, антиисторизм, коллективизм как лжесоборность, революционность, самопревозношение, гордость,

"стыд собственного мнения", завистливый эгалитаризм, лакейство, вседозволенность.

У Л. Толстого: морализм переходящий в аморализм, личная нравственная безответственность, отсутствие нравственной дисциплины, коллективизм, антикультурность, индивидуализм противопоставленный персонализму, культурная и нравственная уравниловка, амистицизм, эгалитаризм, метафизическая "нирванность", ирреализм, антиисторизм, антиритуализм, душевность, плотяность и родовость вместо духовности, безблагодатность, нигилизм, непротивленчество, пассивность, эгоизм, зависть, злоба к инакомыслящим, руссоизм, пренебрежение интеллектом и искусством в пользу физического труда, святотатственность и кощунство, безблагодатное совершенство, "злая святость".

Сами-по-себе эти духи-бесы, коллективное имя которым — Легион, неипостасны, но стоит пробежать мысленным взором по персонажным галереям Гоголя и Достоевского — и они сразу воплотятся в Хлестаковых, Ноздревых, Плюшкиных, Шигалевых, Верховенских, Смердяковых, больших и малых, им же несть числа. Но эти духи-бесы перевертни и космополиты, и, будучи нематериальными, они в разное время либо одновременно могут "воплощаться" (т. е. паразитировать на благоприятных носителях) и эти "воплощения" можно проследить на представителях всех рас и народностей. Характеры не сами бесы, а именно их "воплощения". И русский Плюшкин есть только русский вариант того же беса, который нам знаком, как мольеровский скупец или шекспировский Шейлок. И другие гоголевские "морды и хари" прозирают сквозь черты дантовских, шекспировских или диккенсовских персонажей. А русские Иоанны Грозные и Петры Великие имеют своих двойников среди всех времен султанов, василевсов, цезарей и императоров, и "благочестивых" западных королей, и современных "народных вождей и диктаторов". А среди молодежи чем уж так отличались русские революционеры и анархисты от современных террористов, а "базаровцы" от современных хиппи, и от древних циников (в позднем периоде этой школы)?

Вообще, то, что еще полвека тому назад казалось чисто русским явлением, возможным только в России, но никак не в

цивилизованном западном мире или древнекультурной далекой Азии, теперь таковым уже не кажется. Правда, близорукие и отупевшие в благосостоянии народы кое-где еще бормочат (чаще всего на профессорских кафедрах) ... "у *нас* это не возможно", "у нас это не случится, а если и случится, то иначе, по иному...", но... имеющие глаза, да видят! Вот, говорили, что культурная Германия изжила свою революцию после поражения в первой мировой войне почти мирным путем... а через двадцать пять лет почти половина ее стала совсем коммунистической, тогда как вторая часть — сильно проточена тем же коммунистическим червем. Говорили, что только русские могут осуществлять революцию столь жестоким и варварским путем... но скоро убедились, что в этом отношении ничуть не менее одарены поляки, чехи, балты, венгры, балканцы, германцы, кубанцы и другие... Говорили, что коммунизм возможен только среди народов западно-европейской цивилизации, ибо он — порождение капитализма и индустриализации, и что древние культуры Китая, Индии и Японии в массе неподходящи для проникновения ни христианских идей, ни марксистских... А вот, поди, тот же самый соц-вирус, мутировавший в желтую разновидность и заразивший почти всю Азию, на наших глазах мутирует в черную, африканскую разновидность!

Как же это возможно? Очень просто: человеческий род, хоть многоипостасен, но *единоприроден!* В. Варшавский в статье "Чевенгур" и "Новый Град" (Новый Журнал, 122, 1976) убедительно пишет что дух русской революции, "настолько напоминает эгалитарно-коммунистические мессианские движения европейского средневековья, что с удивлением чувствуешь: тут не только сходство, а прямое, хотя и скрытое подземное преемство". И затем он добавляет: "Те иностранные и русские толкователи которым непременно хочется видеть в большевицкой революции чисто русское, невозможное на Западе явление, просто не помнят европейскую историю. Тому, кто не читал ее забытые кровавые преданья, не понять, откуда пошли тоталитарные явления нашего времени" (стр. 195). Выделим, тезисно, из замечательной статьи В. Варшавского то, что подтверждает и нашу точку зрения.

1) Унаследование западно-европейской цивилизацией различных вариантов ветхо-заветных апокалиптических пророчеств.
2) Укоренение хилиастических тенденций в текстах Откровения св. Иоанна Богослова.
3) Предсказание монаха и аскета Иоахима Флорского (V век), что наступит царство Третьего Завета, основанное на принципах анархии, эгалитарности и нигилизма.
4) Отказ от уз личной семейной жизни в пользу коллектива и склонность находить "отцов" и "вождей" народа и следовать за ними.
5) "Безотцовщина и та голытьба, что шла в средние века за пророками анархо-коммунистического хилиазма: батраки, безработные ткачи и ремесленники, поденщики, бедные не шибко грамотные священники, "идиотэ эт симплицэс", белые монахи, уволенные наемные солдаты, бродяги, разбойники, воры, проститутки, голь перекатная" — вот из кого — состоял люмпен-пролетариат того времени.
6) Лозунг "грабь награбленное" провозглашен был в XIV веке возглавителем Братства Свободного Духа — Иоанном Брюнским.
7) Классовая борьба под лозунгом "бей буржуев" (хотя терминология и была иной) имела причиной то, что "для средневековых апокалиптиков евреи, басурмане, феодальные владыки, епископы и прочее духовенство, купцы, ростовщики" — были не людьми, а слугами Антихриста, т. е. в современной терминологии — "врагами народа" и "социально чуждыми элементами"
8) Под покровом выспренних интенций устроителей Крестовых Походов толпа любила устраивать погромы на "врагов Христовых". (Отметим, что если Запад и принял русское слово "погром", то для выражения явлений, которые издавна в своей истории испытал).
9) К уничтожению "старого строя" и построению на его развалинах "нового мира" призывали такие "пророки" анархизма и нигилизма, как Джон Болл, Мартинек Хаузка, Фома Мюнцер, Иоанн Матис, Иоанн Лейденский (XIV, XV и половина XVI вв.).
10) Социальные революции под теми же лозунгами вспыхивали в Европе вплоть до XX века.

Добавим, что те же принпипы вдохновляли, отчасти, христианские секты монтанистов (II-IV вв.), манихеев (III-V вв.), новациан, катаров, богумилов и т. п. — в социальной области.

Теория социализма-коммунизма всецело возникла в западной Европе (включая учение Платона о государстве). Советский коммунизм преуспел в разработке идей, *как* добиваться власти и *как* ее удерживать в руках партии, но не создал *научных* теорий, которые блистали бы новизной и оригинальностью. Что же взял он в качестве своих догм и лозунгов, когда захватывал власть? Выделим те элементы западных учений, которые, как дрожжи, попали в советскую коммунистическую опару.

Платон — планирование жизни и строя; отсутствие понятия личности, как самоцели и самоценности; утилитаризм по отношению к рабочему классу; кастовость; вражда к инакомыслию (изгнание поэтов!).
Томас Мор — сдвиг на профанацию религии; регламентация жизни во всех ее областях.
Кампанелла — апофеоз государства; упразднение семьи; отмена права собственности; государственное "реалистическое" воспитание детей вне семейного быта.
Руссо — вражда против истории и культуры; восстание против науки и разума; проповедь революции; "вся власть народу"; зачатки нигилизма и анархизма.

О. Конт — отказ от метафизики и религии; антрополатрия; приоритет коллектива над личностью; прагматизм; позитивизм; эмпиризм в применении к социологии; нетерпимость и диктаторство.
Спенсер — агностицизм, биологизм, утилитаризм, борьба за существование; детерминизм; гедонизм и аморализм — как движущие социальные силы.
Фурье — животный гедонизм; фалангизм и фаланстеризм (прототип Архипелага Гулага!); уничтожение буржуазии.
Фихте — идея замкнутого государства (прототип "железного" или "бамбукового" занавеса); государственная монополия всех средств производства; национализация внешней и внутренней

торговли; социализация труда; воспитание детей по государственной программе.
Гегель — абсолютизация государства и всяческое подчинение личности государству.
Маркс и Энгельс (левые гегельянцы) — воинствующий атеизм; материализм; захват власти пролетариатом путем уничтожения других классов; экспроприация в государственном масштабе; классовая ненависть; прагматическая этика; революционный динамизм; интернационализм.

Это — самые ядовитые западные капли, попавшие в советский настой.

Кто же был передатчиком этих идей с Запада в Россию? Ясно, что не мессианисты-славянофилы, а утописты-западники, начиная с благонамеренных идеологов вроде Герцена, Станкевича и раннего Белинского и кончая такими "вождями", как Бакунин, поздний Белинский, Нечаев, Ткачев и... Ленин. Среднее звено составили Добролюбов, Чернышевский, Писарев и отчасти Лавров и Михайловский. В соревновании этих различных западнических "под-толков" вышли победителями нечаевцы, ткачевцы и ленинцы, неуклонно делавшие ставку на профанацию во всех областях в своих мыслях и действиях. О более поздних "передатчиках" и их национальной принадлежности речь будет еще ниже. Всякая организация, а тем более революционная, нуждается в средствах. Откуда пошли средства на русскую революцию? Часть была пожертвована русскими "патриотами", часть была экспроприирована налетчиками, но все это явно недостаточно для проведения грандиозной революционной операции. И вот здесь мы сталкиваемся с фактом, что огромные суммы денег шли *из заграницы*. Кое-что из этого стало известно уже после революции. Приведем несколько справок.

Роман Гуль в замечательной статье ""Ленин и "Архипелаг Гулаг" " ("Новый Журнал", 116, 1974, стр. 234 и 235) пишет: "Во время русско-японской войны Азеф — глава террористической организации партии социал-революционеров и член ЦК партии — брал на свой террор деньги от японцев (...) Во время первой мировой войны — через Фюрстенберга-Ганецкого и Гельфанда-Парвуса — Ленин получил миллионы золотых марок от немец-

кого генерального штаба для антивоенной, разрушительной революционной работы в России. Известный лидер германской социал-демократии Эдуард Бернштейн, разоблачая эту связь Ленина с Кайзером Вильгельмом II, в январе 1925 года в берлинской газете "Форвертс" писал: — "Ленин и его товарищи получали от правительства кайзера огромные суммы денег на ведение своей разрушительной работы... Из абсолютно достоверных источников я выяснил, что *речь шла об очень большой,* почти невероятной сумме, несомненно больше чем 50 миллионов золотых марок (...). В сборнике германских документов под названием "Германия и революция в России", вышедшем в 1958 г. по-английски, есть замечательная телеграмма от 29 сентября 1917 г. чиновника германского министерства иностранных дел фон Кюльмана о подрывной немецкой работе в России (...): "Без нашей беспрерывной поддержки большевицкое движение никогда не достигло бы такого размера, который оно сейчас имеет".

Американский ученый, член "Гуверовского Института Войны, Революции и Мира", Антони Суттон, написал трехтомный труд под заглавием "Западная Технология и Советское Экономическое Развитие", в котором на основании официальных документов американского Министерства Внутренних Дел доказывает, что почти все то, что большевикам нужно было для поставления на ноги промышленности — они получили от Запада. Указав на западное происхождение двух элементов русского коммунизма — идеологию и финансирование, нам остается еще перейти к третьему — к вопросу о национальном составе "генерального штаба" революции в двух ее фазах — проведения ее в жизнь и твердого укрепления на занятых позициях. И на этом секторе мы убедимся, что чисто русский элемент выразился в весьма незначительном проценте... ясное дело, что речь будет здесь не о рядовых "чевенгурцах".

Прежде всего сошлемся на свидетельство самого Ленина. В разговоре с Диамантштейном, комиссаром по еврейским делам при "Комиссариате по делам национальностей", Ленин сказал: "Большое значение для революции имело то обстоятельство, что за годы войны в русских городах осело много еврейских интеллигентов. Они ликвидировали тот всеобщий саботаж, на

который мы натолкнулись после Октябрьской революции... Еврейские элементы были мобилизованы против саботажа и тем спасли революцию в тяжелую минуту. Нам удалось овладеть государственным аппаратом исключительно благодаря этому запасу разумной и грамотной рабочей силы. Мы имеем в данном случае яркий пример действия особой социологической закономерности, которой подчинены перемены в экономической и социальной структуре, рассеянного среди других народов, этнического меньшинства (...)" (*Киржниц,* "Еврейский рабочий", Москва, 1926, стр. 236. Слова эти цитировал также Соломон Гольдельман в "Юдише Галутвиртшафт", Прага, 1934-35).

5-го марта 1919 года английская газета "Лондон Таймс" сообщила, что 75% большевиков, занимающих должности в административном аппарате СССР, еврейского происхождения.

В протоколах 439-м и 469-м 65-й сессии Сената США записано, что "... в 1918 году правительственный аппарат в Петрограде состоял из 16 русских и 371 еврея, причем из последнего числа 265 евреев прибыли из Нью-Йорка".

Русский коммунизм был создан двумя его вождями — Лениным и Сталиным. Что Сталин был грузином — знают все, а вот что в *Ленине не было ни капли русской крови,* знают весьма немногие. (Потому ему и было "наплевать на Россию!"). Здесь многие возразят: "Простите, ведь Ленин был типичным русским интеллигентом крайне левого крыла!". Это правда, *но только в бытовом аспекте.* Этнически (а значит и генетически) он не был даже славянином, не только русским! Объясняется это следующим образом. По материнской линии — его дед еврей, с примесью шведской крови, (прадед — Бланк, еврей, женился на шведке Анне Карловне Остедт; сын его, дед Ленина, Александр Дмитриевич Бланк, крещеный еврей, был женат на немке Анне Ивановне Грошопф), бабушка же — немка. Итак, *по матери, Ленин унаследовал еврейско-шведско-немецкую кровь.* По отцу же, Ленин унаследовал *чувашскую* (дед его, "инородец" Николай Ульянов, был чувашем) и *калмыцкую* кровь (его бабушка была калмычкой). Сведенья эти почерпнуты из трудов следующих "лениноведов": Мариэтты Шагинян, П. Берлина, Н. Валентинова, Д. Шуба, С. М. Гинзбурга и Роберта Пайна.

Кто был главой ЧЕКА-ОГПУ-НКВД? Дзержинский

(поляк), Менжинский (поляк), Ягода (еврей), Берия (грузин). В составе советского правительства, центрального комитета партии и в карательных органах большой процент составляли инородцы: евреи, латыши, грузины, армяне. Думаем, что приведенные данные опровергают ложные мнения, что всю вину за революцию и коммунизм надо внести в дебет только *русского* народа. В заключение этой статьи нам хотелось бы поставить несколько основных вопросов и попытаться дать посильный краткий ответ на них, выразив таким образом нашу точку зрения на рассматриваемую проблему.

1) Спросим себя, была ли революция и есть ли ныне существующий в СССР тоталитарный строй — выражением воли всего русского народа, или только его активного меньшинства?

Ответ напрашивается следующий: как талантливый оратор может увлечь за собой толпу на дело, о котором она и не помышляла, так партия большевиков с Лениным во главе, при помощи социал-демагогов и на все готовых революционно настроенных толп, употребив новые методы массового обмана и террора — сумела навязать свою волю "молчаливому большинству".

2)Были ли в России и объективные причины того, что революция свершилась?

Думается, что — да, ибо еще задолго до Ленина и Октябрьской революции в русском народе взрывались бунты "бессмысленные и беспощадные".

3) Насколько характерны для русского народа те элементы, которые споспешествовали перевороту?

Н. Бердяев правильно отмечает, что природа русского человека антиномична. А это значит — полюсность, дуальность... Поэтому, теоретически и в лучшем для коммунизма случае, только половина народа (или отдельные личности — наполовину) оправдала характеристику, приведенную в начале этой статьи ("духи русской революции" по Гоголю, Достоевскому и Толстому — в редакции Бердяева). Сам факт, что в русском народе родилась идея Св. Руси, что такой провидец, как Достоевский не мог совсем ошибаться, назвав русский народ народом-богоносцем, свидетельствуют, что в нем,

в народе, имеются и черты, противоположные тем, что были выше перечислены нами. Вот, напр., Вальтер Шубарт, немецкий историософ, ни в одном европейском народе не находит столько "мессианическо-иоаннических" черт, как в русском; искажения же чистоты этого прототипа приписывает травмическим влияниям татарщины, византизма и западничества.

4) Если откинуть нерусские и не типично русские элементы "русского" коммунизма, то что останется типично русского в этом явлении?

Этому посвящена огромная литература лучших зарубежных мыслителей. Добавим к уже сказанному шубартовскую концепцию влияния "духа ландшафта" на характер русского народа; проблема эта нашла научное объяснение у идеологов евразийства, прежде всего у кн. Н. С. Трубецкого.

5) Какой смысл можно усмотреть в случившемся?

Все возможные ответы тяготеют к трем основным:

а) Позитивистко-утопические теории, вопреки очевидности утверждают, что так или иначе человечество устремляется к идеальному состоянию, а случающиеся на этом пути катастрофы суть лишь прискорбные, но неизбежные, этапы этого процесса.

б) В свете веры в божественный Промысел можно утверждать, что Бог хочет спасения не только отдельных лиц, не только отдельных народов, но всего человечества и поэтому страдания русского народа имеют некое провиденциальное и сотириологическое значение. Можно сказать, что последние полвека русской истории есть тот магический кристальный шар, в котором все народы могут распознать собственные черты и увидеть один из возможных вариантов своего будущего. Можно также сказать, что русский народ отчасти добровольно, отчасти же недобровольно, принял на себя подвиг историософского юродства.

в) Большинство историософов XX века, не желая вверяться интуиции, думают, что нет возможности научным образом объяснить, почему различные культурные сверх-системы возникают, цветут и затем умирают. На их взгляд — это стихийные явления, от воли людей независимые, но по отношению к которым люди могут определять свои

мировозрения и, в меру возможности и желания, определять свою жизнь.

6) Эра русского коммунизма, как и всякая другая, преходяща. Диалектика убеждает, что маятник истории, качнувшись в одну сторону, рано или поздно отмахнется в другую, противоположную, хотя плоскость колебаний его все время будет изменяться: полных реставраций прошедшего не бывает. Явление русского коммунизма нам представляется, "синекдохически", следующим образом.

В общем здоровому человеку во время случайной болезни привили в виде эксперимента новой породы вирус, против которого у пациента не было иммунитета. Характерными симптомами после прививки, были: временная потеря памяти и рассудка, припадки исступления, невменяемость... Когда пациент пришел в себя, то оказалось, что у него парализован мозг и почти вся нервная система, тело подвержено судорогам и кровоизлияниям.

Пациент — это русский народ; случайная болезнь — это изнурительная и неуспешная мировая война (которой, ведь, могло и не быть!), новый вид вируса — западные социалистические лозунги и идеи под общим названием "диамата" (марксизма); буйные симптомы — кровавая революционная свистопляска под крики "бей буржуев", "грабь награбленное" и т. п.; судороги — "чистки", "волны" и "потоки"; кровоизлияния — беспощадный и необъятный в цифрах геносид...

Но, вот, начинают появляться и благоприятные, обнадеживающие симптомы: это русский национальный организм начинает вырабатывать идеологические антитела...

Е. Валин

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ:

ОТВЕТ Н. УЛЬЯНОВУ

(Письмо в редакцию)

Многоуважаемый Роман Борисович!

В последнем номере (125) Нового Журнала была напечатана статья Н. Ульянова "Роковые войны России". Так как в редакционной пометке было сказано, что статья печатается в порядке дискуссии то я надеюсь, что Вы дадите место моему ответу Н. Ульянову.

За всю историю России ни одна война, кроме первой Мировой войны, (1914-1917 г.г.) ни к каким "роковым" последствиям Россию не приводила. Таким образом сам заголовок статьи Н. Ульянова — тенденциозен. Н. Ульянов, свои утверждения не подкрепляет ссылками на источники могущие подтвердить его мнение.

Немного похвалив Петра Великого Н. Ульянов обрушивается на периоды царствования Анны Ивановны, Елизаветы Петровны и уже страшной грозой на Александра 1-го. На статью, да еще без ссылок на источники, ответить письмом в редакцию очень трудно, тема очень большая и для меня профессионального солдата — близкая.

На странице 259 Н. Ульянов пишет: "Неизвестно по каким соображениям затевались войны в царствование племяницы Петра Великого Анны Иоанновны...". Соображения для всех интересующихся историей ясны: враждебные отношения к России Швеции, Франции и Англии заставили Россию вернуть Ирану все земли по побережью Каспийского моря, занятые в 1722 г. в результате "Персидского похода" Петра Великого. Этот возврат помог России в действиях по поддержке саксонского герцога Августа претендовавшего на польский престол, и тем самым были ликвидированы попытки Франции подчинить своему

влиянию Польшу и Курляндию (Истор. Воен. Иск. Ганс Дельбрюк т. 2, стр. 86-89). В отношении Русско-Турецкой войны 1735-39 г.г. Н. Ульянов прав только в одном, что Россия получив Азов, должна была срыть укрепления. Нужно признать, что правление Анны Иоанновны было одним из самых тяжелых в истории России.

С. М. Соловьев в 11 томе "Истории России" уделил много внимания русско-шведским отношениям, подробно описав войну с Швецией 1741-1743 г.г. и Абоский мирный конгресс, т.к. Шведское правительство стремилось к реваншу за поражение в Северной войне (стр. 164-65). В течение всего этого периода (правление Елизаветы Петровны), как и ранее, Россия проводила активную внешнюю политику и добивалась осуществления своих внешнеполитических целей теми же средствами, что и другие державы, в том числе и войнами. По "Субсидной Конвенции" с Англией в 1747 г. был послан корпус русских войск в З. Европу для участия в Семилетней войне (30.000 чел). Эта посылка русских войск углубляла раскол между Англией и Францией упорно противившейся растущему значению России. (С.М. Соловьев т.11 стр. 58,524 и много других).

Период правления императрицы Елизаветы Петровны одна из блестящих страниц русской истории, и мнение австрийского канцлера цитируемое Н. Ульяновым, не может быть основой для суждения о правильности русской политики.

Переходя к обвинению Н. Ульяновым императора Александра 1-го во всех смертных грехах вплоть до простой глупости, Н. Ульянов не обмолвился ни единым словом о той сложной и опасной ситуации, которая сложилась в Европе благодаря военному гению Наполеона. Учитывая военные успехи Наполеона, нельзя было не предположить, что очередь дойдет и до России. Это и было причиной, по которой Александр 1-й принял участие в третьей коалиции. (1805 г.). Была непреодолимая необходимость, если не разбить Наполеона, то хотя бы ограничить его дальнейшие захваты чужих территорий. Был ли Александр 1-й честолюбив или нет — вопрос совершенно праздный. В сложившейся военно-политической обстановке перед Россией вставал грозный вопрос — быть ей свободной или вассальной от Франции.

Третья коалиция была разгромлена так же как и две первых. Россия потеряла около 10.000 убитыми и 5.000 пленными. (Аустерлиц, 2 декабря 1805 г. Е.В. Тарле, "Наполеон" стр. 170-71) Я лишен возможности, за недостатком места. изложить, хота бы вкратце, события,

происшедшие с декабря 1805 г. по октябрь 1806 г. хотя эти события и свидетельствуют о необходимости для Александра 1-го быть готовым к новой войне с Францией. а не по мнению Н. Ульянова: "...сиди она (Россия) смирно — никто бы ее пальцем не тронул...".

8 октября 1806 г. Наполеон отдал приказ о вторжении в Саксонию, а 8 ноября того же года был взят Магдебург и этим завершился полный разгром Пруссии. 21 ноября был подписан декрет о континентальной блокаде. Без активного участия России в этой блокаде, она теряла свою эффективность. В декабре того же года французские войска начали движение к границам Восточной Пруссии с целью вторжения в Польшу. К тем же границам были двинуты и русские войска. (Е.В. Тарле, стр. 193).

Обе стороны искали встречи. Она произошла 8 февраля 1807 г. при городе Прейсиш-Эйлау. Близилась развязка. До 14 июня шла маневренная война с переменным успехом. 14 произошла битва, вошедшая в историю под именем Фридлянда. Россия потерпела поражение. 19 июня русской стороной было предложено перемирие. Наполеон согласился.Борьба на этот период кончилась.

25 июня 1807 года на реке Неман, на плоту был сооружен павильон для свидания двух императоров, дабы Александру не нужно было ехать на берег, завоеванный французами, а Наполеону на русский. При этом свидании был заключен оборонительный и наступательный союз. Таким образом Россия обязывалась принять к исполнению декрет Наполеона о континентальной блокаде.

Выполнить эти обязательства Александр 1-й не мог в силу национальных интересов России, так же как не мог и открыто противодействовать Наполеону в силу неподготовленности страны к новой войне. Силы были не равны.

Н. Ульянов пишет, что Александр 1-й: "...дал столько доказательств вражды к Наполеону и зародил в нем столько сомнений, что французский император решил предупредить опасность с этой стороны путем сокрушения, раз и навсегда, северного колосса...".

Это утверждение больше похоже на политическую агитацию, чем на мнение историка. Почти все события он приписывает плохим качествам и самонадеянности Александра 1-го, тогда как такие авторитетные историки, как академик Е.В. Тарле на странице 264 своей книги "Наполеон" пишет:

"...Уже в 1809 году, после очередного разгрома Австрии, Наполеон

приказал доставить ему книги с информацией о России, ее историей и особенностями. Наполеон уже с осени 1810 года стал свыкаться с мыслью, что англичанам можно нанести сокрушительный удар только из Москвы. Эта мысль крепла у Наполеона с каждым днем...".

У меня слишком много места заняла эпоха Александра 1-го.

Но Н. Ульянов всю свою статью посвятил обвинению всех русских Монархов в бездарности и легкомысленном ведении совершенно ненужных для России войн, старательно выбрав, все что только можно признать несовместимым с национальными интересами России. Крымскую войну Н. Ульянов называет "предельным легкомыслием".

Нельзя допустить, чтобы Н. Ульянову не были известны причины возникновения этой войны. Дело не в легкомыслии Императора Николая 1-го, а в его неизменном стремлении защитить славян и православие от турок, под властью которых находилась Греция и Балканы. Наиболее памятный случай — это повешение Константинопольского Патриарха в облачении на дверях греческого собора, и одновременно на острове Хиосе было вырезано 20.000 греков. После этого было достигнуто соглашение с Англией и Францией о совместных действиях против Турции, т.к. дипломатические переговоры не дали результатов. Флоты Англии, Франции и России в 1827 году уничтожили турецкий флот в Наваринской бухте. Франция даже высадила десант на Морею. Но дальше этого союзники не пошли. Но Николай 1-й бросил свою армию через Молдавию и нижний Дунай. Турки были разбиты у Варны и дер. Кулевичи, и русская армия впервые перешла Балканский хребет. В Закавказье мы овладели крепостями Карсом и Эрзерумом. В результате этих побед Турция уступила России устье Дуная и Кавказское побережье Черного моря, признала независимость Греции, автономию Молдавии, Валахии и Сербии. Россия получила огромное влияние в Турции — почти протекторат.

Усиление России было не в интересах Запада. Особенно Англии. Уступая требованиям и угрозам Николай 1-й в 1840 году согласился на протекторат над Турцией пяти держав: России, Англии, Франции, Австрии и Пруссии. Как следствие этого — постоянные интриги против России в Константинополе. В результате этих интриг в 1853 году Турция объявила войну России. Русский черноморский флот вошел в турецкий военный порт Синоп и в бою уничтожил всю турецкую эскадру, стоявшую в порту. Русская армия перешла Дунай и осадила крепость Силистрию. Но...Франция и Англия вводят свой флот в

Черное море и объявляют России войну, спасенная за пять лет до этого Австрия требует отвода русских войск от Дуная, угрожая нападением на них с тыла несмотря на данное за год до этого обещание нейтралитета при свидании императоров Николая 1-го и Франца Иосифа в Ольмюце.

Англо-Французские войска после победы при устье реки Альма осадили крепость Севастополь. 11-месячная оборона Севастополя полна героизма русских войск и их начальников!

Знает ли Н. Ульянов, откуда я взял эти сведения?

Все это написал советский историк Е.А. Разин в своей книге "Империалистические войны 19 века" стр. 65-70. Воен Изд. Мин. Обор. Моск. 1952г.

Советский историк, коммунист и потенциальный враг старой России с большим вниманием и объективизмом относится к Русской истории чем политический эмигрант Н. Ульянов.

Г. Майдачевский

ПИСЬМО КОРОЛЕНКО

Про это письмо мне рассказал покойный Дмитрий Миронович Стонов (1898-1962), у которого оно было изъято во время обыска при аресте в 1949 г. Письмо по всей вероятности уничтожено. Следователь во время допроса черкал на нём чернилами, а на восклицание Стонова

— Что вы делаете!? Ведь это письмо Короленко! — ответил

— Подумаешь, очень нам важна какая-то антисоветчина!

Вполне допускаю, что имя Короленко следователю ничего не говорило. Побывав дважды под следствием и судом, читая многие протоколы допросов и копии приговоров заключённых, осуждённых в разных городах, я был просто озадачен безграмотностью следователей. И более, чем естественно, если люди, истреблявшие русскую интеллигенцию, уничтожили письмо Короленко.

В 1921 году Стонов и группа его товарищей затеяли в Полтаве издание альманаха и обратились к В. Г. Короленко с просьбой принять в нём участие. Короленко принял молодых людей у себя дома, но разговаривать с ними не смог, так как был уже почти глухим, и ответил на их просьбу письмом. Насколько помню пересказ Д. М. Стонова, письмо было примерно такое.

Мне было бы приятнее ответить Вам согласием, нежели отказом, и я объясню подробно, чтобы Вы правильно поняли мои побуждения.

После установления советской власти, в Полтаве начали издавать газету "Известия". Редактором газеты был некто Энтин. Меня пригласили сотрудничать в качестве постоянного корреспондента. Я согласился.

В 1918 году в "Известиях" была напечатана статья Пятакова, восхваляющая красный террор. Я немедленно написал возражение на статью Пятакова, высказав все, какие мог, доводы против террора, заимствованные преимущественно у социалистических авторов. Моя статья напечатана не была. Более того, через несколько дней в "Известиях" появилась статья некоего Жарковецкого, в которой между прочим заявлялось, будто потоянный корреспондент газеты Короленко выразил солидарность со статьёй Пятакова. Я послал в редакцию протест. Протест напечатан не был. Я послал письмо с просьбой вернуть рукопись моей статьи, так как не оставил у себя копии. Редакция отвечала молчанием. Тогда я дал себя слово, что впредь ни одна моя строчка никогда больше не выйдет под большевицкой вывеской.

Повторяю, мне было бы приятнее ответить Вам согласием, нежели отказом, но теперь Вам должно быть понятно, что предложение Ваше для меня неприемлемо.

Дальнейшая судьба Энтина и Жарковецкого неизвестна. Они никогда больше не появлялись на горизонте и едва ли кончили хорошо.

Судьба Пятакова общеизвестна. Спустя неполных двадцать лет он сполна испытал красный террор на себе самом.

Копия письма В. Г. Короленко хранится в рукописном фонде Центральной публичной библиотеки им. Ленина в Москве. Оттуда Д. М. Стонову прислали запрос, не согласится ли он передать библиотеке оригинал. Стонов сообщил, где, по его мнению, можно разыскивать изъятое у него письмо. Библиотека направила запрос в управление госбезопасности. Ответа не последовало...

Иерусалим

Виктор Каган

О СМЕРТИ КНЯЗЯ СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО

Князь Дмитрий Петрович Святополк-Мирский родился 27 авг. 1890 г. н. с. в селе Гиевке Харьков. губ. Сын либерального министра.

Окончил филологич. ф-т Петерб. ун-та. Эмигрировал. Читал курсы по русской литературе в Лондонском ун-те и в Королевском колледже (1922-32). Сотрудничал в журнале Т. С. Элиота *Критерион*. Примкнул к движению евразийцев. Писал о литературе в евразийском сборнике *Версты*. В начале 30-х г. вернулся в СССР. Замечательна его Антология русской поэзии (1924). Его самый значительный труд: написанная на прекрасном английском языке *История русской литературы* (1927 г.). Эта книга много раз переиздавалась и считается лучшим пособием для английских и американских студентов. В этом труде С-М уделяет немало внимания Леонтьеву и Розанову, кот. в Сов. Союзе замалчиваются. Интересны его оригинальные мысли, напр., сближение Чехова и Анненского. Эту аналогию я развил в моей немецкой статье. С.М высоко расценивал футуристов, но по вкусам он скорее акмеист и по взглядам близок к *Аполлону*. Один из его любимых поэтов: незаслуженно забытый гр. Комаровский, близкий к акмеистам (его стихи и проза скоро будут переизданы в изд-ве Финк). Книгу С-М о русской литературе давно следовало бы перевести на русский язык.

В СССР С-М сотрудничал в *Красной Нови, Литерат. Наследстве* и др. журналах. По данным краткой Лит. Энциклопедии (т. 4-ый): "В 1937 г. С-М был репрессирован; реабилитирован посмертно". Дата смерти: 1939 г. Из публикуемого ниже письма мы узнаем о трагической гибели кн. С-М. Это письмо я получил от покойной гр. Елизаветы Павловны Шуваловой, преподававшей в известном колледже Смита. Она знала С. М. еще с раннего детства.

Юрий Иваск

Милостивая Государыня
Многоуважаемая

С большим желанием и с грустной болью в сердце я исполняю Вашу просьбу.

К сожалению я располагаю сведениями о Князе Святополк Мирском очень немногими, даты будут некоторые не совсем точные, т. к. сбилось, и мы чувствовали себя, как мухи осенью.

Я, как и много других политических заключенных, в конце сентября 1937 года из Уссурийской тайги, был направлен в гор. Владивосток в транзитный лагерь. После моего прибытия туда, дня через два — (2 — 3 октября 1937 года) в этот транзитный лагерь прибыл московский этап заключенных по политическим статьям. В этом транзитном лагере концентрировались заключенные для отправки на Колыму. В наш барак поместили около 150 "новеньких" заключенных из московского этапа. Находясь в одном бараке я познакомился с Женей, сыном проф. Александра Александровича Флоренского, который в свою очередь познакомил меня со своей компанией, среди которой был уже Д. Святополк-Мирский. Первая встреча их заинтересовала: узнавши, что я уже около года проработал в лагере, а они только-что прибыли из Гигорханы, они меня расспрашивали об условиях жизни, режима и работы в конц. лагерях. Женя, сын профессора Флоренского, мне потом рассказал о каждом из своей компании. И от него я узнал, что Князь Святополк-Мирский был в Англии и что он по уговору Максима Горького возвратился в СССР, что князь работал в Академии Наук в Литературном Отделе. Арестован он был в 1937 г. (в какой месяц не помню) и без суда, а особым совещанием особой тройки Н. К. В. Д. заочно был приговорен к 10 годам заключения. Пробыли мы в Владивостоке до 27 октября 1937 года, и эти три недели мы были в одном бараке. Во время бесед князь был неразговорчив, но не отказывался высказывать свои мнения по поводу Максима Горького. Он сказал, что Максим Горький не мог быть равнодушным наблюдателем кровавого произвола*)

27 октября 1937 г. нас 4500 человек (400 чел. женщин) погрузили в пароход Куку и 4 ноября 1937 г. мы прибыли в город Магадан (4 километра от бухты Нагаева) в... (неразборчивое имя) пункт №. I. Там я попал в другой барак, встречались реже, я только изредка заходил в их барак. 16-го или 17-го ноября их отправили на золотой прииск "Пятилетка", а меня на золотой прииск "Нечаянный". Зима 1937-38 была для заключенных ужасной. В некоторых лагерях до 75% погибло.

В 1938 году в декабре месяце, я как инвалид был привезен в инвалидный лагерь, находившийся в 23 километрах от города Магадана, где я встретил некоторых из московского этапа и мне

*(Горький умер 18 июня 1936 г., а кн. С-М говорит о нем, как о живом. Здесь некоторая неувязка.

сказали, что князь Д. Святополк-Мирский находится в этом же лагере в больничном бараке (у него было буйное помешательство). Я несколько раз просил разрешения зайти в больничный барак, но каждый раз мне отказывали в этом. Через несколько недель мне санитар сообщил, что князь Святополк-Мирский умер. Я предполагаю, что это было в конце января 1939 года (точно даты не помню).

Из всей компании уцелел только Женя, сын Флоренского... Сам Флоренский умер еще задолго до смерти Д. Святополк-Мирского на золотом прииске "Пятилетка" в начале 1938 года.

Вот и всё, многоуважаемая . . . . . , что я знаю о грустной истории князя Д. Святополк-Мирского.

Примите уверение в совершенном почтении

Искренне Ваш. . . . . .

ПУШКИН О БУЛГАРИНЕ

II марта 1830 г. в "Северной пчеле" появился Булгаринский пасквильный анекдот против Пушкина. В нем были такие слова: "... природный француз, служащий усерднее Бахусу и Плутусу, нежели Музам, который в своих сочинениях не обнаружил ни одной высокой мысли, ни одного возвышенного чувства, ни одной полезной истины, у которого сердце холодное и некое существо как устрица, а голова — род побрякушки, набитой гремучими рифмами, где не зародилась ни одна идея".

Задумаемся на минуту. Попытки дискредитировать Пушкина и Гоголя... и этот ернический, безобразный язык... Кого нам все это напоминает?.. Абрама Терца. Нынешний преподаватель Сорбонны, наверное, читал Булгарина. Конечно, тут нет плагиата: Синявский усвоил, развил и разработал идеи своего предшественника; он даже придал им некоторый поверхностный блеск.

Характерна реакция самого поэта на поклепы Булгарина. Он её выразил в свойственной ему неповторимой манере в письме Вяземскому из Москвы: "Булгарин изумил меня своею выходкою, сердиться нельзя, но *бить его можно и думаю, должно..*".

Интересно то, что царь Николай I, прочитав опус Булгарина, обратился к Бенкендорфу со следующими распоряжениями: "Я забыл Вам сказать, любезный друг, что в сегодняшнем нумере "Пчелы" находится опять несправедливейшая и пошлейшая статья, направлен-

ная против Пушкина; к этой статье, наверное, будет продолжение: поэтому предлагаю Вам призвать Булгарина и запретить ему отныне печатать какие бы то ни было критики на литературные произведения; и, если возможно, запретить его журнал".

Общее чувство негодования и у царя и у поэта, разделило потом, как известно, все русское культурное общество. Так не лучше ли бы Синявскому оставить нелестную роль последователя Булгарина?

В. Рудинский

БИБЛИОГРАФИЯ

ПРОТ. АЛЕКСАНДР КИСЕЛЕВ. ОБЛИК ГЕНЕРАЛА ВЛАСОВА. ЗАПИСКИ ВОЕННОГО СВЯЩЕННИКА. Изд-во "Путь жизни". Нью-Йорк. 1977 /205 стр/.

Эта нужная книга написана с подкупающей искренностью. В ней много и документального материала. Читатель видит подлинный облик ген. А.А. Власова. Надо пожелать книге о. А. Киселева широкого распространения не только за рубежом, но — по возможности — и в СССР, где о власовском движении и лично о ген. А. А. Власове написано и пишется столько лжи и клеветы.

Хорошо, что о. Александр в своей книге дает не только облик ген. Власова, но и воспроизводит всю страшную трагическую картину того времени войны, когда миллионы русских людей попали в Германию, как военнопленные, депортированные, и как люди, оказавшиеся на родной земле под немецкой оккупацией.

Читатель невольно запоминает штриховые зарисовки разговоров разных людей с ген. А. Власовым, показывающие и его выдержку, и ум, и остроумие. Для характеристики Власова чрезвычайно важны приложения к книге, как например, запись встречи ген. Власова с Гиммлером, запись Константина Георгиевича Кромиади "А.А. Власов и Церковь", переписка ген. А. Деникина с ген. Айзенхауэром по поводу насильственной выдачи советских пленных Сталину и другие документы.

Яркий облик ген. А. Власова убеждает, что лучшего вождя народного антибольшевицкого движения, чем этот генерал из крестьян, в юности на медные гроши учившийся в семинарии, нельзя было бы найти. К сожалению, в облике вождей белого движения этой *народности,* этой слитности с толщей народа не было. Она была у вождя

Тамбовского крестьянского восстания Антонова. И такие народные люди -- как Антонов и Власов -- для большевиков страшней всего.

Характерна запись встречи ген. Власова с ген. П. Н. Красновым и ген. А. А. Лампе. "Обращаясь к Лампе, Власов спрашивает о его отношении к РОА, на что Лампе отвечает: "Мы с ген. Красновым монархисты, Андрей Андреевич". -- "Поезжайте в наше село, -- гудит голос Власова, -- Там вы найдете третьего — моего отца. Он кирасир и его идеал -- император Александр III". Хороша запись разговора Власова с женой штандартенфюрера Крёгера. В этом разговоре русская по происхождению фрау Крёгер нашла нужным упомянуть, что в свое время у ее отца на Кавказе было 30.000 овец, на что Власов ответил: "А у моего отца было пять овец".

В книге прекрасно описано, с каким достоинством держал себя ген. А. Власов в последние дни. "Личное мужество. -- пишет отец Александр, -- не оставляло ген. Власова до самого последнего момента. . Он отвергает предложение бежать самолетом в Испанию. Его не покидала выдержка и тогда, когда он понял, что все и окончательно кончено: в последние дни перед выдачей он пытался свою жизнь обменять на судьбу солдат РОА -- собою выкупить их свободу..."

Правдивую и хорошую книгу написал отец Александр.

Роман Гуль

А. АВТОРХАНОВ, ЗАГАДКА СМЕРТИ СТАЛИНА, Посев, 1976, стр. 316.

Перед нами новая книга о Сталине, привлекающая внимание сразу же и заглавием, и темой, и фамилией автора, известного не только как историк широкого охвата, но и как человек, непримиримый к большевизму во всех его проявлениях.

Книга написана и сухо и сочно в одно и то же время, и эмоционально и сдержанно, в ней поразительно сочетается интеллектуальная беспристрастность и воспламенённость автора темой, аналитическое хладнокровие и душевная горячность. И потому она и мобилизует мышление читателя, вовлекая его в своеобразное следствие, предпринятое автором, и в то же время заражает интенсивностью переживания (эмоциональной оценки) той чудовищной атмосферы, которую создали, в которой жили сами и которую распространяли вокруг себя на всю страну те, кто принадлежал к партийной верхушке советской власти. Ужасают не просто человеческие типы, составляющие Политбюро, не просто их поведение, а сам стиль их жизни, тип их бытия.

Читая книгу, погружаясь в будни Политбюро, ловишь себя на

мысли, что все эти сталины, берии, хрущевы, маленковы и т. д. не просто преступники, но что это особые существа, и что эта "особость", вырабатываемая в них по мере того, как нарастал стаж их жизни во власти, все более вытесняла в них остатки человеческого. Попав силой революционных и пореволюционных брожений и взрывов в советскую иерархию и поняв основной закон её — чтобы выжить, ты должен умертвить другого, они все оказались на стезе, предрешившей все их каждодневные преступления. Борьба за власть, стремление стать выше других в иерархии любой ценой — вот психологический закон, руководящий их поведением, и следование ему является следствием просто здравого понимания ситуации: я или другой. Кровавая борьба за власть просто попытка спастись от смерти. Думается, это основное психологическое содержание (единственная реальность за идеологическим фасадом) того, что в сталинскую эпоху расползалось от центра власти к периферии массового мировосприятия, отравляя людей, отстоящих даже далеко от этого центра.

В книге приведено много данных о личности Сталина, Берии, освещается их подспудная, но непримиримая и непрерываемая ни на миг конфронтация. Интересно авторское заострение на данных о психологической капитуляции Сталина после объявления войны Германией. Шок, скрутивший Сталина на довольно долгое время ("Все потеряно. Я здаюсь"), также его парадоксальная реакция на то, что в Америке создана атомная бомба (в разговоре с Черчилем), его комплекс личного бессмертия, все это наталкивает на мысль, что Сталину было присуще то, что экзистенциальные психологи называют онтологическая неуверенность — ontological insecurity (см. Лэинг, Босс и др). Может быть ребёнком Сталин был "напуган" Богом, каким он его познавал в семинарии, и "напуган" именно смертью, идея которой стала в глубине его души неотрывна от идеи Бога. Культ собственной личности и система террора, принцип власти как норма отношений с людьми, присвоение себе права присуждать собственной волей смерть людям и держать их таким образом в зависимости от себя — все это для Сталина имело бессознательное значение системы психологической защиты от Бога и от смерти.

В своих соперниках, врагах и "чужих" Сталин видел не только источник физической для себя угрозы, но и олицетворение угрозы метафизической. Сильнейшая бессознательная тенденция "стать Богом" (ибо только так можно преодолеть смерть) вызвала у Сталина этот метафизический страх других людей, которые уже представляли для него опасность не только физическую, но и для утверждаемой им его собственной "божественности" как или соперничающие с его

"божественностью" борьбой с ним: за власть, за свои убеждения, или же как просто не жалающие верить в его всемудрость и всеправоту. Третьим качеством "бога толпы" — всесилием, Сталин и утверждал свою "божественность" на насилии и крови. Повидимому, восприятие другого человека просто как носителя физической угрозы не способно пробудить страх и ненависть такой интенсивности. Только сочетание двух угроз в другом человеке — физической и метафизической, его не только физическое сопротивление, но и неверие в божественные притязания лидера — способно вызвать столь крайнюю реакцию как проведение террора такого необычайного масштаба как Сталинский.

С вышеописанным согласуется и некая "магическая сила" Сталина, описанная многими. Если психологическими качествами, выражающими человеческую ("материальную") силу, являются: самоуверенность, нетерпимость, безапеляционность суждений, волюнтаризм, приказная форма мышления и т. д., то "магическая сила", выражающаяся в давящем или пронизывающем взгляде, в излучаемой и подавляющей смотрящего энергии и т. д., это атрибут "божественного". Природа этих "магических" свойств — ни что иное как сверхкомпенсация онтологической неуверенности, пробуждаемой общением с другими людьми, это психологическая имитация сверхчеловеческой силы с бессознательной целью "победить, покорить другого человека". Магическая сила такого типа вырастает из базисной слабости, из потери (или недостижения) контакта с Бытием, ставшей основой очень сильной неуверенности в себе, из невротического ощущения эфемерности собственной души и потому собственной личности и жизни.

По контрасту со Сталиным Берия в описании Авторханова — человек, лишенный каких бы то ни было комплексов вообще. Это совершенный палаческий компьютер. Никакой впечатлительности, никаких неадекватных реакций, никаких эмоциональных "слепых точек".

Что касается самой темы книги — заговора Берия против Сталина, то превосходно доказав свой тезис по существу, автор, кажется, сам понял себя слишком уж буквально, соблазнившись внешне эффектным предположением. Из описаний Авторханова кажется абсолютно несомненной та степень ненависти, которая встала между Сталиным и его "соратниками" незадолго перед его смертью, то, что в их глазах Сталин потерял не только престиж и влияние, но и ореол неприкосновенности. Такая позиция относительно Сталина, по нормам 50-х годов в СССР — уже чудовищная измена, предательство, равносильное заговору. Сама возможность полуоткрытой полемики между

Сталиным и политбюро, описываемой Авторхановым — уже нечто совершенно невообразимое для советского сознания тех лет. Однако, предполагать скрупулезно разработанный заговор против Сталина кажется чрезмерностью, слишком литературно эффектной интерпретацией происшедшего, хотя и проведенной с исследовательским блеском. Здесь вспоминается мягко говоря странная фраза из аннотации к книге, что последняя "читается как криминальный роман". Нет, эту книгу читаешь не как роман, а как документ о жизни реальных преступников, документ, за которым стоят человеческие жертвы и целая эпоха страданий. Эта талантливая книга очень интересна, но не как интересны криминальные романы, а в каком-то глубочайшем и суровом смысле, как сама жизнь, как сама история. И книгу эту читать страшно, слишком глубоко человеческое падение, описанное в ней, слишком велика моральная извращенность ее "персонажей".

Книга Авторханова, приводящая много новых фактов и соображений, необычайно стимулирующая мышление об описанной в ней эпохе, книга-справочник о предсмертном крушении Сталина должна быть прочитана всеми, кого интересует история большевизма в России.

В. Зубов.

"THE HOUSE OF SPECIAL PURPOSE". AN INTIMATE PORTRAIT OF THE LAST DAYS OF THE RUSSIAN IMPERIAL FAMILY, COMPILED FROM THE PAPERS OF THEIR ENGLISH TUTOR CHARLES SYDNEY GIBBES BY J. C. TREWIN, STEIN AND DAY, New York, 1975;

Убийство императора Николая Александровича и его семьи было каплей в море, пролитой коммунистами в России. Жертвами красного террора стали не только они, но и другие члены династии, большинство православного духовенства, многочисленные офицеры и гражданские чиновники, землевладельцы и купцы, сотни тысяч рабочих и десятки миллионов крестьян, погибших не только от пуль, но и от искусственно вызванного голода. Если — при таком истреблении ни в чем неповинных людей — задуманное Лениным и Свердловым, подготовленное Голощекиным и осуществленное Юровским преступление отличается от всех остальных коммунистических расправ, то потому, что — по замыслу большевиков — смерть монарха, его наследника и остальной семьи должна была символизировать окончательную гибель исторической России и ее порабощение коммунистическим интернационалом.

Именно поэтому судьба царя и его близких продолжает привлекать внимание историков -- русских и иностранцев. После трудов Соколова, Жильяра и Дитерихса трудно что-либо прибавить к обстоятельствам и обстановке трагической смерти императорской семьи в подвале Ипатьевского дома. В прошлом году, однако, была издана в Нью Йорке, на английском языке, книга, сообщившая много нового и достоверного о жертвах этого преступления, об их духовном облике и характере, об их заключении в Тобольске.

Написавший эту книгу Дж. С. Тревин не назвал себя ее автором потому, что его труд состоял, преимущественно, в использовании записей и документов, сохранившихся в архиве покойного Чарльза Сиднея Гиббса, сына англиканского священника и будущего православного архимандрита.

В начале нашего столетия Гиббс прибыл из Англии в Россию, чтобы стать в Петербурге преподавателем своего родного языка. Это ему удалось настолько, что в 1908 году он был приглашен в Царское Село для исправления не совсем правильного английского произношения старших дочерей царской четы. Он проявил себя отличным педагогом и, постепенно, от уроков трем старшим великим княжнам перешел к преподаванию четвертой, а затем и к урокам подроставшему престолонаследнику. Книга содержит обнаруженные в его архиве страницы дневника, в котором это преподавание описано, и характеристика императора, императрицы и их детей.

Часть военных лет Гиббс провел в Могилеве, в Ставке верховного главнокомандующего, где цесаревич Алексей одно время жил с отцом. Февральские события 1917 года застали его в царскосельском дворце. Временное правительство позволило ему съездить в Петроград, для устройства личных дел, но обратно во дворец не допустило. Его преданность царской семье была, однако, настолько велика, что, после ее принудительного отъезда из Царского Села в Тобольск, он туда добровольно переехал и добился возможности посещать их в превращенном в тюрьму бывшем губернаторском доме.

Подробное описание жизни императора и его семьи в Тобольске -- самая значительная, с точки зрения историка, часть книги, так как Гиббс продолжал вести дневник и записывал свои впечатления. Оттуда же -- из Тобольска -- им была сделана попытка обратить внимание английского короля Георга на угрожавшую его русским родственникам опасность. Отклика из Лондона он не получил.

При перевозке из Тобольска в Екатеринбург царевича Алексея и трех великих княжен — императорская чета и одна из их дочерей были вывезены туда раньше — Гиббс, по собственному желанию, к ним присоединился. В Екатеринбурге, однако, большевики не только не допустили его в Ипатьевский дом, но и потребовали немедленного отъезда из города, в который он смог вернуться лишь после его освобождения белыми от красных.

Последующая жизнь англичанина, вписавшего свое имя в историю России, была менее красочной, но воспоминания о мучительной смерти царской семьи и ее христианском долготерпении настолько запали в его душу, что в 1934 году он пожелал стать православным, а, год спустя, стал иноком Николаем, принявшим имя в память русского царя. Скончался он в 1963 году, в глубокой старости, в сане архимандрита и настоятеля православного прихода в Оксфорде.

Его свидетельство об императоре, императрице, их дочерях и сыне должно стать известным каждому, кто хочет составить себе о них беспристрастное мнение. Заслуживают внимания украшающие книгу многочисленные иллюстрации — воспроизведение редких, ранее неизвестных фотографий, снятых в Ревеле, Царском Селе, Могилеве, Тобольске и Екатеринбурге.

С. Войцеховский

Life After Life by Raymond A. Moody Jr., Bantom Edition, 1976.

В прошлом наука и материалистическое крыло философии полностью отрицали религию, считали ее пережитком невежественного прошлого, порождением терроризированного природой человеческого рассудка. Религиозное учение о Боге, душе, загробном мире почиталось мифом. Причем, мифом вредным, задерживающим социальное развитие общества, и антинаучным. И лишь те немногие ученые, которые понимали, что научные знания бесконечно малы по сравнению с великими тайнами природы, космоса и внутреннего (духовного) человеческого Я, не только отказывались так категорически осуждать религию, но и верили в Бога, были религиозны.

С течением времени, познавая новые тайны мироздания, ученые поняли, что мир состоит не только из вещественных атомов и порождаемой ими энергии, но есть в нем нечто *Иное,* нашими слабыми органами чувств и рассудком непостижимое. Больше того, начали

высказываться предположения, что это Иное главенствует во вселенной, что оно является первичным. Эти открытия (или теории) направили путь науки на сближение с религией, постулаты которой оказались не такими уж мифическими и антинаучными.

Значительным шагом на пути этого сближения может оказаться труд доктора философии, психологии и медицины Раймонда Мууди младшего, результаты которого кратко и в популярной форме изложены в его книге "Жизнь после жизни". Речь идет о людях, переживших клиническую смерть, а потом, с помощью новейших медицинских методов, возвращенных к жизни.

Доктор Мууди опросил около 130 таких "бывших мертвецов". Их повествования о том, что они "видели" и пережили будучи мертвыми, оказались настолько близкими к полной идентичности между собою, что отнести их к болезненному бреду или сновидению просто невозможно. Люди разного возраста, жившие в совершенно различных бытовых и социальных условиях, и в разных концах страны (и, конечно, не знающие друг друга), умершие при различных обстоятельствах, вряд ли могли видеть один и тот же сон или бред.

Общие черты этих переживаний следующие: Умирающий слышит, как доктор объявляет о его смерти. Его начинают беспокоить громкие звуки — звон, жужжание. В то же время он с огромной скоростью проносится через некий, совершенно темный туннель ("долину смерти"). После этого умерший оказывается вне своего тела, но вблизи от него. Свободный от силы земного притяжения, он витает в воздухе и наблюдает, как окружившие его труп люди пытаются возвратить его к жизни.

Первое время чувствует себя растерянным. Он огорчен, "сбит с толку". Потом постепенно осваивается; осознает, что по-прежнему остается "кем-то" или "чем-то" — каким-то Я, но не облеченным в физическое тело.

Вскоре, кроме живых людей, хлопочущих над его трупом или оплакивающих его, появляются "духи", такие же, каким стал он. Они стараются помочь ему освоиться с новым миром, ободрить его. Среди них он узнает ранее умерших родственников, друзей. Общаются они между собою не с помощью речи, а прямым улавливанием мысли.

Наконец, появляется еще одно Лицо — некий Высший Всеобъемлющий Свет. Этот Свет встречает умершего, с любовью. Расспрашивает о пройденной жизни и Сам показывает ему "в мгновение

ока" всю его жизнь. Это так умиротворяет умершего, делает его новое бытие таким счастливым и светлым, что он совершенно забывает о покинутой земле и о всем, что на ней он оставил.

В таком "духовном" состоянии не стесняют никакие физические препятствия. Он свободно проникает сквозь стены, живые люди "проходят сквозь него". Но какая-то грань между "тем" и "этим" миром оказывается непроницаемой.

Наконец, он по чьей-то воле оказывается вынужденным возвратиться в свое тело. Упоенный Светом, Любовью и Миром той жизни, он не хочет возвращаться, сопротивляется даже, но все-таки снова водворяется в свое физическое Я и опять начинает жить на земле.

В некоторых случаях детали этой общей схемы вариируются незначительными отклонениями, но в основном она оказывается присущей почти каждому случаю.

Описание подобных переживаний доктор Мууди находит у Платона, описавшего в диалоге "Республика" мифический случай смерти греческого солдата Эра, который после "воскресения", сообщил о своих "загробных" переживаниях почти то же, что переживали и нынешние "временные мертвецы".

А особенно близкое сходство в описании таких переживаний он нашел в древней тибетской книге "О смерти" и трудах шведского ученого естествоведа Эммануэля Сведенборга (1688-1772).

В Библии он указывает на места из пророчеств Исайи и Даниила, повествующих о воскресении мертвых; на момент превращения Савла в Павла (Деяния 26, 13-26) и на поучение ап. Павла о воскресении (I Кор. 15, 35-52).

К сожалению, он не обратился к святоотеческой литературе. Там он смог бы найти много повествований, точно совпадающих с его описанием "загробной жизни".

Заключая свой труд, Мууди подчеркивает, что это только начало исследований в данной области и делать какие-либо выводы еще слишком рано. Но он надеется, что исследования эти будут продолжаться и приведут к точному познанию жизни после смерти.

Однако, уже сейчас мы можем сказать, что труд доктора Мууди свидетельствует о непреложности христианского учения о загробной жизни. Выходит, это учение не миф, не выдумка запуганного природой древнего человека, а имеет, кроме богооткровения, весьма положительные основания в житейском опыте. Во всяком случае, его труд под-

утверждает догму: жизнь не кончается с физической смертью, а продолжается в другом плане, в плане духовном, невещественном.

Так новейшие достижения медицины, позволившие возвращать к жизни умерших людей, дали возможность сделать еще один шаг к сближению науки и религии.

Для меня же эта книга интересна еще и потому, что я дважды находясь на пороге смерти, частично пережил то, что в ней описано.

С. Женук

Simon Karlinsky. The Sexual Labyrinth of Gogol. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts, and London, England 1976, 333 pp.

Казалось бы, мало что нового можно еще сказать о Гоголе. Литература о нем почти необозрима, а, всё-же, книги, целые книги, ему посвященные, продолжают появляться, и их авторы всё снова стараются объяснить и его произведения и его характер.

Конечно, всё это большей частью повторения или вариации уже известного, попытки разъяснить многочисленные "загадки" вокруг Гоголя-человека, понять его, иногда более чем странные действия.

Новую книгу о Гоголе встречаешь, обыкновенно, с недоверием: опять, боишься, то же самое, и, дай Бог, может-быть где-нибудь одно, другое новое наблюдение или замечание. Стоит ли читать?

Говорю я, конечно, главным образом о зарубежной гоголевской литературе. Шаблоны советской критики достаточно известны и ничего, за малыми исключениями, после времен "формализма", больше не дают. Книга Синявского (Терца) "В тени Гоголя" для меня совершенно неприемлема: оригинальничанье и искажение или незнание фактов к утешительным результатам привести не могут.

И всё-же оказывается, что существует подход к Гоголю, который объясняет его "загадки", который может дать ключ к пониманию Гоголя и как писателя и как человека. Книга проф. С. Карлинского это обзор жизни и творчеста Гоголя под аспектом его якобы уклона к гомосексуализму и вытекающего из этого уклона чувства греховности и обреченности. Так часто и досконально упоминаемая в литературе маниакальная религиозность Гоголя, объясняется автором таким образом довольно легко, также как и всюду упоминаемая его неудача в описании женщин и их характеров (какие-то неописуемые красавицы, дуры или ведьмы), в то время как галлерея его мужских портретов —

незабываемые типы, выходящие из рамок индивидуальности в обобщение высшего, истинно артистического порядка.

В книге много очень интересных открытий чисто филологического или литературного характера. Один пример из многих: сколько было говорено о странном имени "царя гномов" Вий, которое никак не удавалось удовлетворительно объяснить, так как в украинском фольклоре оно не встречается. Карлинский сопоставил "Ундину" Жуковского с произведением Гоголя. В "Ундине" Жуковский производит от слова "струя" Дядя Струй; то же, повидимому, делает и Гоголь с Вием: ресница по украински "вія"; таким образом создается полная параллель, на которую указывал уже Леон Стилман. Но Карлинский идет гораздо дальше: сопоставляя славянские обозначения родственных отношений, почти что "жонглируя" их фонетикой, он убедительно объясняет Вия как демона, представляющего полный отказ от сексуальности вообще.

Интересно также всё, что Карлинский говорит об отношениях Гоголя с художником Александром Ивановым. Иллюстрации в книге поддерживают его воззрения.

Неясный облик Гоголя, при осторожном подходе Карлинского и с его отличным знанием материала, приобретает безусловно трагический, но в то же время четкий и убедительный характер.

Гарвардский Университет

В. Сечкарев

КНИГИ ДЛЯ ОТЗЫВА

Марина Цветаева. Лебединый стан. Перекоп. Изд. ИМКА. Париж 1976 (164 стр.)

А. П. Федосеев. Западня, изд. Посев, 1976 (373 стр.)

Иван Елагин. Под созвездием Топора. Избранное. Изд. "Посев". 1976 (244 стр.)

Хроника Защиты Прав Человека. Вып. 23-24. Изд. "Хроника". Нью Йорк. 1977 (100 стр.).

Л. Ржевский. Две строчки времени. Роман. Изд. "Посев". 1976 (178 стр.)

Лариса Богораз. Мелкие бесы. Изд. Н. Горбаневской. Нью Йорк. 1976 (14 стр.).

Илья Земцов. Партия или мафия. Разворованная республика. Изд. Объединенных Издателей. Париж. 1976 (123 стр.)

А. Авторханов. Загадка смерти Сталина. Изд. "Посев" 1976 (316 стр.)

Е. Филипс-Юзвиг. Немцы о русских. По мемуарной литературе периода второй мировой войны. Изд. "Славия". Нью Йорк. 1976 (297 стр.)

Ирина Сабурова. Королевство. Мюнхен. 1976 (396 стр.)

Александр Зиновьев. Зияющие высоты. Изд. L'Age d'Homme, Лозанна. Швейцария. 1976 (561 стр.)

В. Самарин. Теплый мрамор. Нью Йорк. 1976 (75 стр.)

Двадцатый век. Общественно-политический альманах. I. Редакторы Рой Медведев и Р. Лерт. Лондон. 1976 (236 стр.)

СССР. Демократические альтернативы. Сборник статей. Изд. Ахберг. Германия. 1976 (334 стр.)

Самосознание. Сборник статей. Изд. "Хроника". Нью Йорк. 1976 (320 стр.).

D. Goldstein. Dostoievski et les Juifs. Lallimad. Paris 1976 (p. 340).

M. de Enden. Raspoutin Tou la fasination. Fayard. Paris. 1976. (p.336).

N. Nabokov. Bagayh. Memoirs of a Russian Compolitan. Atheneum, N.Y. 1976 (p. 397).

Vera Carpovich. Solzhenitsyn's Peculiar Vocabulary. Russian-English glossary. Technical Dictionarie Co. N.Y. 1976 (p.335).

R. Wurmbrand. The answer to Moscow's Bible. Hodder and Stoughton. London 1976 (p. 192).

Wassilij Alekseev and Theofanis G. Stavrou. The great Revival. The Russian Church under German Occupation. Burgess Publ. Co. Minneapolis. 1976, 229 pg.

Peter Hodgson. From Gogol to Dostoevsky. Wielhelm Fink Verlag. München 1976. 190 pg.

Wolfgang Kasack. Lexikon der russischen Literatur ab 1917. Kröner verlag. Stuttgart, 1976, (s. 457).

Н. Ульянов. Сириус. Изд. Киннипиак, Мюнхен, 1977 (434 стр.).

Bruce Herschensohn. The Gods of Antenna. Arlington House Publishers. 1976 (p. 155).

Boris Souvarine. Staline. Aperçu Historique du Bolchevisme. Editions Champ Libre. Paris. 1977 (p. 639).

НОВЫЙ ЖУРНАЛ

под редакцией

Г. АНДРЕЕВА, РОМАНА ГУЛЯ

■

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

■

В 1977 году выйдут ЧЕТЫРЕ КНИГИ

■

Подписная цена на 1977 год 20 долларов
(за 4 книги)

Цена одной книги — 6 долларов
Во Франции — 20 франков

■

ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ В КОНТОРУ
«НОВОГО ЖУРНАЛА»

THE NEW REVIEW, 2700 BROADWAY
NEW YORK, N.Y. 10025

Телефон редакции и конторы: MO 6-1692

Прием по делам редакции и конторы — ежедневно, кроме праздников и суббот, от 10-ти до 12-ти час. дня